Дугин А.Г.

Археомодерн

Москва

2011

УДК 316.3/4
ББК 60.5
Д80

Печатается по решению кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Рецензенты:

д.филос.н. *Попов Э.А.*
д.филос.н. *Верещагин В.Ю.*

Автор приносит благодарность Н.Мелентьевой, А.Чернову, В.Туркот за помощь в работе над редактированием этой книги.

Д80

Дугин А.Г. Археомодерн – М., Арктогея, 2011. — 142 стр.

Книга представляет собой статьи и фрагменты отдельных произведений, описывающие с социологической, философской, политологической и исторической точек зрения явление, называемое автором «археомодерном». Рассматриваются проблемы соотношения археомодерна и постмодерна. Для студентов и аспирантов, обучающихся по специлаьностям социология, философия, история, культурология, политология.

Введение

Мы решили выпустить отдельным изданием данную брошюру для того, чтобы объединить в одном месте статьи, тексты и лекции, посвященные автором такому явлению как археомодерн. Это явление принципиально для понимания особенностей русского общества в целом, а следовательно, требует самого внимательного и разностороннего изучения. Более подробно эти темы рассматриваются в монографиях и учебных пособиях атвора – «Радикальный субъект и его дубль»[1], «Социология воображения»[2], «Социология русского общества»[3], «Логос и мифос»[4], «Мартин Хайдеггер: возможность русской философии»[5], «Этносоциология»[6], «Геополитика»[7] и т.д. Однако для удобства читателей и исследователей мы посчитали целесообразным собрать основные концептуальные фрагменты, поясняющие сущность археомодерна в одном месте. При этом нельзя было избежать повторов и своего рода концептуальных плеоназмов, возникших из-за того, что речь идет о тестах и лекциях, написанные и прочитанных в разное время и применительно к разному контексту. Тем не менее, такой синопсис представляется полезным, тем более что часто к нам обращались с предложениями сделать нечто подобное в виде обобщающего сборника.

---

[1] *Дугин А.Г.* Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009.
[2] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологи. М.: Академический проект, 2010.
[3] *Дугин А.Г.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2011.
[4] *Дугин А.Г.* Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010.
[5] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2011.
[6] *Дугин А.Г.* Этносоциолоия. М.,2011.
[7] *Дугин А.Г.* Геополитика. М., 2011.

Археомодерн
(введение понятия)[1]

Археомодерн как эвристический термин

Сегодня мы осмысляем археомодерн. С одной стороны, вы, наверное, не слышали этого термина, потому что его не существует. Это правильно. Даже если у вас есть какие-то ассоциации, у меня есть предложение временно их отложить. Есть два похожих термина, которые сразу остаются за пределом нашей лекции, это «археоавангард», который придумал Гиренок и «археофутуризм», который придумал Гийом Фай. Оба термина расплывчатые, но к нашему дискурсу не имеют ни малейшего отношения.

Археомодерн - это явление, которое, на мой взгляд, должно встать в центре современного философского исторического политологического дискурса. Археомодерн - это главное, что вообще у нас есть. Сейчас мы будем говорить о самом и самом главном, но будем говорить, заходя немножко издалека, а не сразу в лоб.

Хочу сказать о появлении термина "археомодерн". В определенный момент, размышляя над тематикой смены трех парадигм, парадигмы премодерна, модерна и постмодерна, я пришел к выводу, что существует какой-то зазор между тем, что мы имеем в России сегодня, и что очень напоминает западный постмодерн или общемировой. Этот зазор я стал внимательно осмыслять, потому что концы с концами не сходились. В разных конструкциях смены парадигм от премодерна и традиционного общества к модерну, от модерна к постмодерну все четко и ясно, все это остается действительным и важнейшим инструментом нашего анализа, то есть парадигмальный метод. Но в России что-то не сходилось. Когда мы смотрим на то, что происходит в нашей жизни, то это, действительно, очень напоминает постмодерн: Тарантино, Единая Россия - это из одного сегмента, то есть, идет такое откровенное, хихикающее и ухмыляющееся "не то", которое нам впаривают именно в качестве "копии без оригинала", и никто даже не делает серьезного вида. Мир симулякров – симулякров молодежных движений, симулякров идей, симулякров дебатов, симулякров СМИ, симулякров экономических процессов. С одной

[1] Заключительная лекция из цикла Новый Университет, прочитанная 28 февраля 2008 года.

стороны, все это – верный признак постмодерна, но никто из вас и мы все не можем понять, что такое постмодерн. Несмотря на то, что все вокруг нас очень похоже на постмодерн, с другой стороны, это не может быть постмодерном. Осмысление того, в чем здесь дело, почему то, что вокруг нас, похоже на постмодерн и не может быть постмодерном, привело меня к необходимости введения такого понятия, как археомодерн.

Археомодерн как парадигмальная аномалия

На самом деле, археомодерн – это не новая парадигма, это не нечто новое, добавляющееся к премодерну, модерну и постмодерну, но это нечто, что – как понятие и как концепт – родилось из осмысления несоответствия российской современной условно постмодернистической действительности канонам постмодерна. Очень важно, что парадигма постмодерна, которую мы довольно подробно с вами рассматривали в курсе "постфилософии", на самом деле следует за модерном. Обратите внимание на слово за. За модерном на трех уровнях: логически (это понятно), исторически (т.е. соответствует историческому процессу) и парадигмально. Иными словами, постмодерн как парадигма начинает вырисовываться и давать о себе знать в состоянии, когда модерн худо-бедно состоялся. То есть нельзя представить себе приход постмодерна в общество, где не было модерна. Постмодерн туда, где не было модерна, придти не может. Постмодерн обязательно следует за модерном, он не может с ним сосуществовать или ему предшествовать. Собственно говоря, основная задача постмодерна, если мы посмотрим его философскую, политическую, социальную программу, это доделать за модерн то, что модерн не доделал, то есть постмодерн в этом вопросе с модерном солидарен, он говорит "да" модерну, но он говорит: "ничтоже бо соверши модерн". Так сказал Святой апостол Павел о законе, когда он определял новые параметры существования мира в эпоху благодати: "Ничтоже бо соверши Закон". То есть закон был хорош, но он путь к обожению не открывал, и патриархи, даже праведники ветхозаветные, сидели по нашей православной традиции в аду, ожидая прихода Спасителя, на что даже рассчитывать не могли, просто сидели в той части ада, где было неплохо, честно говоря, но в аду. Точно так же постмодерн начинается там, где носители этого модерна отдают себе отчет, что "ничтоже бо соверши модерн", что начав свою программу, он не смог до конца осуществить своих намерений, не смог их воплотить. Иными словами, постмодернисты утверждают, что в модерне слишком много премодерна, и основная критика модерна со стороны постмодерна – это обнаружение в модерне архаических черт.

Модерн как инсталляция субъекта

Теперь мы должны объяснить, в чем же суть модерна, и я начинаю понимать, откуда происходят многие сбои в восприятии слова модернизация, модерн, с которыми приходится сталкиваться. Мы говорим, что модерн – это стиральная машина, хорошие дороги, дорогие европейские костюмы, бритые морды, гламур, качественный макияж, т.е. совокупность технических вещей, которые не являются ни сутью модерна, ни даже общеобязательными свойствами. Это лишь эпифеноменологические проявления, которые могут быть, а могут и не быть. Мы можем представить себе общество, где есть галстуки, бритые морды, машины и стиральные машины, но это не будет обществом модерна. Это принципиальный вопрос.

Что же тогда модерн? Модерн – это понятие, которое связано с появлением субъекта. Там, где есть субъект в его классическом картезианском понимании, там есть модерн. А там, где субъекта нет, там и модерна нет. Что мы понимаем под субъектом? Под субъектом мы понимаем классическое определение западноевропейской философии – это волевое рациональное начало. Там, где есть рассудок, и там, где есть воля, там на перекрестии линии воли с линией рассудка обретается субъект, кантианский ли, картезианский ли, фихтеанский ли – не важно, главное, что субъект. Вот он-то и есть модерн. Там, где появляется субъект как рационально-волевое начало – кстати, еще не ясно, индивидуальное или коллективное – где появляется философский субъект, наделенный рассудком и волей, там начинается модерн. Постмодерн опирается в своих конструкциях на этот субъект, и несмотря на то, что постмодернисты осуществляют фундаментальные головокружительные кульбиты с этим субъектом – с его свойствами, с его волей, с его разумом – волю (ницшеанскую волю к власти или моральный категорический императив Канта) сводя постепенно к машине желаний у Делеза и Гваттари, как бы они не членили его рациональность от индивидуальной до дивидуальной, как бы они не говорили о смерти субъекта и смерти автора, как Барт или Бернар-Анри Леви, они продолжают иметь дело с субъектом и дальше, отталкиваясь от него, выстраивая на нем свои потрясающие наше дурацкое воображение конструкции.

В России нет субъекта

Но тут возникает следующее соображение: чтобы иметь дело с субъектом, чтобы утверждать о его смерти, чтобы его делить на дивидуальность или присваивать субъектные свойства дивидуальным проявлениям, для того, чтобы говорить о машине желаний или ризоматическом посттеле, для этого надо предварительно иметь

нечто, с чем можно все это проделывать – а это, оказывается, не такая простая вещь. Более того, это именно то, чего у нас нет и, возможно, никогда не было: разума, помноженного на волю, у нас нет субъекта. Без этого дискурс о постмодерне пролетает абсолютно мимо той базы, на которой он должен, пусть и отрицательным образом, основываться. То есть, о постмодерне в обществе, в котором не наличествует основное свойство модерна – субъект как рационально-волевое начало, говорить невозможно. И отрицание, и утверждение, и развитие дискурса о субъекте в любом направлении будет совершенно обманчивым. Нам будет лишь казаться, что мы что-то понимаем, но мы не будем понимать ничего; не потому, что мы глупы, а потому, что у нас отсутствует референциальная база, так как у нас нет субъекта.

Entzauberung как генезис субъекта

Как в модерне появился субъект, который стал его основой? Знаете, что такое современное общество, современный мир, современное? Это то, где есть этот субъект, а все остальное не является модерном в чистом виде. Там, где есть субъект, там есть модерн, там, где субъекта нет, модерна в чистом виде нет, и постмодерна, соответственно, быть не может.

Субъект в западноевропейской философии возник как результат расколдовывания мира. То есть это некое следствие освобождения мира от сакрально-мифологического начала, светового измерения. Субъект, картезианский субъект, “cogito ergo sum“, возник тогда, когда начался процесс систематического картезианского сомнения. “Сомневаясь во всем”, западноевропейское человечество поняло, что в одной только вещи мы сомневаться не можем. Эта вещь называется субъект и обладает двумя свойствами: рассудком и волей. Вот это и есть признак модерна. Где и когда этот субъект появляется, там есть модернизация, и модернизация есть инсталляция этого субъекта в данной конкретной среде. Вот что такое модернизация. Со стиральной машиной или без нее, как правило, с машиной, иногда, возможно, без, иногда бывает машина без субъекта. Теоретически можно представить себе субъекта без стиральной машины, субъекта с бородой, без галстука, но если есть субъектность (рассудок и воля), то это будет модерн. В некоторых сектах, в ваххабитах или протестантах (у наших старообрядцев) есть субъект, но нет технологической атрибутики модернизма. Но и без атрибутов это будет общество модерна. А там, где есть стиральные машина, но нет субъекта, там-то мы и подходим к понятию археомодерн.

Для того, чтобы описать такую ситуацию, когда парадигма модерна, логически следуя за парадигмой премодерна, не учреждается по-настоящему и не становится доминирующей, преобладающей, потребовалось введение нового термина. Так возникла догадка о археомодерне. Это не какая-то новая парадигма, это особая ситуация, когда вместо диахронического перехода от парадигмы премодерна к модерну мы имеем дело с синхроническим наложением (с суперпозицией) парадигмы модерна на парадигму премодерна. Вот что это такое.

В поисках Юкста

В одном русском тексте, в переводе Делеза и Гваттари "Антиэдип" какие-то леваки, которые лет пятнадцать назад нас смели упрекать в том, что дискурс неоконсерваторов не достаточно европейский, ввели такое интересное словосочетание как "позиция Юкста". Я до сих пор убежден, что "позиция Юкста" – это какая-то очень заманчивая и ревелятивная вещь. На самом деле эти придурки так перевели обычное французское слово juxtaposition, т.е. "суперпозиция", то есть "наложение одного на другое". Вот эта "позиция Юкста" – не просто очень удачный термин для наложения одного непереваренного на другое неотрефлексированное, но и идеально подходит для описания сущности археомодерна. Потому что это и есть кривое и неосознаваемое наложение двух взаимоисключающих конфликтующих матриц, двух парадигм – модерна на архаизм (на премодерн). Но обратите внимание, как здесь работает специфически русская талантливая находчивость, когда, не зная слова "juxtaposition" (или поленившись заглянуть в словарь), не долго думая, переводчики посчитали, что это "juxta", наверное, фамилия. Юкст, скорее всего теоретик структурной лингвистики. С простой и незамысловатой фамилией – Юкст.

История с "juxtaposition" не только точно описывает, что такое наложение парадигмы модерна на парадигму премодерна, но еще и показывает, как работает сознание археомодерна (в данном случае русского переводчика). Археомодерн берет слово "juxtaposition" как нечто цельное (холистское) и интуитивно понятное. А если есть какое-то логическое несоответствие, то на помощь приходит никому не известный доселе Юкст. С точки зрения модерна (переводчика как субъекта), слово "juxtaposition" состоит из двух частей: из приставки "juxta", что означает на, сверх, сквозь, и корня "position", от французского "poser", латинского "ponere" , "класть", что означает "позиция", "положение". Если субъект модерна не знает ни слова "position" или приставки "juxta", он лезет в словарь, если он не лезет в словарь или у

него нет словаря, то он честно признается: “я не знаю, с чем я имею дело“, “темное место”. А вот что делает переводчик археомодерна, он говорит: “Ага, понятно, это Юкст!” И вместо того, чтобы спросить “Маш, а ты знаешь, кто такой Юкст?”, археомодернист говорит в сердце своем: “Да это и так всем понятно, буду спрашивать, еще идиотом посчитают...” То есть, “Юкст” появляется не из дискурса модерна. Эти люди еще “Антиэдипа” переводят! Представляете? Вы представляете, как все в целом переведено, если споткнулись не просто на простейшей идее – на простейшем слове... Какова вообще ценность перевода постмодернистских текстов?.. “Антиэдип” это классика постмодерна, и если русский перевод начинается с этого замечательного Юкста... Так действует археомодерн.

И это не специально, это не панк, это не юмор, это просто само написало, а потом само прочитало, само издало, а потом само выучило. На каком-то этапе Юкст получает самостоятельное автономное существование. Возможно это в модерне? Нет, потому что наделен волей и разумом, он может лгать, он может придумать Юкста, но это работа воли и разума, а так, чтобы Юкст появился сам – это уже не субъект, здесь работают другие колеса. Здесь в дело вступает глубинная архаика, которая искренне не понимает вообще самого существования модерна. То есть это архаика, которая, даже оперируя модерном и постмодерном, принципиально не удосуживается верифицировать в сфере рациональных методологий и волевых практик ни одно из своих высказываний.

Археомодерн как сбой

Археомодерн можно определить как наложение, суперпозицию, юкстапозицию двух парадигм – модерна и премодерна – без их концептуального соотнесения, то есть, без выстраивания между ними внятного логического переходника, некого модуля.

Дело в том, что человек модерна – это не человек традиции, и поэтому человек модерна определяет себя и действует в определенной системе заведомых подразумеваний. Система этих заведомых подразумеваний, без которых нет человека модерна, жестко соответствует системе, построенной на отрицании системы премодерна. То есть модернизация и появление субъекта принципиально связаны с расколдовыванием мира. Субъект рождается из расколдовывания мира, он является результатом свершившегося расколдовывания мира. До того, когда расколдовывание мира не свершилось, субъекта в этом понимании, как фундаментального носителя рационально-волевых стратегий не существует.

Все в русском сознании противится подобного рода определениям: “Как же? У нас и мир околдован и мыслим мы, и субъекты мы, и воля у нас есть!..” Вот это как раз и означает, что “без концептуального соотнесения”. Если модерн есть, то он осознает себя как модерн и как не премодерн. Не бывает одновременно расколдовывания и заколдовывания. Существует либо расколдовывание, и продуктом его является субъект и модерн, либо нерасколдовывание, и продуктом его является несубъект и немодерн (архаика).

Философы подозрения

Размышляя об археомодерне и помещая его в центр философского внимания как предмет осмысления, исследования, то есть тематизировав и проблематизировав археомодерн, я пришел заново к “философам подозрения”. Рикёр, недавно перечитанный заново, навел меня на следующие мысли о том, как все это соотносится с “философами подозрения”. Философы подозрения привлекаются здесь для того, чтобы яснее понять, где модерн действителен, и где модерн недействителен, где он представляет собой эту аномальную суперпозицию, которая не согласовывается, не выстраивается корректно с предшествующей парадигмой архаики и премодерна.

Обычно упоминают трех “философов подозрения” – Маркса, Фрейда и Ницше. В структуралистской интерпретации их миссия сводится к переосмыслению баланса рефлексивного и иррефлексивного внутри субъекта. Мы помним, что, начиная с Декарта (создателя или, по меньшей мере, первооткрывателя субъекта), чувства включаются в рациональную сферу, то есть в сфере рассудочности существует много разных этажей. Помимо собственно рационально-дискурсивного этажа (где сознание актуально), существуют еще темные иррефлексивные стороны (где сознание потенциально). Вначале они считались акцидентальными и до определенного момента, казалось, что самое интересное находится в рефлексирующем рассудке, а все остальное нерациональное или недорациональное, не имеет большого значения – как своего рода фон, шумы. Это и рассматривалось как следы “недопереваренного премодерна”, “недопереваренной архаики”. Получилась, что рассудок, субъект инерциально аффектирован по своему происхождению, по своей генеалогии архаикой.

До “философов подозрения”, считали, что это не принципиально, главные процессы идут в области рассудка, там протекают основные процессы осмысления, модернизации, и человек шагает бодро и весело в своем субъектном направ-

лении в сторону модерна. Но вот “философы подозрения” сказали: “Друзья, мы фундаментально недооценили иррефлексивной стороны субъекта, она не просто атавизм архаических предрассудков, смутные шевеления желаний... Эта сторона настолько мощна, что сплошь и рядом подчиняет себе рассудок, делает его выражением скрытых и неосознанных сил и закономерностей, так что, сплошь и рядом то, что мы считаем рациональным объяснением и рациональными системами, является выражением или искажением тщательно скрытого от света рефлексии базиса”. По Марксу это производственные отношения, то есть вся философия, вся идеология по Марксу есть ложное сознание, которое вуалирует реальность хозяйственных циклов. По Ницше существует только воля к власти, а все остальное – надстройки, по Фрейду существует только бессознательное и его импульсы. Функционирование бессознательного Фрейд назвал “работой сновидений”, которая ведется на этой иррефлексивной стороне субъекта и в значительной мере предопределяет его общую стратегию. Иными словами, в актуальном рассудке содержится лишь малая часть потенциального рассудка, этой иррефлексивной стороны, которую по-разному стали оценивали и описывали разные “философы подозрения”.

Структура как обобщение иррефлексивного в субъекте

В структурализме, в конечном итоге, эти школы почти сошлись воедино. Тогда была предпринята попытка создать на основании “философов подозрения” (марксизма, психоанализа и ницшеанства), а также структурной лингвистики Фердинанда де Соссюра, обобщающее описание сферы иррефлексивного в субъекте. Со стороны этнологии это проделал Клод Леви-Стросс, со стороны психоанализа – Лакан, со стороны философии – Барт, Фуко, Бодрийяр, Деррида, Делез и т.д. Так появилась философия структурализма. Для обобщенной иррефлексивной стороны субъекта было найдено новое, важнейшее для нас слово “структура”.

Итак, структура есть обобщенное, осмысленное, изученное более или менее содержание иррефлексивной стороны субъекта. По Фрейду это бессознательная сфера, по Марксу это экономическая подоплека культуры и общества, по Ницше – воля к власти как основной и базовый инстинкт жизни, который и подвергается различным трансформациям в ходе подъема к рассудочной деятельности. Таким образом, у нас появляется новое самостоятельное понятие иррефлексивного в субъекте – структура.

Керигма

Здесь для того, чтобы выстроить ясную методологически конструкцию для анализа археомодерна, можно обратиться к Рудольфу Бультману, протестантскому теологу, который ввел очень важный термин для нашего анализа – “керигма”. По-гречески это означает “провозглашение”. В богословской традиции термин “керигматизация” сближается с термином “евангелизация” и обозначает обучение неофитов началам христианского вероучения, основам христианской догматики. Бультман толкует “керигму” по-своему, понимая под ней “христианское учение минус мифология”. По его мнению, в христианстве есть рациональная рассудочная часть (собственно керигма) и огромное напластование иррациональных элементов, которые проникли из дохристианских языческих традиций, мистицизма (иудейского или эллинского) и т.д. Все иррациональное он включает в понятие мифологии. Мифология – это структура, которая, конечно, проникает в любую традицию и играет в ней огромную, чаще всего решающую роль.

Христианская традиция в ее исторической форме – например, русское православие – включает в себя множество “мифологических” элементов. Это и предания, “Жития святых“, легенды и чудеса, повести о местночтимых святых, множество обычаев, обрядов и даже предрассудков, которые окутывают собственно догматическое богословское содержание традиции. При этом большинство воспринимает такое христианство как нечто целое и нерасчленимое, керигматические элементы неразрывно переплетены с мифологическими. И, как правило, никакой сознательной богословской работы по вычленению из этой совокупности бесконечных данных строго керигматического содержания (то есть чистого богословия, догматического богословия в его чистом виде – с рациональными утверждениями, с представлениями о тождестве и нетождестве, о различиях, о формах различий) – не ведется. Вся керигматическая сторона, которая составляет основу богословия или просто тождественна богословию, растворена в огромном количестве мифологий, сказок, пересудов, эмоций, историй, преданий и различного рода комментариев, подчас довольно далеких от ясно рациональности основных вероучительных догматов.

У Бультмана высказывается – типично протестантская, то есть еретическая с точки зрения православия – идея, что подавляющее большинство материалов христианской традиции следует отбросить “как несоответствующее изначальному учению Христа”. В духе арианства и даже эвионитских ересей первых веков христианства Бультман утверждает, что личность самого Христа в изначальной

чисто керигматической версии христианства была “незначительной”, а ее основу составляли хилиастические идеи ожидания Царства Божия и строго монотеистическая фигура Бога-Отца. У Бультмана от христианства вообще ничего не остается, как и у многих протестантов, что в принципе естественно. Нам, однако, важно не то, как сам Бультман толкует керигму (он это делает в духе протестантского узкого рационализма), но то, что он предлагает термин, который становится ключевым для понимания процесса модернизации и для объяснения ее сбоя в археомодерне.

Работа “христианских сновидений”

Керигма – это второй термин, который нам чрезвычайно важен для анализа археомодерна. Керигмой в расширенном структуралистском смысле можно назвать то, что противостоит структуре, то есть рациональное содержание субъекта. Рефлексивная сторона субъекта – это керигма, а иррефлексивная сторона – это структура. Между ними в разных культурах, в разных обществах, в разных дискурсах существуют разнообразные отношения. Нас интересует в первую очередь само разделение сферы субъекта на керигму (рациональное) и структуру (иррациональное).

Как керигма связана с модернизацией, мы увидим чуть позже, пока же обратим внимание на то, что керигматический уровень может существовать и в премодерне – в традиционном обществе, премодерне. Вот в христианстве есть структура (работа “христианских сновидений”): существуют чудеса, бесы, черти, предания, легенды, волшебные истории, бесконечное количество разнообразных апокрифических полу-предрассудков, какие-то из них вытекают из церковного учения, какие-то совершенно не вытекают и вообще к нему не относятся. Работа “христианских сновидений” (структуры) настолько активна и мощна, настолько аффектирует керигму, что ее подчас очень трудно выявить. Но она обязательно есть.

Археомодерн как аномальное коэкзистирование керигмы и структуры

Теперь снова обратимся к археомодерну и определим его в структуралистских терминах. Археомодерн есть сосуществование (коэкзистирование) керигмы и структуры в конфликтном и неупорядоченном состоянии. Обратите внимание, конфликт здесь иного порядка, нежели конфликт между парадигмами, потому что парадигма модерна приходит в мир традиции как парадигма “next“ (фамилия “Сорос” по-венгерски означает “next“). Она приходит как “next“ после Традиции, за ней, вместо нее, на смену ей, помимо нее, против нее, как преодоление ее, и начинает свой конфликтный диалог с традиционным обществом, начинает его

расколдовывание. А состоявшийся модерн сам является результатом этого расколдовывания.

Здесь сложно сказать, что первично (расколдовывание или расколдованность). В любом случае вторая парадигма (модерна) строится на отрицании первой парадигмы (премодерна). Керигма изгоняет структуру. В археомодерне все происходит иначе, эти две парадигмы не вытесняют друг друга, но накладываются друг на друга, то есть керигма не изгоняет структуру.

Наступление керигмы как предпосылка модернизации

Многие думают, что модерн – это сразу атеизм. Ничего подобного. Модерн – это вначале протестантизм, потом керигматический протестантизм, критика текста, потом деизм Декарта, Лейбница, Ньютона, Спинозы, и уж потом Лаплас, Тюрго, Фейербах и “Бог умер” Ницше. Это чрезвычайно важно. Советские философы в прежние времена учили, будто Декарт специально, зная, что Бога нет, писал, что он якобы есть, чтобы его не забрали в тюрьму. Это чушь. Декарт писал все так, как он честно думал, и он был абсолютно убежден в существовании Бога. Более того, Бог и являлся одним из центров его керигматической мысли, но это был радикально иной Бог, нежели Бог Средневековья. Это был Бог автономной керигмы, керигматический Бог рационально-волевого дискурса, который сохраняется и у Канта, и вообще в западноевропейской философии. Это “Бог философов”, рожденный субъектом в его рационально-волевом дискурсе.

Здесь начинается самое интересное. Когда модерн наступает, он ставит перед собой первую задачу – отменить структуру, потому что структура – это и есть архаика в чистом виде, и заменяет ее керигмой, еще пока не важно, чтобы эта керигма была нехристианской и антихристианской, атеистической, ультрарационалистической или, скажем, кантианской. Керигма может быть и христианской. Это самое важное, модерн есть там, где керигма побеждает структуру, даже христианская керигма.

Изначально в парадигме модерна речь шла не о том, чтобы привести к той керигме, к той автономной атеистической рациональности, как это случится позже по мере развития научной картины мира Нового времени. Первыми “модернистами” были богословы, выступавшие за чистоту вероучения против “народных предрассудков”. Это уже первая заря модерна. Как только у нас стали наши дорогие боголюбцы разгонять скоморохов, носителей чистого сновидения, они приблизили модернизацию в России – раскол и Петра. Это был путь к расколдовыванию мира.

Когда тронули жалкого и беспомощного скомороха, офеню, то задели живой нерв русской структуры. Генон писал, что как только в Западной Европе отменили шутовские процессии, “сатурналии”, “дни дураков”, когда верхом на осле псевдо-Папа въезжал задом наперед в храмы, то началась реальная модернизация и произошел конец сакрального католичества. Структура перешла к колдунам и сатанистам, которых стали отчаянно ловить и пытать. И тут уже и до Декарта с его “cogito“ было рукой подать.

Когда даже богословская христианская керигма говорит, что для этих предрассудков, для “работы сновидений”, для структуры нет места, с этого начинается процесс модернизации. Даже не важно, какая это керигма наступает, важно, что это именно керигма, а не структура.

Керигма наступает в модерне в соответствии с формальными правилами

Мы бегло посмотрели, что такое керигма, как она бьется со структурой, и как она побеждает в модерне. Теперь несколько уточнений к описанию этого процесса. На заре Нового времени западноевропейская керигма ставит перед собой формальную программную задачу: осветить с помощью “света разума” все неразумное, избавиться от “предрассудков” и “пережитков”, то есть начинается осознанное и систематическое наступление на структуру. Сама керигма как таковая постоянно подвергается саморефлексии, вычленяющей из нее то, что является максимально “разумным”. Таким образом, инсталлируется субъект.

Структура (точнее, ее выражения в средневеково-архаических формах), против которой керигма борется, находится в этом случае на том же самом уровне, что и керигма: она постоянно подвергается осмыслению, тщательно наблюдается и систематически опровергается. Еще точнее: декомпозиции и критике подвергается не сама структура, но ее формализация в виде идей, социальных организаций, политических институтов, религиозных практик. В каком-то смысле чистая керигма (основанная на систематической саморефлексии и вычленении субъекта) противостоит здесь нечистой керигме, существенно аффектированной влияниями структуры (бессубъектной и иррефлексивной).

Столкновение модерна и традиционного общества в такой ситуации строго формализовано. Керигма модерна постулирует расширение демократии. Традиционное общество продолжает по инерции быть монархическим. Модерн стремится сделать религию делом индивидуальным. Традиция тяготеет к тому, чтобы

рассматривать ее как общеобязательный – тотальный – институт. Модерн выдвигает тезис государств-наций. Традиция продолжает ориентироваться на "христианскую империю". Между "новым" и "старым" начинается формальное противостояние. Причем инициатива исходит от модерна, который претендует на универсальность своей керигматики, подтверждаемой (в их глазах и в целях пропаганды) указанием на рефлексивную и саморефлексивную природу собственной керигмы. Модерн стремится сделать так, чтобы в пределе осталась только одна керигма – "царство разума", которая станет продуктом самоочищения от последних следов структуры (и останков "несовершенных", слишком "иррефлексивных" керигм прошлого).

Эта битва модерна против премодерна в Европе Нового времени ведется по всем правилам дуэли. Демократ, видя монархиста, критикует его, а если понадобится, то и убивает его. Защищаясь, то же делает и монархист. Это борьба и одновременно прямой диалог, открытый диалог керигмы и структуры. Кто победит в каждом конкретном случае, это всякий раз решается по-разному, но в общем русле западноевропейской истории керигма все время одерживает принципиальные победы, хотя периодически структура пытается взять реванш и произвести реставрацию.

Основной процесс развертывается на уровне прямых идеологических деклараций: представитель старой христианской керигмы (с опорой на "народные структуры") отстаивает веру и церковь, атеист ему возражает, что "Бога нет", на этом уровне они и беседуют (иногда в кровавой форме). Так происходит на всем протяжении эпохи модерна: борьба керигмы со структурой облечена в формальное противостояние консолидированной рефлексирующей керигмы модерна с остатками прежней средневеково-католической, сословно-монархической керигмы, через которую дает о себе знать европейская структура.

Постмодерн как триумф керигмы

Но на определенном этапе модерну и его керигме удается одержать решающее превосходство в этой борьбе. Консервативные идеи, институты и политические системы окончательно отступают. Это происходит в XX веке после Второй мировой войны, когда "мировой демократии" удается необратимо сломить последние вспышки сознательного и "керигматически" оформленного отчаянного европейского консерватизма. Параллельно закреплению формальной победы над противником, керигма модерна переносит свое внимание

на более тщательный и доскональный самоанализ. Победив противника вовне, она начинает более пристально заниматься тем, что происходит у нее внутри.

Тут-то и начинается философия подозрения. Обобщенный смысл послания этой философии состоит в следующем: керигма модерна действовала во имя разума в своей борьбе с откровенно “иррациональными” системами (теизмом, монархией, империей, сословностью и т.д.), но в этой борьбе мы проглядели, что “разум”, стоявший в центре этой борьбы, сам основан на иррациональных, неотрефлексированных мотивах; одним словом, внутри самого модерна скрываются тайные пласты неотрефлексированной архаики – внутри, а не только вовне!

Вы думаете, что это “откат к иррационализму”, как считали сумасшедшие советские преподаватели истмата? Неправильно! Это, наоборот, повышение градуса рационализма и субъектности! Тот момент, когда субъект модерна может осознать, что он слишком еще заражен архаикой внутри себя, что слишком сильна в нём работа сновидений, – это и есть высший переломный момент победы настоящего модерна, который справляется со всеми формальными (внешними, институционализированными) противниками, и начинает заниматься внутренними (более законспирированными). Уже нет формальных монархистов, их истребили. И тогда победившие во всем мире демократы задаются вопросом: “А мы сами, демократы, так ли уж мы демократичны? Нет ли в нас самих слишком много от монархизма, тоталитаризма, репрессивности прежних эпох? Не есть ли сам принцип индивидуума, гуманизма и центральности человека с его рассудочностью, в свою очередь, насилием над более гибкими реальностями – телесными импульсами, нечеловеческими видами живых существ, окружающей средой, желаниями?..”

Это и есть фаза постмодерна. Постмодерн это такое состояние, когда керигма модерна поворачивается лицом вовнутрь и начинает вычищать Авгиевы конюшни собственного подсознания, выводить его содержание на свет аналитического рассудка, уточняя и проясняя тем самым механизмы действия самого рассудка, освобождая рациональность (керигму) от всего того, что в ней еще по инерции оставалось от иррационального. Постмодерн рождается не из желания утвердить и укрепить эти иррефлексивные стороны в субъекте, а из желания излечить субъект от этих иррефлексивных сторон.

Фрейдизм как терапия субъекта

Поэтому постмодерн так тесно сопряжен и с фрейдизмом, и с фрейдистской тера-

певтической практикой. Фрейд говорит: “все больны, здоровья нет, но надо идти к выздоровлению; надо погружаться через систему психоаналитических консультаций в бессознательное, и постепенно разгонять туман “работы сновидений”, открыто с ней взаимодействовать, спускаться в нее сознанием, трезво оценивать, как это сознание черпает свое содержание из подсознательных импульсов и постепенно вычищать субъект от его иррефлексивных сторон. Это и есть труднодостижимая (если вообще достижимая) норма по Фрейду: субъект, полностью осознающий организацию, и механизмы собственного подсознания. Ученик Фрейда Юнг называл аналогичный процесс “индивидуацией” – переводом архетипов “коллективного бессознательного” на уровень индивидуального рассудка.

Марксистская керигма

Сходная идея у Маркса описывается в терминах баланса производительных сил и производственных отношений. Этот баланс предопределяет фундаментальные механизмы функционирования базиса, которые лежат в основе общества. Но процессы, протекающие на этом уровне, в обычном случае скрыты от человеческой рациональности и выражаются опосредованно – через “идеологии” (как формы “ложного мышления”). Поэтому философские системы и политические режимы Нового времени практически всегда оперируют с ложными объектами и ложными методологиями – они призваны скрыть некоторые фундаментальные факты несправедливости и эксплуатации, лежащие в основе экономической структуры. И хотя буржуазные режимы (политический модерн) более совершенны, нежели рабовладельческие и феодальные, но вместе с тем их стратегическая ложь тоньше. Маркс предлагает дать бой рациональности модерна (которую он определяет через классовый подход как буржуазную рациональность), спустившись к осознанию базиса и выстроив через это осознание новую керигму – на сей раз революционную и пролетарскую, коммунистическую.

Фрейдо-марксисты объединили оба эти подхода, посчитав, что Маркс и Фрейд описывают одно и то же явление – структуру! – с разных точек зрения, подвергая (также с разных точек зрения) критике керигму модерна (буржуазную политическую систему и рациональность, не подвергшуюся психоаналитической практике).

Ницше: жизнь как структура

Философия Ницше может быть типологически расшифрована в таком же ключе.

Ницше считает, что современность представляет собой доминацию “ложных ценностей”, которые обнаруживают свое “нигилистическое” содержание. Европейский разум породил теологическую керигму, которая на глазах рассыпается. (“Бог умер”). Атеизм и рационализм (модерн) для Ницше лишь обнажают фундаментальный кризис человеческого рассудка как такового, кризис субъекта. Отчаянно ища то, на что можно было бы опереться в таких условиях, Ницше открывает такие явления как “воля к власти” и “жизнь”. Это ницшеанское понимание структуры. Он считает, что европейская культура основана на формальном отрицании жизни и воли к власти, но вместе с тем полностью – хотя и слепо – управляется этой волей. Ницше предлагает спуститься к этой реальности “жизни”, чтобы выстроить на ее основании нового субъекта – очищенного от худосочной керигмы абстрактных условностей (морали). Нормативом такого субъекта, сказавшего базису (структуре) “да”, у Ницше выступает сверхчеловек, прямое воплощение воли к власти – осознанной и переведенной в статус отрефлексированной стратегии субъекта. Сверхчеловек строит свою керигму на прямом отражении витальной структуры.

Такое толкование Ницше объясняет, почему он занял центральное место в философии структуралистов, которые и составляли ядро западного фрейдо-марксизма. Однако философия Ницше настолько сложна и многосмысленна, что ее можно толковать и иначе.

Археомодерн как конфликт операционных систем

А что же в таком случае при таком анализе представляет собой археомодерн? Археомодерн – это такое состояние, где структуры гораздо больше, чем керигмы, при этом сама керигма такова, что никоим образом (даже предельно кривым) не произрастает из данной структуры, будучи принесенной извне и некорректно установленной. Это керигма, вообще не переработанная структурой, находящаяся с ней в остром, но неосознанном конфликте.

Представьте себе один и тот же компьютер с Windows, на котором запустили прямо на Windows операционную систему Macintosh. Будет ли он работать? Может быть, в нем будет что-то мелькать, но формально дискетка правильная одна, и вторая тоже правильная, и инсталляционный диск работает, и верные коды активации к обеим программам указаны на обложке, но они вместе на одном компьютере не идут. Что происходит на этом компьютере? Возникает такая зона неопределенности, где может происходить все, что угодно. Одна система может победить другую, другая помешать первой, они могут выполнить

какое-то задание, а могут и не выполнить. Это приблизительно то, что мы имеем в археомодерне.

Археомодерн как бред

В археомодерне нет центрального субъекта, который был бы полюсом рассудочности и воли, в археомодерне нет расколдованного мира, но, тем не менее, в нем нет и заколдованного мира, и нет какого-то стройного выражения структуры в виде (пусть архаической и иррациональной) персонализации бессознательных импульсов.

Речь идет о состоянии систематического (систематизированного) бреда. Собственно говоря, что такое бред, delirium? Делирий возникает, когда "работа сновидений" проникает в бодрствующее сознание без цензуры и опосредующих фильтрационных операций. В данном случае отсутствует очень важный элемент – элемент пробуждения. Этот элемент пробуждения для нас очень важен в понимании археомодерна. Чему можно было бы уподобить на психологическом уровне смену парадигмы традиции парадигмой модерна? Пробуждению. Парадигма Традиции действует, пока мы спим, там вовсю орудуют архетипы, активно действует бессознательное. Когда мы просыпаемся, начинается парадигма модерна. Представьте себе теперь лунатика: он уснул, но продолжает ходить, лазить по крышам, передвигать приборы на кухонном столе... Или, наоборот, человек вроде проснулся, но половина его сознания видит сны. Это и есть археомодерн. Также это называется клиническим состоянием тяжелого бреда. Можно сказать, что это и есть "позиция Юкста", синдром Юкста, болезнь Юкста.

Керигма адвайта-ведантизма

Важно заметить следующее: археомодерн не может быть отнесен к категории традиционного общества. Традиционное общество – это парадигма, которая, несмотря на то, что в ней существует очень развитая и мощная ("мясистая", "мордатая") структура, сама создает из себя соответствующую этой мощи керигму. Эта керигма традиционного общества обладает всеми свойствами сновидения, как древние культы, религии, архаические практики, но несет в себе и какие-то аспекты рационального начала. Традиционное общество – даже у самых примитивных народов – это не бред, это особая рациональность, непротиворечиво разрешающаяся в конкретной структуре.

Более того, есть чрезвычайно развитые керигмы, которые говорят универ-

сальное “да” практически любой структуре. Пример – индуизм, который сознательно ставит недвойственность во главе рациональности, заведомо обосновывая сверхрациональную рациональность (так как свойство обычного рассудка оперировать с парами противоположностей). И этот керигматический адвайтизм заходит так далеко в своем преодолении противоположностей, что включает в себя даже двайта-ведантизм, т.е. свое прямое отрицание! Также индуистская керигма включала в себя множество неарийских структур (сновидений) местного населения Индостана, просто расширив пантеоны своих богов, духов и героев. Более того, антииндуистского реформатора Будду Гаутаму, жестко критиковавшего индуизм и Веданту, признали 9-ым аватарой, то есть воплощением Высшего Принципа, который специально проповедовал критическое учение, чтобы испытать индуистов на прочность!

У индусов нет разницы между сном и бодрствованием, но не потому, что они бредят, а потому, что у них и мир бодрствования, и мир сновидений подчинены одной и той же системе, где свободно импульсы из машины желаний и сновидений поднимаются вверх в богословие, потом спускаются назад. У нормальных индусов так оно и происходит, и живут они совершенно нормально.

Археомодерн пытает структуру

В археомодерне традиционное начало, то есть структура, живет в тени. Это принципиальный момент. Структура в археомодерне находится в тени, пребывает в плену, в подземелье, в погребе. Это состояние пытки. Структура подвешена в подвале на дыбу и над ней неустанно трудится палач отчужденной и криво инсталлированной рациональности. С определенной ритмикой в глотку ей заливают свинец, ломают кости, каленым железом тычут в плоть. Структура пытается орать, но поскольку псевдо-рациональность блокирует в археомодерне возможность структуры говорить, то тогда структура начинает двигаться в обход сознания и начинает создавать псевдо-рациональные заявления: например “хочу поехать на юга”. Она тщетно пытается подобрать из заведомо негодного набора слов и знаков нечто, что соответствовало бы работе сновидений, но ей это фатально не удается из-за принципиального несоответствия рациональных схем.

В археомодерне керигма запущена против структуры, вопреки ей. Но это происходит не явно и открыто – как на Западе или на дуэли, но тайно, каверзно, под ковром, по-византийски. Мучение структуры есть, но субъекта, который был бы результатом расколдовывания мира и носителем ума и воли, нет. Мир археомо-

дерна околдован, но он по-дурацки околдован: тут разговаривают машины, из шахты лифта раздаются какие-то странные голоса, человека влечет в звездные дали, “Гагарин не умер, он вернулся”, ноосфера дает о себе знать, нельзя исключить межгалактические контакты – и так далее, вся феноменология позднего совдепа (да и раннего – от Платонова и ноосферы до Раисы Горбачевой).

Очарованная техника

Все это лежит в сфере очарованной техники. Не очарованных людей, которые живут как очарованный странник Лескова, немного запутавшийся человек традиционного архаического общества. Но вот уже очарованные пролетарии Платонова, которые говорят с паровозами, гладят топки в доменных печах, приговаривая “хорошо пожрал, хорошо” – это явление уже совершенно иного толка, это очарованность тем, что по сути своей представляет собой предельную форму разочарования.

В России взяли рациональную марксистскую модель по расколдовыванию мира, с доказательством того, что Бога нет, и превратили ее в инструмент нового околдовывания. В 20-годы по деревням ездили атеистические пропагандисты и крутили приборчик, в котором искра между двумя электродами била. Они говорили: “Вот видите, а вам лгали, что Бог делает грозу! Что якобы святой Илия-Угодник в своей колеснице по небу скачет! А это просто наука!” Крестьяне отвечали: “Да, теперь видим... Если бы раньше такое видели, то сразу бы поняли все”. Лектор демонстрирует то, что расколдовывает, но, на самом деле, околдовывает еще больше. Представьте себе эти кивающие лица! Это еще большее околдовывание, еще большая архаизация волшебного научного приборчика, чем достаточно рациональная керигма православия, построенная в соответствии с отточенными навыками корректного мышления и высокой степенью абстрактности.

Советская модернизация была типичным праздником археомодерна, где неразделимо переплелись между собой рассудочность и одновременно соскальзывание со смысла – у Платонова была прекрасная история в “Чевенгуре”, что Дванов шел и вдруг увидел огромные, гигантские скульптуры женских ног, это были остатки разбитых большевиками древних статуй, и тут же была какая-то заметка о сельскохозяйственных работах. Цитирую: “В газете осталась лишь статья о “Задачах Всемирной Революции” и половина заметки “Храните снег на полях – поднимайте производительность трудового урожая”. Заметка в середине сошла со своего смысла. “Пашите снег, – говорилось там, – и нам не будут страшны тысячи

зарвавшихся Кронштадтом”. Каких “зарвавшихся Кронштадтом”? Это взволновало и озадачило Дванова.” Обратите внимание на выражение: “заметка сошла со своего смысла” – это обобщающее действие археомодерна. Смысл еще угадывается, но все слабее и слабее. И остаются только “волнение” и “озадаченность”. Герой Платонова Дванов долго думал, что это могло бы означать и потом с такой же нерешительностью почувствовал, насколько же сложен и прекрасен мир, и пошел дальше по таким же своим идиотским делам. Предложение модернизировать предшествующую парадигму вызывает только ее новое перетолковывание, но какое перетолковывание!

Археомодерн как взаимопленение архаики и модерна

После крещения Руси мы восприняли своего рода “модернизацию“, получили новую керигму (не совсем и не до конца, наверное, осмысленную), новую христианскую православную рациональность. Конечно, более древняя языческая дохристианская структура продолжала свою работу, проявляясь в приметах и обрядах, новых легендах и перетолковываниях христианских сюжетов и святых на древнерусский манер. И, в какой-то момент, керигма в чем-то искажалась под воздействием русских сновидений. Но с “Котлованами” и “Чевенгурами”, археомодерн расцвел страшным цветом: атеистическая модернистская керигма атаковала структуру, стремясь ее вывести, но структура хлынула в нее изнутри, нанеся ответный удар. И все это без какой-либо формализации, все под ковром, в тайне, делая вид, что ничего не происходит или происходит что-то, не имеющее никакого отношения к тому, происходит на самом деле.

Если бы модерн логически, исторически и парадигмально следовал бы в России за премодерном, вытесняя его шаг за шагом, то мы постепенно размыли бы, растеряли бы нашу структуру, у нас остыли бы сны, мы не были бы так горячи, “взволнованы” и “озадачены”, мы бы пожертвовали нашей прекрасной русской душой и стали бы более похожи на западных людей. Но не тут-то было, мы не пошли этим путем, мы пошли путем ускоренной модернизации, минуя стадии последовательной и кропотливой работы десакрализации.

Модерн в России победил, но он победил ценой того, что он перестал быть модерном. Вместе с тем у нас сохранилась и архаика, но она сохранилась ценой того, что она перестала быть настоящей архаикой. Структура сама сдала себя в плен чуждому керигматическому марксистскому сознанию, которое в свою очередь само стало пленником этой структуры. Археомодерн – это такое состояние, когда

архаика и модерн берут друг друга в плен. При этом никто не повелевает, каждый пытает другого.

Постмодерн (Тарантино) и археомодерн (Миике)

Как правило, явление археомодерна возникает в тех обществах, которые модерн из себя не вырастили, к которым он пришел извне, как колонизация. Например, легко понять, что археомодерном является современная Япония. Мы несколько раз в ходе лекций говорили о Квентине Тарантино и Такеши Миике. Я в какой-то момент осознал, что эти фигуры не являются тождественными, и что между Тарантино и Миике существует колоссальная пропасть. Если внимательно смотреть Миике, например, “The Bird People in China“, или другие его работы, например, “Rainy Dog“ - то становится понятным, что у Миике существует пласт искреннего страдания, наивной веры в утраченное сакральное и огорченной душевности человека традиционного общества. На фоне этого абсолютный лед Тарантино выглядит качественно иным. Хотя обоих режиссеров принято считать классиками постмодерна, одного – японского, другого – американского.

Принципиальное различие Тарантино и Миике – это как раз различие двух совершенно различных контекстов. Тарантино – это постмодерн в чистом виде, и это абсолютно рациональная субъектная стратегия, так же и Родригес со своей серией “Дети шпионов”, где происходит разбивание субъекта по отдельным, разбросанным и причудливо сложенным постсубъектным, постиндивидуальным, дивидуальным виртуальным частицам. А у Миике мы видим археомодерн, страдающий, переживающий, которому жестко в 1945 году американские оккупанты жестко навязали абсолютно чуждую модернистскую технологическую керигму, которою он абсолютно не понимает.

Криминал на запретной черте

На пересечении косо установленных друг на друга керигмы и структуры живет сердце криминального сообщества. Потому что криминальные круги – одно из показательных проявлений археомодерна. У Миике почти все фильмы про якудзу. И это не случайно. Криминальный мир по отношению к традиционному обществу – это модерн, ведь у этого круга свои законы, далеко не совпадающие с традиционной этикой, обрядовостью, религиозной, кастовой или сословной догматикой. Но по сравнению с обществом модерна, “правовым” и “гражданским” воровские миры – это чистая архаика, иррациональная и полная предрассудков.

Криминалитет является одним из самых ярких примеров выражений археомодерна, когда правовое сознание, которое соответствует модерну и дневному миру, не проникает глубоко, и встречается на нелегальной линии между днем и ночью с голосом сновидений. При этом не побеждает ни то, ни то. Архаическое и неправовое начало в криминале не побеждает до конца правовое. Поэтому часто члены организованного преступного сообщества идут на контакт с правоохранительными органами и спецслужбами, начинается коррупция и тех, и других (поскольку разлагается не только государственные органы, сотрудничающие с криминалом, но деградирует и воровское сновидение, воровская идея). Все останавливается и зависает в таком неопределенном состоянии. Криминальные среды – это наиболее яркая феноменологически среда, где археомодерн процветает и живет.

География археомодерна

В условиях археомодерна сегодня живет подавляющее большинство человечества. Это страны Третьего мира, Востока (даже индустриального развитого) и Россия. Европа находится в переходном состоянии от “высокого модерна” к постмодерну. В США постмодерн уже преобладает. Кроме того, переход от модерна к постмодерну можно назвать главной цивилизационной и социальной тенденцией Запада в самом широком смысле слова. Все остальные живут в археомодерне, и они мучаются в нем.

Самое неприятное в археомодерне то, что это состояние глубочайшего, но при этом неосознаваемого конфликта. Археомодерн – это конфликт противоположностей, которые не сняты в синтезе, не гармонизированы, но даже и не противопоставлены ясно друг другу. В археомодерне архаика и модерн привязаны друг к другу спинами и в таком положении не могут заглянуть друг другу в глаза, не могут осознать, что причиняет им боль, что сдерживает и саботирует любые их начинания. Им никак не удается поставить противника напротив себя, увидеть его, осмыслить его. Если бы эта операция была возможна, то началась бы война (керигмы модерна и архаической структуры), полилась бы кровь, и началось бы настоящее счастье, потому что хуже, чем состояния археомодерна, ничего не может быть.

Археомодерн является острым метафизическим, философским, парадигмальным заболеванием, самым серьезным, самым страшным и самым опасным, а эстетически – самым отвратительным. При этом заболевание заразное. Заболевание

может быть строго описано, что позволит вскрыть его везде, как только мы сумеем определить его симптомы: оно состоит в наложении друг на друга автохтонного иррефлексивного, то есть, структуры (коллективного бессознательного) и псевдорефлексивного в качестве чуждой, навязываемой извне керигмы. При этом структура все еще сильна, но нема, а керигма слаба, но параноидально жестока (хотя и косноязычна).

Кукуйский язык и морфология бреда

Археомодерн можно описать через филологию. Немота структуры и косноязычие керигмы, постоянно размываемой ночными (немыми) ассоциациями бессознательного, порождают особое языковое явление – специфический язык археомодерна.

У Клюева в поэзии упомянут "кукуйский язык". Меня очень заинтересовало, что же это за язык. Оказывается, так русские называли немецкий язык, потому что в Кукуйской слободе в Москве жили немцы. Но я думаю, что кукуйский язык – это что-то гораздо более интересное и содержательное. Видимо, помимо собственно немецкого, на котором непонятно для окружающих русских говорили немцы, существовал еще один особый псевдо-немецкий, русско-немецкий язык, основанный на случайных ассоциациях русского уха, слышащего немецкую речь и "догадывающегося" о значение слов и звуков, либо придумывающего его. Это явление известно в лингвистике как "народная этимология". В XIX веке ходило такое выражение: "Ну что ты глазенапы-то вытаращил?!" Под "глазенапами" имелись в виду шутливо-уничижительно, "глаза". Но это слишком научное объяснение. Правильнее сказать, что имелись в виду именно "глазенапы", вылупленные – "взволнованно" и "озадаченно" (как у Дванова после прочтения статьи про пахоту снега) – глазные яблоки недоумевающего русского человека. С точки зрения керигмы Glasenapp – это распространенная среди русских немцев фамилия, этимологически не имеющая к глазам никакого отношения. Но русские слышали все по-другому. (Это снова отсылает нас к Юксту). Вот это, пожалуй, и есть кукуйский язык.

Еще очень хороший язык покойного экс-премьера Виктора Черномырдина, в котором принципиально с хитрецой, не согласовалось ничего — ни падежи, ни синтаксис, ни логические связки (союзы сочинения используются вместо подчинения и наоборот). Слова в речи Черномырдина не согласовались не от неумения, напротив, от слишком большого умения, но весьма своеобразного. Это тоже яркий пример кукуйского языка. Черномырдин хотел что-то сказать, но одновременно хотел и что-то скрыть. Он начинает говорить, но еще не закончив фразу, в самом

ее начале, вдруг пронзительно осознает, что если он еще шаг сделает, то станет жертвой, рабом логических структур, и тогда ему не вырваться. Он будет вынужден сформулировать некоторое высказывание, которое будет иметь юридическую силу необратимой синтагмы. За это придется отвечать: суть керигмы модерна в том (да и керигмы вообще), что за каждое высказывание говорящий и делающий несет абсолютную личную ответственность. Но именно этого Черномырдин и не хотел делать ни при каких обстоятельствах. При этом если он вообще промолчал бы и не подал бы голоса, не стал бы крякать, хрипеть или имитировать речь, его могли бы принять его за бессловесное животное, за предмет (за газовую трубу, за объект) и использовать против его воли – например, переставить, как тумбочку. Соответственно он должен был подавать признаки филологической жизни, но так, чтобы ускользнуть ответственности за высказывание. И решая эту непосильную, труднейшую задачу, речь Черномырдина, начавшись с одного, быстро "сходит со своего смысла", запутывается в противоречиях, движется произвольно, несомая волнами случайных ассоциаций и эмоций, помогающих выпутаться из трудного положения с опорой на везение и прирожденную смекалку. Поэтому некоторые высказывания Черномырдина вообще ничем не заканчивались, фразы обрывались на полуслове (в психиатрии сходное явление называется шизофазией), пустое резонерство врывалось в речь, заставляя слушающего забыть о логических связях и их отсутствии в остальных частях высказывания. Но речь идет не о пациенте, а о бывшем премьер-министре огромной страны и государственном муже высокого ранга.

Черномырдинский кукуйский язык – это классический ортодоксальный язык археомодерна, где все совершено непонятно в целом, но все понятно по частям. Мы интуитивно угадываем, что он хотел сказать, ухватываем смысл. Стоп! Почему мы ухватываем смысл? Потому что мы тоже принадлежим к кукуйскому народу, к условиям археомодерна, и мыслим и говорим именно по-кукуйски. Все, включая всех присутствующих и всех живущих в России, и по-другому мыслить мы не можем. Это означает, что мы, строго говоря, в научном и медицинском смысле бредим. Все, что мы считаем сном или бодрствованием, не является ни тем, ни другим, это общее неразрывное, сплошное поле русского бреда.

Славянофилы и западники обнаружили археомодерн

Очень важное (особенно при рассмотрении проблематики археомодерна) явление в русской философии – это спор славянофилов и западников, который, кстати, абсолютно о том же самом. Во время расцвета Просвещения у нас в XIX веке появи-

лись первые поколения непоротых дворян, которое принялось жарко спорить о специфике русской культуры, русской истории, русской традиции, русской религии, русского общества. Наиболее внятные и законченные формы эти споры приобретают с появлением двух интеллектуальных лагерей – славянофилов и западников. Этот спор рождается из обнаружения археомодернистической природы русского общества.

Чаадаев и радикальное западничество

Чаадаев – ученик де Местра, одного из самых консервативных мыслителей Европы, носителя жесткой католической керигмы. В российских условиях ученик западного ультраконсерватора становится ультрамодернистом. Вот парадокс: Чаадаев является полноценным настоящим ортодоксальным модернистом и одновременно последователем одного из самых консервативных, если угодно, системообразующих для европейского консерватизма и традиционализма (недаром на него часто ссылается сам Генон). Жозеф де Местр – крайне правый по европейским стандартам, можно сказать, архаик. Но в России он становится вдохновителем крайне модернистического Чаадаева. То, что для керигматической Европы структура, для бессознательной сновиденческой архаической России – недоступная керигма. Это и есть археомодерн.

Чаадаев говорит: если мы посмотрим на русскую культуру, русскую историю, русское общество, то мы увидим там какую-то полную чушь. Все: и государство, и право, и идеология, и религия основаны на многоэтажной лжи, имитации, пародировании, неадекватности, передержках, абсурде. Правильно говорит Чаадаев, он абсолютно прав. Так оно и есть вплоть до нашего времени. Если посмотреть на Россию с точки зрения керигмы, то мы обнаружим сбои в каждый момент. Каждое постановление, каждое правовое и историческое действие, где уже пора бы появиться субъекту и формально предполагающее, что он у нас появился, оказывается блефом. Модерн внедряется, но одновременно проходит мимо.

Начинаем философствовать – философствуем так, что субъект немедленно превращается в целостность, мир “делится надвое”, как у Сковороды (первый русский философ), возникают какие-то архаические гностические мифы, Соловьев видит Софию, которая приходит к нему в виде прекрасной женщины, космист Федоров воскрешает мертвых и пытается управлять атмосферными явлениями. Не философия, а настоящий слабо систематизированный бред. Мыслеподражание. Так философствуют коты. Этот бред самоутверждается и развертывается в форме

видений наяву, ощущений, испытаний плоти, абстиненции (те же философы-девственники – Соловьев, Федоров) или наоборот – дикой пьяни, разгула и разврата, как у других философов Серебряного века (Философов, Мережковский, Розанов, Бердяев). Обязательно проявляются крайности – изнурения или наоборот, возбуждения плоти, и все для того, чтобы не кончался этот бред, чтобы плоть, ее пары насыщали произвольно и причудливо функционирующее русское сознание.

Чаадаев первым и еще до появления самой русской классической философии заметил несоответствие русского общества и русского мышления законам европейской керигмы и воскликнул: это кошмар! Для того чтобы что-то с ним сделать, надо либо переехать на Запад, либо Запад сюда перенести. Так родилось русское западничество.

Чем дальше, тем больше я начинаю понимать, что это ответственное, умное, адекватное направление, так как это люди, которые понимают, что в археомодерне существовать невозможно, отвратительно, что это удушает, стопорит любое начинание, фальсифицирует любую мысль, энтропирует любое деяние, и что эту конфликтность необходимо снять, разрешить. Но... Но тут-то и начинаются наши расхождения – западники предлагают снять ее исключительно в пользу керигмы, причем керигмы современной и западноевропейской, в пользу керигмы модерна. Они обосновывают это тем, что другой столь же сильной и претендующей на универсальность керигмы нет, а если у нас и была своя керигма, то мы ее давно утратили. Утратили с началом модернизации России, когда и начался у нас археомодерн. Истоки болезни уходят в эпоху раскола, т.е. в XVII век.

Стратегия славянофилов: раскапывать структуру

Но как решили проблему археомодерна славянофилы? Славянофилы сказали: да, наш любезный друг Чадаев в постановке диагноза полностью прав! Мы, действительно, живем в полнейшем бреду. Но... Виновата в этом не структура (бессознательное, народ, сновидения, традиция), а носители нерусской керигмы, реформаторы петровской эпохи, сам Петр и другие западники XVIII века, которые загнали русскую структуру в подполье и, тем самым, создали археомодерн. И вот какой рецепт предлагают славянофилы: давайте раскапывать структуру! Еще более прекрасный вывод!

Одни (западники) сказали: этот уродливый, отвратительный, неприемлемый компромисс археомодерна мы должны решать в сторону Запада. Надо сказать, они были молодцы, они хотели выздороветь – выздороветь сами и вылечить всех остальных. Другие (славянофилы) сказали: давайте наоборот обратимся к сновидениям и

построим, создадим мир старых русских сновиденческих сказок. Они были еще большие молодцы, они хотели не просто выздороветь и вылечить остальных, но и отстоять самобытность и достоинство наших русских предков, нашей мечты. Призыв славянофилов “раскапывать структуру” услышала русская культура, русские композиторы, русская литература второй половины XX века и создала сокровище, то, что мы называем “классическими образцами национальной культуры”. Они слушали именно голос структуры, дух народа, его музыку. Они творили и жили в основном в рамках славянофильского канона.

Вектор их усилий был в высшей степени верным, ориентация правильной, но сам их дискурс носил на себе глубокий отпечаток европейской культуры и дворянского образования. Стремясь освободиться от Запада, они несли этот Запад в самих себе, и поэтому не могли ни полностью преодолеть археомодерн, ни осознать истинные масштабы той проблемы, которую он собой представлял.

В конце концов, славянофилы лишь попытались отстоять право славянских государств не быть захолустьем Европы, ее жандармом или задворками, но быть самостоятельными и самобытными участниками европейской истории, полноценными православными державами, полными чувства собственного достоинства. Они не были солидарны с судьбой Запада, но и не были способны внятно очертить параметры русской судьбы.

Интуиции славянофилов подхватили деятели русского Серебряного века – поэты А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, М. Волошин, С. Есенин, Н. Клюев, В. Хлебников и многие другие. В поэзии русское архаическое начало, освобожденное от узких шор европейской образованности, проступило с новой невиданной силой.

Особняком стоит то направление мысли, которое принято называть «русской религиозной философией» (В.Соловьев, Н.Федоров, В.Розанов) и, в частности, софиология (П.Флоренский, С.Булгаков), где можно различить следы движения на пути к выпрастыванию русского логоса.

В этом же ключе развертывались и теории русских евразийцев. Однако Октябрьская революция поставила крест на этих исканиях, и подъем русского самосознания, взрыв глубинных сил был инструментально использован, укрощен, а затем и нещадно подавлен новой политической элитой. Так, поиски русского логоса были отложены еще почти на столетие. Советский Союз в скором времени превратился в новое издание археомодерна.

Если суммировать все сделанные в этом направлении попытки, можно обнаружить целые россыпи гениальных интуиций и прозрений. Но в нечто цельное и систе-

матизированное они не складываются. Более того, сами по себе, взятые вместе или по отдельности, они не дают общей картины русского Начала, не предлагают той модели, с помощью которой можно было бы корректно расшифровать имеющиеся фрагменты.

Национал-гомеопатическая терапия

Славянофилы начали еще более важный и еще более интересный процесс, чем просто встать на сторону структуры в условиях археомодерна. Они не просто защищали структуру от западнической керигмы, они предложили и более радикальный путь: давайте лечить археомодерн.

По сути дела, предложение западников по борьбе с археомодерном было очень логично, но оно предлагало убить больного. Отвратительный облик больного, пускающего слюнявые пузыри, отказывающегося самостоятельно передвигаться, глупо хихикающего, на первый взгляд был аргументом в их пользу. Действительно, кому нужен этот больной в таком состоянии. Западники косвенно надеялись, что освободившееся после депортации больного в морг, после его эвтаназии, придет нечто более разумное и полноценное, выстроенное по законам керигмы – выстроили же американцы успешное государство практически на пустом месте – без истории, без традиций, без подсознания; только на основании примитивнейшей во многих отношениях керигмы, и все у них получилось. Так и российские западники держали в уме нечто подобное – был бы субъект, был бы разум, а все остальное приложится, считали они. И в этом они были верны строгой логике модерна и модернизации.

Но славянофилы предложили иной сценарий: давайте все-таки лечить, но сначала давайте осознаем, нет ли в таком плачевном состоянии русских вины заезжих врачей, которые вместо излечения археомодерна своими практиками только усугубляют его состояние и тем самым несут основную ответственность за археомодерн. В мягкой форме славянофилы намекнули на следующее: давайте убьем не больного, но тех врачей, которые его довели до такого состояния. Это неправильные врачи, у них неправильные лекарства. У них есть что-то здравое в оценке состояния больного, и они правы в том, что надо что-то делать, но что именно – тут мы не согласны с ними категорически. Во-первых, устраним этих горе-врачей, а потом все-таки попробуем лечить, причем с опорой не на керигматические лекарства, а на автономные силы структуры – то есть гомеопатически. Национал-гомеопатической терапией.

Засучив рукава, славянофилы принялись лечить, как и их прямые последова-

тели в XX веке, евразийцы тоже лечили – лечили археомодерн русского народа. Так сложилось наиболее адекватное направление русской политико-консервативной философии – от Киреевского, Хомякова и Аксаковых через Достоевского, Гоголя, Самарина, Леонтьева и Данилевского вплоть до Трубецкого, Савицкого, Алексеева и Гумилева. Все оно проникнуто одной главной задачей: стремлением излечить русских от археомодерна.

Всемирный фронт евразийцев против западноевропейской керигмы

В программной книге "Европа и человечество" и особенно в рецензии Савицкого на эту работу евразийцы заметили важнейшую вещь: леча русских от археомодерна, мы излечиваем не только русских. Точнее, идея лечить русских – это идея не только лечить русских, это идея лечить весь мир, потому что японцы, китайцы, албанцы, латиноамериканцы, африканцы, индусы нуждаются в аналогичной терапии. Может быть, мы просто яснее, раньше и острее осознали это заболевание, поняли, что археомодерн есть болезнь, и, понимая, насколько нам это неприемлемо и отвратительно, мы им стали им заниматься всерьез.

Развивая интуиции славянофилов, евразийцы вплотную подошли к системному описанию проблемы. Запад претендует на то, что нормативы модерна, выросшие на его исторической почве, являются универсальными законами и всечеловеческими критериями развития. Так родилась керигма модерна, претендующая на то, чтобы стать керигмой вообще, нормой универсальной рациональности (mathesis universalis Декарта и Ньютона). Колониальное распространение западных влияний на все остальные страны, культуры и цивилизации мира повсюду порождало археомодерн. Локальные структуры (т.е. культуры, религии, обряды, верования, традиции, социальные и политические системы, хозяйственные формы и т.д.) загонялись в подполье, и чуждая – полупонятая или вообще непонятая – керигма блокировала их естественный и гармоничный выход. Весь мир (за исключением Европы, Запада) заговорил на кукуйском языке,яч и души народов начали невыносимо страдать, гнить от вируса колониального протеза самосознания.

Россия оказалась в таком положении не через прямую колонизацию, как большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки, но через культурную колонизацию. Это славянофилы называли "романо-германским игом". Поэтому у России теоретически есть шанс осуществить консервативную революцию в пользу структуры (знаменитый термин "революционный консерватизм" первым предложил именно славянофил Ю. Самарин), сбросить западническую керигму и начать процесс антиколо-

ниальной борьбы против европейской керигмы в планетарном масштабе. Не только во имя русских, но во имя самобытности всех культур и народов мира. Таким образом, в политической философии явления структуры и керигмы, состояние археомодерна, находят свое прямое воплощение.

Археомодерн по-советски

Расцветом археомодерна в России была советская эпоха. Поставив задачу реализовать свои ультрамодернистические проекты, тотально внедрить марксистскую керигму, большевики и справились с этим, и не справились. С одной стороны, им это удалось, но... за счет лишения марксизма его рационального содержания. Встает вопрос: что же тогда они внедряли? Если мы внедряем марксизм, и для того, чтобы его внедрить, марксизм перестает быть марксизмом и становится неизвестно чем, сновидением, то что мы делаем?

До определенного момента, на первых этапах сами рациональные носители марксистского дискурса понимали, с чем они имеют дело, где идут на компромисс в понимании (непонимании) основных догм народными массами, где сознательно подстраиваются в прагматических целях под “пережитки”, где жестко сталкиваются с формализованным противостоянием. Но постепенно в 30-е эта рефлексия утратилась, стерлась, испарилась, и в сталинскую эпоху понимание слилось с непониманием. Тогда-то и начался расцвет советского археомодерна. Вначале большевики строго руководствовались идеей: внедрить сознание бессознательным людям. Были классово сознательные, пролетариат, и остальные – несознательные граждане. В первый период велась настоящая борьба: вот “сознательные” (керигма), а вот “несознательные“ (структура). “Ты несознательный” – говорили, и расстреливали. Носителей структуры в первые годы отстреливали, перевоспитывали, трансформировали, одним словом, в покое не оставляли, и критерий сознательности и несознательности был очевиден, вполне рационален и математически выверен.

Но в определенный момент советской истории видно, как это стремление реальной модернизации, желание любой ценой навязать русской структуре марксистскую керигму исчезает. Уставшие коммунисты будто опускают руки: ну, ладно, Бог с ними (черт с ними), с несознательными. С этого момента структура свое стала наверстывать: ага, перестали, а я-то вот она! И пошло: Сталин – наш вождь, фараон, Ленина – в мавзолей, Сталина тоже, человека – в космос! Русское сновидение начинает работать, керигма отступает, и к 91-му году от нее не остается вообще ничего!

70 лет марксисты вышибали несознательных граждан из их несознательности, и снова абсолютно несознательный народ, весь до единого. Забыто все, костер из партбилетов тихо догорает в скверике. Все формулы коммунизма от простейших до сложнейших выветрились полностью. Структура голосует уже просто так, “за”: птичка пролетела, пьяный человек прошел, вот, Борис Николаевич, будет у нас царем, нет другого – значит он будет! Структура полностью сгубила марксистскую керигму, но и сама в своем археомодернистском подполье существенно подгнила, попортилась.

Трудовой отдых

Нельзя сказать, что это традиционное общество. Где вы видели такое традиционное общество, которое находится в состоянии перманентного бреда? Традиционное общество имеет свой порядок, распорядок, и даже, если угодно, свою керигму. Оно, безусловно, имеет нравственные и этические нормативы, рациональные запреты и объяснения.

Может быть, на уровне семьи что-то сохранилось? Но и туда проникла советская модель. Советская семья, хождение на службу, расползающаяся этика, служебные романы и слабовольные дети. Застолья с песнями о Чебурашке. Типичная фигура советского периода – рабочий-алкоголик. Но это не член традиционного общества. Советский человек все время трудится, трезвый или пьяный. И ему кажется, что это нужно. Он трудится, даже если пьет водку. С каждой рюмкой идет какой-то процесс. В одном документальном фильме “Откуда я такой!” бывший синяк рассказывает, как бросил пить и стал писать авторские песни (чудовищней не придумаешь). Потом построил себе курятник и стал в нем жить. Он говорит корреспонденту: “Я когда пою песню про соседей, про то, что вокруг валяется, про то, как работал на заводе, как ходил в школу, то я чувствую, что в космосе что-то улучшается“. Я думаю, что до песен, когда он просто квасил, еще лучше улучшалось, он просто не помнит. Хлопнул стакан – совсем улучшилось, линии распрямились, цветы распустились.

В археомодерне все чем-то занимаются, работают, не покладая рук, но эта работа чаще всего не дает каких-то ощутимых следов, она энтропийна по определению. Потому, что это – работа сновидений. И как таковая она не приводит к упорядоченности, результатам, необратимым последствиям. Все строится и распадается, как фигуры из воды или песка. Модерн истерически жаждет необратимости, результатов, накопления, прямых связей между затратами и прибылью,

между тем, что на входе, и тем, что на выходе. Архаика полностью саботирует эту жажду, снова и снова насмехается над ней, обволакивая трудовой процесс парами полнейшей бессмысленности. Советский человек работал, бездействуя, и бездействовал, работая. В отместку модерн не дает этой архаической структуре чувствовать себя нормально, терзает ее навязанными неврозами, расстройствами, уколами и укорами остаточного фрагментарного сознания.

Поп-механика

Таким образом, к 80-м годам XX века советское общество стало откровенно, фундаментально, чрезмерно, гротескно археомодернистским. До такой степени, что от этого всех стало тошнить. И тогда появились наследники Чаадаева – Чубайс и Гайдар. Это были правильные люди, еще правильнее их была Новодворская. Она выглядит так по-сумасшедшему, потому что страна сумасшедшая. Это она нормальная, а мы – ненормальные. Нам кажется, что она совсем того, а на самом деле, все наоборот. Она говорит, обращаясь к народу: "Друзья, вы мешаете процессу работы керигмы, вас надо истребить, вы просто ничего не понимаете". Она все говорит абсолютно правильно. Чем разумнее керигматический дискурс, тем большей глупостью в условиях археомодерна он кажется. Жириновский – человек, над которым все смеются. Этот человек говорит абсолютно рациональные вещи, все время. Они выглядят смешными, потому что смешон не он, а мы сами.

Сережа Курехин тоже любил поступать так. Но он уже сознательно менял все вещи местами. Когда к нему приходили заведомо хихикающие люди со ртом до ушей, то он им рассказывал совершенно спокойно про законы термодинамики – строго по институтскому курсу, без каких-либо иронических отклонений, но они хохотали сами по себе. А иногда наоборот говорил с серьезным видом абсолютную чушь и все кивали: "Да, правильно, точно замечено", – соглашалась Алла Борисовна и невысокий нанотехнолог, герой путинских премий портной Юдашкин. "Сережа-то неглупый мужик, наверное, поначитался книг". А говорил он им в это время полную ахинею. Почему? Да потому что Курехин понимал (или по меньшей мере догадывался), что в археомодерне вообще нет субъекта с его верификационными моделями, структурами необходимыми, чтобы отличить бред от рационального суждения; нет вообще рассудочно-волевого начала. Рассудок или что-то подобное есть, но без субъекта. Есть и воля, но скорее работа желаний, чем воля. Курехин вполне мог доказать это и в беседе с рок-музыкантами (дебилами по определению) и с академиком Лихачевым (дебилом статусным).

Революционный потенциал гиперконформизма

Итак, в 90-е годы у горстки советских западников под крылом интуитивно тянущегося к уму, но лишенного его самых периферийных областей А.Н. Яковлева, возникла "свежая" идея: дать еще один бой архаике, нанести удар по структуре (желательно окончательно уничтожить ее), открыть новый этап керигматизации – а сей раз в форме либеральной модернизации. Наши либералы сказали: мы должны очередной раз подвергнуть структуру геноциду. И... начали это осуществлять. Это называется "реформы" и "шоковая терапия". Русская структура особенно не сопротивлялась (только в 93-м году чуть-чуть), но избрала свой излюбленный метод, к которому привыкла в археомодерне: революционная стратегия гиперконформизма. Она включилась, говоря: да, Борис Николаевич, верно, верно, Чубайс, давайте вас пожизненно канонизируем, вы будете святым Чубайсом электрификатором, а Ельцина с его двором (семьей), а также с его охранниками сделаем пожизненными правителями Священной Демократической России. И принялась заниматься своим привычным делом – подделывать модернизацию, "сбивать реформы с их смысла".

Нелибералы

В начале – середине 90-х был момент, когда у либералов был шанс. Вакуум был настолько велик, а структура настолько оглушена, что ее геноцид казался вполне возможным. Но для этого либералам надо было бы быть либералами в модернистском, а не в археомодернистском смысле. Еще точнее, им надо было стать либералами, но... они не стали либералами.

Есть такое понятие "нелиберал", пишется не раздельно в смысле "не либерал, но... кто-то еще", а слитно – просто "нелиберал", "не либерал, но и не кто-то еще"... Наши российские либералы – это нелибералы, потому что чтобы быть либералом, надо иметь политическую философию, основанную на субъекте. Для этого надо обладать основными западноевропейскими свойствами, то есть надо быть современным; ответственным за дискурс, готовым платить и за минусы и за плюсы индивидуально, сознательно и волевым образом избранной позиции. У нас таким субъектом является одна Новодворская. Чубайс, видимо, искренне и глубоко симпатизирует этому субъекту, но сам скован конформизмом своей комсомольской юности. Он очень хотел дать смертельный бой археомодерну (в его архаической части), но не решился перейти какую-то черту. Нельзя исключить, что археомодерн оказался слишком силен и в нем самом. А может быть, он просто махнул рукой:

“Бог с ним, с археомодерном, это гигантское засасывающее в никуда болото, нам его не осушить!..” Либералы оказались археомодернистическими чучелами либералов, то есть снова чем-то ненастоящим. А тут пришел и Черномырдин с кукуйским языком, и все стало ясно. В 90-е годы после реально нависшей угрозы модернизации археомодерн опять взял свое.

Путин как воплощение археомодерна

На границе миллениума к нам пришел Владимир Владимирович Путин. Путин, безусловно, является фигурой воплощенного бреда (вспомните, как он в зеленом пиджаке за Собчаком уютно читал газету на фото, обошедшем Интернет). С точки зрения его КГБшной практики это было необходимым навыком: людей там учили двоемыслию и раздвоенности сознания как необходимому качеству профессионала. Путин идеально подходит к модели археомодерна. В каждой своей фразе он смешивает, улыбаясь серыми стальными глазами, керигматический посыл, элементы рациональные, и дерзко проговариваемые лоскут подсознания, структуры.

Я несколько раз видел его выступления вживую, и заметил, что он говорит фразы, каждая из которых обязательно содержит два (как минимум) логически взаимоисключающих друг друга тезиса. Как-то он выступал в Кремле и говорил приблизительно следующее: “наша задача, задача России – ни в коем случае не допустить однополярной гегемонии Соединенных Штатов Америки, поэтому мы должны быть открытым обществом и самым главным партнером для Запада, стремиться в НАТО, в ВТО и согласовывать наши позиции с Вашингтоном, который является лучшим нашим партнером, и вообще Буш – мой друг, но при этом мы не должны забывать, что Соединенные Штаты Америки являются главной угрозой существованию современного миропорядка и процессы глобализации ведут к десуверенизации государств, а ответом на эту угрозу мы должны сделать укрепление толерантности структур гражданского общества, модернизацию и повышенную открытость для западных инвестиций нашей экономики, совершенствование правовой системы и повышение уровня рождаемости, прав и свобод граждан, всех простых россиян, которым необходимо увеличить социальную поддержку, но только не в ущерб крупному частному бизнесу, отдельные представители которого не всегда в ладах с законом, и поэтому говорить о пересмотре результатов приватизации в черные 90-е годы, когда страна впервые за столетия деспотизма встала на путь демократического развития, категорически – я подчеркиваю, категорически, неверно, хотя – что тут греха таить – нажито все это

не совсем легальным путем.” Но вы и сами нечто подобное миллион раз слышали.

Вначале я подумал, может быть, это компиляция нескольких спичрайтеров, у которых в головах совершенно различные представления и оценки прошлого, настоящего и будущего, может быть, одно предложение написала Джахан Поллыева, другое – Игорь Сечин, третье – Сурков, четвертое – Дворкович, пятое – Патрушев, шестое – Сергей Иванов. Но ничего подобного. Это все оригинальная и холистская, нерасчленимая мысль Путина, которая делится надвое уже после ее произнесения. Перед широким тиражированием в СМИ люди в Администрации Президента нарезают эти дискурсы на отдельные фрагменты и посылают частично на Запад, частично на Первый канал, чтобы удовлетворить и внутренние, и внешние запросы, а также пойти навстречу ожиданиям самых разных общественных сил (и патриотам, и либералам). А в самой в речи заложено и то, и то. Причем, аккуратно вырезать очень сложно, так как там есть еще и логические соподчинения: поэтому, так как и т.д. Путин является ярчайшим воплощением археомодерна, а его язык это более резвый и связный, чем у Черномырдина, но диалект все того же кукуйского.

Баланс путинского археомодерна

Что в этом хорошо? То, что это не модерн. Более того, это издевательство над модерном, над здравым смыслом, над субъектом. Это карикатура на рационально-волевую природу современной европейской личности. Реальных нападок на русскую структуру Путин не делает, более того, она постоянно проглядывает в его неудачных шутках и оговорках из грубого школьного жаргона – “мочить в сортире”, “обрежем так, что мало не покажется” и т.д. Самое страшное для структуры, это когда параноики типа Петра или Ленина, вкусившие природы субъекта, приходят и раскаленным железом подвергают народ геноциду. Этого у Путина нет.

С другой стороны, это плохо. Потому что в такой программе наличествует и решимость поддерживать модерн на уровне пусть глупейшей, но имитационно западной керигмы: либерализм, демократия, Конституция, гражданское общество, права человека, толерантность – все это фетиши и тотемы, не имеющие никакого отношения к реальности, но русскую структуру они угнетают серьезно и действенно, не давая ей по-настоящему развернуться

по ее внутренней логике. В отношении архаики археомодерн – это почти модерн, а в отношении к настоящему модерну – почти архаика.

Путин как образцовый археомодернист структуре ничего спускать не намерен, он намерен ее систематически изводить. Мы думаем, вот-вот сейчас что-то будет – но нет. Не тут-то было. Мы ждали первые 4 года, вот-вот сейчас Волошина снимут. Через 4 года, когда русские взвыли (по-своему – по-немому, как Герасим в “Му-му”), Волошина сняли, но опять ничего не изменилось. И ничего не будет, потому что это археомодерн. Путин не осознает археомодерн как болезнь. Он им удовлетворен, если не сказать наслаждается. А тот, кто воспринимает археомодерн как норматив, тот становится на сторону болезни.

Археомодерн как политическая категория

Понятый в таком ракурсе археомодерн на наших глазах из философско-парадигмальной концепции становится важнейшим политическим, политологическим и философско-политическим объектом, явлением, которое дает ответы на все вопросы, возникающие в нашем обществе. Эта концепция является единственной главной фундаментальной и центральной смысловой линией, от которой надо откладывать систему координат при анализе того, что происходит с нами, того, что мы хотим, того, что мы выбираем, того, что мы делаем. Это и осознание самих себя, и осознание модели поведения нашей власти, и осознание того, что с нами происходит, и осознание нашего грядущего выбора.

Младший президент и его “и”

Путинская модель, путинская Россия и путинский курс, план Путина... Обратите внимание, мы проголосовали за “план Путина”, не зная его. Потом нам сказали, что мы его не знали, но сейчас он нам его расскажет, а Путин продолжает говорить то, что он всегда говорил, свои привычные археомодернистические коаны.

Избранный (младший) президент Д.Медведев в таком же археомодернистском ключе поясняет, что под планом Путина имелось в виду четыре “и”: институты, инфраструктура, инновации и инвестиции. Мы спрашиваем: “Это план?” – “Да, план” – “Тогда мы кто?” – “Действительно, а вы кто? Раз уж вы такие, то и план вам такой, вы на себя посмотрите – вы другого плана, кроме этих энигматических и малоосмысленных слов, начинающихся на “и”, и не заслуживаете, потому что сами вы кто? – И...ы”. И правильно! Status quo, “ты – мне, я – тебе”, все идет по плану.

39

Русская ложь

Сегодняшнее status quo – это археомодерн. В нем, конечно же, идут какие-то процессы, но это процессы, которые нас ни к чему не приближают. То, что происходит в археомодерне, это движение "по ходу дела". То есть, это не движение как таковое, это имитация движения. Вы скажите, как похоже на симулякры постмодерна. Но нет – сходство обманчиво. Это не постмодерн. Сама концепция археомодерна понадобилась нам, чтобы объяснить, почему постмодерна нет в России. Наличие имитационных чучел вместо партий и институтов, изобилие бессмысленных бредовых дискурсов, где одна часть отрицает другую, отсутствие какой-то реальной подвижки в том или ином логическом направлении – это еще не постмодерн, это археомодерн.

Постмодерн в России мог бы быть (или может быть), если здесь победят Чубайс и Новодворская, если русских подвергнут геноциду по-настоящему, а не так в шутку, как в 90-е годы, завезут сюда менеджеров из США и Западной Европы и рабочую силу из Китая и Индии и провозгласят Соединенные Штаты России. С узкой иностранной верхушкой и широкими нерусскими слоями гастарбайтеров, которым будет запрещено иметь структуру под страхом депортации обратно – на нищую родину. И тогда, возможно, здесь что-то заработает: не машины заработают, не трактора заработают, не станки и не компьютеры, но субъект. Только после инсталляции сюда субъекта и по ходу осуществления изощренных философских операций с ним самим, мы можем всерьез говорить о наличии постмодерна в России. Пока этого не произошло, постмодерна в России нет. Но внешне наш нынешний археомодерн удивительно напоминает постмодерн, но их изыск от ума, а наш – от дурости.

Также Миике напоминает Тарантино. Тарантино осознает значение Миике и всегда говорит: "Смотрите Такеши Миике, японского Тарантино". Но Миике – это не Тарантино, Тарантино – явление постмодерна, Миике – явление археомодерна.

То, что делает наша власть, наша элита, наши вожди – это археомодерн. Российская элита, даже подражая западной, принципиально не понимает, что делает, и это самое главное. Она не изображает из себя, не придуривается и не лжет, она действительно так думает, если угодно. Это гораздо страшнее. Когда вы твердо знаете что-то, что А равно А, и сознательно говорите, что это не так, и А не равно А, то вы лжете. Но это нормальная вещь, это вполне рациональная вещь. Это ложь субъекта. Но когда вы на самом деле не уверены, что А равно А, стена есть стена, что небо сверху, а земля снизу, то это уже не ложь. Может быть, вы и лжете, но

лжете, уже отправляясь от референциальной базы, которая размыта. Это уже не ложь субъекта, но расстройство сознания. Это делирий, бред. Так сегодня лжет российская власть: не потому, что она скрывает правду, а потому, что она ее не знает.

Модернизация по Ходорковскому не прошла

Возможно ли лечение археомодерна? Как только мы начинаем осознавать так же пронзительно, как славянофилы и западники, что археомодерн является ситуацией глубоко конфликтной, что это заболевание и, если угодно, зло, то мы со всей серьезностью ставим вопрос: что сделать, чтобы это заболевание ликвидировать или излечить?

С ликвидацией болезни вместе с больным все понятно. Поскольку археомодерн у нас в запущенной стадии, и русского начала в нашем нерусском сознании очень мало, то с излечением археомодерном в сторону модерна возможен только план Новодворской. Это логически непротиворечивый план, довольно честный: больному тяжело – его надо убить. Если встать на сторону врачей, которые с ним мучаются, то я бы с этим согласился. Мы не должны к этому слишком легко относиться, это не злодеи и придурки говорят, это говорят ответственные врачи, которые ответственны за помещение, за койки, за искусственный кислород, за медикаменты.

Я разговаривал с Ходорковским перед его посадкой. Он почти откровенно предлагал подвергнуть русских тихой эвтаназии. Он говорил в таком духе: никто, мол, не заметит, как мы всех выселим в коробки, все будет спокойно; нами созданы социальные фонды, чтобы смягчить шок демонтажа национальной государственности. Он понимал, что археомодерн – это болезнь, но он стоял на позициях модерна, полагая, что необходима модернизация. А для этого необходимо, ну, не прямо убить русско-советское население, а его постепенно извести, желательно в комфортных условиях. Он говорил приблизительно следующее: “Я выделяю несколько миллиардов долларов на то, чтобы народу было комфортно исчезать”.

Это комфортное исчезновение структуры, экзорцизм русской структуры, эта программа либералов-модернистов, была отвергнута археомодернистом Путиным. Путин сказал: “Археомодерн – это хорошо, это не болезнь, это и есть самая настоящая норма, с гармошкой, ракетой и теннисной ракеткой... И всем сейчас будет роздано по прянику или по башке, ну, это уже, как получится”. И верх взял архео-

модерн, мир сновидений вперемешку с раздражающим, нелепо представленным бодрствованием в лице менеджеров из ВТО, каналом РБК, маркетинговым анализом.

Социология археомодерна[1]

1. *Структура археомодерна в социологии*

Социология свалки

Явление археомодерна обнаруживает, что социум вполне может жить одновременно в нескольких эпохах – на уровне элиты (представляющей собой либо колониальную администрацию, либо ее автохтонный аналог) может развертываться линейное время или модернистские формы социального времени Гурвича, тогда как в массах будет доминировать мифологическое время (вечное возвращение, замедление, постоянство).

Социальная система археомодерна движется одновременно в двух противоположных направлениях, что производит сдвиги и расколы, и при этом еще некоторые слои массы вовлекаются в линейное время элит, а часть элит «облучается» циклическим спокойствием «вечного возвращения» масс. Питирим Сорокин назвал такую ситуацию «свалкой». Различные символы, архетипы, сюжеты и мифемы наваливаются друг на друга без всякого порядка, и совершенно разнородные вещи соседствуют друг с другом. Так, на свалке рядом лежат ржавые трубы, остатки гнилой пищи, обрывки глянцевых журналов, фрагменты мебели, пустые коробки и бутылки, груды неидентифируемых вязких веществ, плавленная пластмасса и т.д. Это типичный социальный пейзаж археомодерна: живущее не просто на разных скоростях, но и в разных направлениях общество утрачивает единство, связность, способность объединить различные слои, страты и символы в общую гармонию. В таком случае, когда разлад между логосом и мифосом достигает критической черты, знаменатель начинает выступать как разрушающая сила, активно саботирующая любые попытки прогрессистского логоса к модернизации.

Социологическая модель «общества свалки», описанная П.Сорокиным, применима также к социальной феноменологии Постмодерна, где Модерн утрачивает свою логическую и прогрессистскую энергию, но миф в знаменателе тоже довольно серьезно страдает от попыток его модернизации, в результате чего на поверхность проступают не чистые архаические архетипы, а их бледные остатки,

[1] Фрагменты из книги *Дугин А.Г.*Социолоия воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.

«residui», которые современный социолог Жан Бодрийяр вполне мог бы назвать «симулякрами».

Археомодерн по-советски

Советский строй породил новую версию археомодерна: марксистский логос (пролетарское сознание, коммунистическая идеология) наложился на русское народное мессианство, но несогласованность этих двух планов, противоречия между западной структурой социального логоса и автохтонным русским социумом дали о себе знать. «Русское народное сновидение», вначале поддержавшее большевиков (примером этого может выступать поэзия Николая Клюева, Александра Блока, ранние повести и романы Андрея Платонова и т.д.), позже блокировало марксизм, не пожелавший повернуться лицом к национальному бессознательному, начав тонкую работу по интеллектуальному саботажу правящей рациональности. Ортодоксальный марксизм, со своей стороны, старался извести русский миф, а русский миф разъедал стройность марксистской рациональности. К 60-м годам XX столетия это привело к стагнации, а в 80-е годы послужило причиной краха СССР и всей мировой социалистической системы, державшейся во многом на социально-экономической, идеологической и военной мощи Советского Союза.

При этом коммунистический Китай (также аграрная страна с традиционным обществом), изначально уделявший больше внимания национальным традициям, сумел сохраниться и в эпоху 80-х, перестроив свою идеологию в откровенно националистическом духе. Адаптировав экономику под прагматические нужды времени, переняв определенные стороны рынка и капитализма, он сохранил при этом государство, политическую власть компартии и социальную целостность страны.

Экономика в марксизме, таким образом, оказалась лишь составляющей стороной мифа, который, оперируя экономическими моделями и хозяйственными структурами, при необходимости подстраивал их в теории и на практике под свои нужды. Конец СССР был связан с изношенностью мифа. И то, что казалось стадией, следующей за капиталистической эпохой, оказалось лишь девиацией на пути развертывания более общих процессов.

Так обстоят дела на уровне социального логоса Запада. А на уровне коллективного бессознательного русского народа это было неудачной попыткой вывести национальный миф в социальное измерение сознания, то есть провалившейся попыткой индивидуации.

2. *Антропологические аспекты археомодерна*

Дробь человеческая

Человека в структурной социологии можно представить себе в виде дроби «логос/мифос». Логос — это рациональная часть, мифос — это иррациональная. Логос соответствует сознанию; мифос – бессознательному.

$$\frac{\textbf{ЛОГОС}}{\textbf{МИФОС}}$$

Схема человека в двухмерной топике структурной социологии

В нормальном обществе логос постепенно и стадиально произрастает из мифоса как из своей матрицы. Внимание человека вначале концентрируется в знаменателе, в сфере сновидений, и лишь потом пробуждается и поднимается в числитель, обретая характер трезвого логического рассудка.

Антропологический гибрид и «мерзость запустения»

Рассмотрим теперь понятие о человеке в обществах археомодернистского типа. Преобладающим в них типом является антропологический гибрид.

Структура антропологического гибрида обоснована тем, что его мифологическая составляющая («знаменатель» человеческой дроби) находится в полной дисгармонии с логосом («числитель»). Рождение логоса, его дальнейшее очищение от мифологических следов и системная борьба с собственным мифом провоцирует конфликты, расколы, кризисы и революции даже в тех обществах, где этот процесс является внутренним, эндогенным. Но в случае с археомодерном все приобретает особо катастрофический характер, так как дисфункции между «числителем» и «знаменателем» развертываются не диалектически, планомерно, постепенно и осмысленно, а разом и без всякой внутренней динамики. Археомодерн – это «общество-свалка», по П.Сорокину.

В Библии есть термин «мерзость запустения». В отличие от естественного запустения эндогенно логосных обществ и людей таких обществ, археомодерн не превращается в свалку постепенно, а представляет собой свалку изначально как искусственно организованное место сброса отходов более органичных культур.

Рассогласование социологического человека и психики

Антропологический гибрид общества свалки несет в себе раскол с самого начала: социальный логос здесь заведомо не коррелирован со структурой мифа, так как он накладывается на этот миф извне искусственным образом. Миф, защищаясь, перетолковывает логос в своем ключе, цепляясь за любые случайные ассоциации. Тем самым миф безжалостно искажает структуру логоса. Логос же противится этому и наносит по мифу ответные удары, безуспешно пытаясь его удавить. Миф разлагает чуждый логос, логос безжалостно насилует автохтонный миф.

В результате такое общество не просто жестко стратифицируется (все общества жестко стратифицируются), но порождает систему конфликтующих диад. Элиты пытаются освоить заимствованные модели логоса или представляют собой, в полном смысле слова, колониальную администрацию. Массы уходят в бессознательное, лишь формально принимая навязанную сверху модель.

В археомодерне происходит принципиальное рассогласование социального статуса (то есть социологического человека) и психики, динамически понятой души. В таком обществе не возможна ни индивидуация, ни действенная инициация (если она вообще сохраняется). Животворный баланс социального и психического блокируется.

Низы и верхи общества археомодерна

Человек в обществе археомодерна живет в постоянном противоречии между социальным статусом и психическим процессом. Ни один из статусов и ни один набор статусов не открывает пути для реализации душевных архетипов. Такое рассогласование свойственно и высшим стратам и низшим. Низы такого общества имеют миф, но у них нет возможности перевести его в зону логоса. А верхи имеют логос, но обескровлены внутренне и страдают психической недостаточностью (неврозом). Среди высших страт есть те, кто полностью отождествляются с экзогенным социальным логосом (статусным набором), перестают воспринимать окружающее общество в его органической составляющей и действуют как параноидальные бездушные механизмы; а также те, кто несет в себе связи с коллективным бессознательным, хотя это бессознательное хаотично, расстроено и вместо души представлено преимущественно структурами «тени».

Роже Бастид: социология Бразилии

Одно из таких археомодернистических обществ – бразильское – изучал крупнейший французский социолог Роже Бастид. Его исследования могут служить базой для изучения всех разновидностей общества-свалки.

Исследование бразильского археомодерна, по Бастиду, облегчается тем, что все социальные страты четко маркированы расовым признаком. Высшие классы – белые португальцы. Ниже идут светлые метисы (белые + индейцы), еще ниже темные мулаты (белые + негры), и в самом низу – негры. Социальная дифференциация маркирована цветом кожи, и даже ее оттенками. Белые потомки португальцев (и других европейцев) – богатые, престижные, имеют власть и высокое образование. Они задают официальную парадигму социального логоса, который является европейским, рационалистическим, христианским (католическим). Политические и социальные институты выстроены по лекалам Просвещения. Фасад Бразилии – европейский.

На противоположном конце находятся негры – бедные, невежественные, презираемые, подчиненные, бесправные или не способные реализовать свои права. Они были завезены как рабы, оторваны от почвы, лишены всех социальных статусов, мифов, религии и превращены в скот. Португальцы распоряжались ими как предметами. Будучи вынужденными отказаться от своих мифов и обычаев и принять навязанные нормы португальских господ, негры, тем не менее, сохранили мифологические связи и структуры на бессознательном уровне, что привело к появлению тайных культов – типа кандомбле. Сновидения Африки продолжали транслироваться – но в искаженном, фрагментарном виде.

Регулярное сожительство белых плантаторов с индейскими наложницами и рабынями-негритянками производило гигантский пласт метисного и мулатского населения, которое не обладало в должной мере ни социальным логосом прямых потомков португальцев, ни структурной стройностью подсознания негров или неокультуренных индейцев. Этот пласт представляет собой типичных антропологических гибридов, у которых логосные структуры размыты и нефиксированы, а архетипы коллективного бессознательного дезорганизованы. В результате в Бразилии масонство соседствует с архаическими африканскими колдуньями, спиритизм практикуется в католических церквях, вокруг столицы и крупных городов построены целые города из мусорных ящиков, коробок, баков и бочек – фавелы и

бидонвили. Свалка служит образцом архитектурных построек и местом обиталища широких масс населения.

Бразилия – общество, где индивидуация невозможна по определению, так как социальные модели фундаментально рассогласованы с психическими структурами. Только в недавно официализировавшихся чисто африканских центрах культов «черных матерей», поклоняющихся «духам-ориша», началась определенная реституция инициатических процедур. Но эти периферийные инициативы не могут аффектировать социальную структуру, и хотя больше не подвергаются преследованиям, остаются в границах социальной маргинальности. К этому следует добавить проникновение чужеродных «христианских» элементов, фрагментарность самих культов «ориша» (африканских духов) и внутренние раздоры, которые приводят к расколам среди «черных матерей» и их последователей.

Главным бразильским событием является ежегодный карнавал, который вобрал в себя черты древнеримских сатурналий, шествий в честь Диониса, средневековых праздников осла и многоцветие сект и разнородных культов низших слоев Бразилии. В период карнавала бессознательное выплескивается на поверхность в полуритуальных танцах и имитационных или реальных оргиях.

Фигуры, темы, сюжеты и действия карнавала – с их разрозненностью, хаотизмом, бесцельностью, дезориентированностью – представляют собой не новый синтез, но торжество маргинальности, выплеск аномии, то есть ту же свалку, только увиденную в своем «славном» искрометном аспекте.

Российское общество как археомодерн: несчастное общество

К тому же типу археомодерна относится и российское общество последних трех веков, когда в ходе модернизации Петра и некоторое время до него правители стали внедрять структуры социального логоса, скалькированного со стран и обществ Европы, а народ замкнулся в своих древних сновидениях. В отличие от Бразилии расовой подоплеки здесь не было, хотя романовская элита вобрала в себя значительный процент иностранцев, да и сами исконно русские аристократы, начиная с какого-то момента, предпочитали говорить в XVIII-XIX веках по-голландски, по-немецки, а позже по-французски. Индивидуация становится проблематичной уже в конце XVII века (именно на этот момент приходится русский раскол), а с XVIII века русское общество становится классическим примером псевдоморфоза (о чем писал О.Шпенглер).

В советское время то же расщепление на русский мифос и импортированный со-

циальный логос (в форме марксизма) сохраняется. Либеральные реформы 1990-х годов не только не исправляют ситуацию, но усугубляют ее новой волной заимствований с Запада (уже вступившего в фазу Постмодерна). Так что в отношении современной России вполне можно вынести печальный диагноз: мы живем в обществе свалки.

Русский человек в последние столетия раздвоен между своим бессознательным, не имеющим выхода, и отчужденными государственными структурами, чужеродными элитами. Это составляет главную проблему социальной антропологии современной России. Ось счастья в таком обществе заведомо блокирована. Следовательно, это социологически несчастное общество.

Эллипс археомодерна и русская философия[1]

Смердяков как центральная фигура археомодерна (о «банной мокроте»)

Программу русского археомодерна кратко и емко излагает герой романа «Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского Павел Смердяков, незаконнорожденный сын Федора Павловича Карамазова от юродивой нищенки Лизаветы Смердящей. –

«Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна. (…) В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки»[2].

И в следующем диалоге с той же Марией Кондратьевной:

– Когда бы вы были военным юнкерочком али гусариком молоденьким, вы бы... саблю вынули и всю Россию стали защищать.

– Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с.

– А когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?

– Да и не надо вовсе-с. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона... и хорошо, кабы нас тогда покорили...”[3].

Это не простое западничество, хотя Павел Смердяков, разумеется, западник, что видно из его восхищения всем европейским. Сам он так говорит о европейцах:

«Тамошний [т. е. иностранец] в лакированных сапогах ходит, а наш подлец в своей нищете смердит”[4].

Здесь показательно, что Смердяков частично критикует и самого себя, свою русскую природу. Смердела, судя по уничижительной кличке, и его юродивая матушка, и сам он смердит изнутри, в соответствии со своей фамилией, но старается заглушить смердение духами и замаскировать лаковыми туфлями. Это образ русского лакея, бастарда – социальной фигуры, зависшей между барином и простолюдином, существа, глубоко больного, искореженного, расстроенного, но вместе с тем страдающего и мучающегося, а также мучающего других. Это и есть гибрид, типичный образ, концентрирующий основные свойства русского археомодерна. Эту

---

[1] Фрагмент из книги *Дугин А.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.:Академический проект, 2011.

[2] *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2009 С. 266.

[3] Там же. С. 266.

[4] Там же. С.266.

особость смердяковской породы отмечает у Достоевского старый слуга Григорий, вырастивший Смердякова (русский слуга как представитель традиционного архаического русского общества противопоставляется русскому лакею). Осознавая патологичность русского лакейства, социальной смердяковщины как метафизического явления археомодерна, Григорий еще в детстве Смердякова настаивал на том, чтобы его не крестить:

“Потому что это... дракон... смешение природы произошло”[1].

Это чрезвычайно важное «смешение природы», причем «смешение» патологическое, противоестественное, эстетически отвратительное и этически отталкивающее (Смердяков окажется в романе отцеубийцей), и есть формула русского археомодерна, отвратительный гибрид архаизма с современностью, осуществленный в ущерб обоим составляющим, приводящий к извращению и вырождению и того и другого. Старый русский слуга подозревает, что тип российского лакея, идущий ему на смену, несет в себе колоссальную антропологическую угрозу. Развивая тему «дракона», «смешения природы», Григорий прямо в лицо сообщает Смердякову:

«Ты разве человек?... Ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто».[2]

Это не просто раздраженная метафора, это важнейшее прозрение в область социальной антропологии. Смердяков (российский лакей и прототип русского либерала), на взгляд типичного представителя архаической Руси, «не человек», «нечисть», злое демоническое существо, родившееся из «банной мокроты» (используемый здесь образ «бани» и «мокроты» имеет архаическую структуру и означает нечто «нечистое», «изначальное», напоминая сюжет о споре дьявола с Богом в многочисленных русских апокрифических преданиях о сотворении мира с явными элементами то ли древнего иранского дуализма, то ли средневекового богомильства)[3].

Самое важное при этом, что выродок Смердяков – абсолютно автохтонный русский выродок. Его «западничество» не является причиной его вырождения, напротив, вырождение, свое, глубинное, толкает его – из осознания собственной патологии и отвращения к своему и всему окружающему – к поклонению перед

[1] Там же. С.115.
[2] Там же. С.148.
[3] В этих сюжетах Сатанаил стремится соперничать с Богом, но ему это никак не удается, так как он пытается создать подобия Божиих творений из неподходящего материала. См. Русская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2006.

«другим», в данном случае перед Европой, возводимой в идеал. В Смердякове и русском археомодерне центральна не любовь к иному, но ненависть к своему. Это отличает русский археомодерн от колониальных и постколониальных аналогов.

В колониальной Индии или рабовладельческой Бразилии модерн, воплощенный в правящем классе европейских колонизаторов, был катастрофой, бедой, имевшей внешний характер. И хотя постепенно колонизация проникла вглубь, породила прослойки коллаборационистов, имитаторов и трансгрессоров, она не несла в себе глубинного раскола сознания народа и ненависть его к своей идентичности. Это было подобно стихийному бедствию и не имело эндогенных культурных корней.

Искусственная модернизация русских и их вестернизация, начиная с Петра I, порождала чувство внутренней измены общества самому себе, своим корням, и «оборонительный», «вынужденный» характер такой модернизации, быть может, рационально внятный элитам, широким массам объяснить было невозможно. (Тем более, было не понятно, почему надо было обязательно «выплескивать ребенка вместе с водой» – жертвовать идентичностью ради сомнительных благ технического развития). До масс доходил лишь осмысленный по-смердяковски диспозитив различных стратегий самоотчуждения, раскола сознания, внутренней ненависти и брезгливости – в первую очередь, к самим себе. Модерн воспринимался не как таковой, а как мера унижения – как то, в сравнении с чем, все русское самим же русским субъективно представлялось «убогим», «ничтожным», «позорным», «отталкивающим. Благодаря такому пониманию «модерна» в археомодерне его содержание, как и сам процесс модернизации, воспринимается заведомо неверно, искаженно, утрачивает оригинальное, но не приобретает положительное и новое содержание, превращаясь в бессмысленное и отягощающее патогенное ядро, в источник непрестанного ressentiment[1].

Вместе с тем в фигуре российского «лакея-дракона» существенно мутировала архаическая сторона, утрачивая спокойное самотождество архаики, выворачиваясь наизнанку, теряя внутреннюю структуру – структуру мифа и обычая, обряда и традиции.

[1] *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука/Университетская книга, 1999.

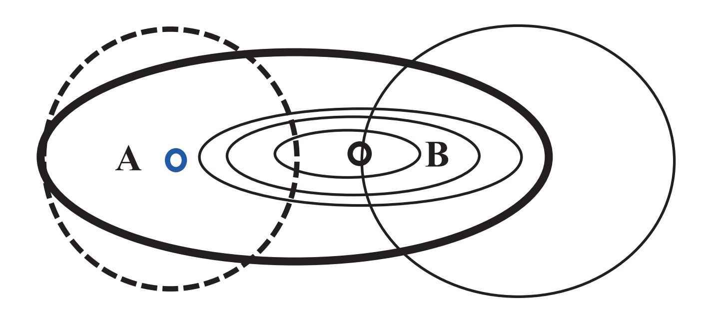

Схема 1. Русский герменевтический эллипс (археомодерн)

Герменевтический эллипс

Русская культура вступила на путь археомодерна с конца XVII века, но его первые признаки проявились еще раньше – с первой половины этого столетия. Именно тогда стали заметны фундаментальные изменения в церковной практике: распространение многоголосия и частичное внедрение партеса в церковном пении, влияние «фряжского» письма – перспективы – в иконописи (например, в школе Ушакова и парсунной живописи), а также активное навязывание европейских мод и обычаев (театры, табакокурение, новые стили в одежде и т.д.). В церковном расколе, а затем в петровских преобразованих эта тенденция достигла своей кульминации и предопределила структуру русского общества вплоть до нашего времени. С петровского периода Россия живет в археомодерне, и обращение к этой социальной модели служит основополагающей герменевтической базой для корректной интерпретации основных культурных, социальных, политических, духовных и хозяйственных событий.

Археомодерн можно уподобить фигуре эллипса с двумя фокусами – фокусом Модерна и фокусом архаики. На уровне элиты развертывались процессы модернизации (=европеизации), а народные массы оставались в рамках архаической парадигмы, в Руси Московской. В своих ядрах обе социальные группы жили автономно друг от друга, почти не пересекаясь, как на двух разных планетах, на двух разных социальных территориях. Различались костюмы, нравы, даже язык: элита романовской России после XVII века свободно говорила на голландском, английском, немецком, позже французском языках, а русского могла вполне и не

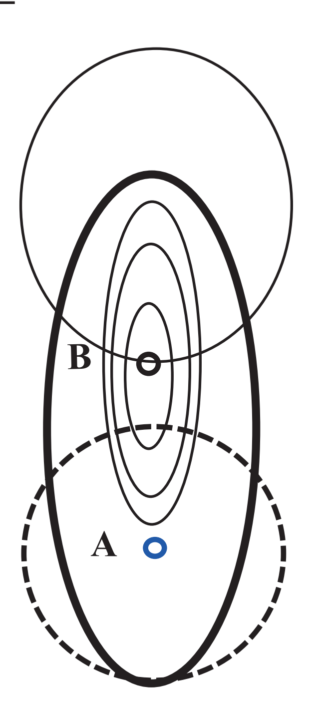

Схема 2. Русский герменевтический эллипс: вертикальное расположение, подчеркивающее иерархическое сопряжение фокусов.

знать, он был излишним в повседневной жизни дворянина. Эти две территории представляли собой два типа того, что Гуссерль назвал «жизненным миром» (Lebenswelt) – два удаленные друг от друга горизонта бытия и быта, структурированные абсолютно различным образом. Ядро элиты составляли иностранцы, служившие эталоном для собственно русской аристократии: они-то и были носителями подлинно европейского Lebenswelt'а. Ядро же простого народа составляли староверы и, частично, представители русского сектантства, сознательно стремившиеся иметь с российским государством и «кадровым» обществом (то есть с Модерном) как можно меньше пересечений[1]). Но хотя эти миры были полностью разведены, все же мы имеем дело с одним и тем же обществом, пусть и состоящим из суперпозиции двух культурных территорий. Причем это единство было оформ-

[1] *Дугин А.Г.* Русская вещь. Т. 1, М.: Арктогея, 2000; Дугин А.Г. Кадровые/Дугин А.Г. Русская вещь. Указ. соч. С. 569-575.

лено единством политического, социального и хозяйственного механизмов, так или иначе затрагивающего всех. Между этими двуми полюсами и кристаллизовалась постепенно обобщающая фигура, воплощающая в себе археомодерн не как составное, разложимое понятие, но как без-образный интериоризированный псевдосинтез. Это и есть наш Смердяков – «лакей-дракон». Он был тем общим, что превращало две окружности с различными центрами в единый русский эллипс.

И именно смердяковщина, которая легко угадывается в русской аристократии (и у героев Пушкина и Лермонтова, а особенно ярко в лице реального исторического персонажа Петра Чаадаева), является тем целым, которое представляет собой структуру герменевтического эллипса археомодерна.

Западнический фокус

В структуре описанного герменевтического эллипса можно отметить тот полюс, который воплощал в себе модернизацию (Модерн) и представлял собой часть западной судьбы. Западный человек, даже живущий в России, или отдельный русский (аристократ), полностью интегрированный в западное общество (что теоретически вполне возможно), является частью западной культуры, западной социальности и, соответственно, моментом логики развития западной истории. С точки зрения философии (что отчетливо показывает Мартин Хайдеггер) эта история была выражением различных этапов философского мышления. Западное общество и этапы его исторического становления вплоть до модерна представляли собой отражение развития западной философии. Поэтому модерн (Новое время) был частью западной судьбы, в каком-то смысле, ее целью, ее «телосом». Модерн вызрел в западной культуре, воплотился в ней и вылился за ее пределы в колониальном броске Европы к интеграции мира под своим началом (эпоха Великих географических открытий).

Полюс модерна в России в его чистом виде вполне может рассматриваться как крайняя периферия западноевропейского герменевтического круга, наподобие заблудившегося в малярийных болотах Амазонки в поисках Эль Дорадо озверевшего испанского конквистадора[1]. О такой фигуре проникновенно писал Николай Гумилев:

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор.

[1] Фильм Вернера Герцога «Агирре, Гнев Божий» тонко передает экзистенциальное состояние европейского романтического типа.

В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.
Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашёл уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.
Там он жил в тени сухих смоковниц
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищали, то мантильи.
Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.[1]

Ясно, что такому «конквистадору» не до философии, но даже в нечеловеческих условиях он остается носителем западноевропейской судьбы, которая выставляет западного человека в его фундаментальном и неснимаемом одиночестве перед лицом главной собеседницы, смерти, в структуре алеаторного кода, связанного со случайностью затерянного в лабиринтах растущего ничто европейского Dasein'а.

Но этот экзистенциальный заряд реальной (а не имитационно- смердяковской, и на самом деле, глубоко русской от этого) западной культуры на уровне народных масс совершенно не воспринимался и не расшифровывался. Поэтому модернизация как включение в западноевропейский процесс, в западноевропейскую судьбу распространялась на очень ограниченный слой русской политической элиты. Как представительница православной державы, стремящейся (пусть по прагматическим соображениям) сохранить суверенитет перед лицом других европейских держав, готовых в любой момент на него покуситься, эта элита геополитически была ориентирована преимущественно против Запада – как по периферии русского владычества на Западе (Прибалтика, Украина), так и на Юге (Крым, Кавказ) и на Востоке (Центральная Азия, и начиная с определенного момента, Дальний Восток).

Эти геополитические обстоятельства никак не способствовали органичному усвоению начал западной философии даже русской аристократией. Российская элита развивала архетип отважного ландскнехта, оказавшегося на службе в чужой,

[1] *Гумилев Н.* Жемчуга. Стихи. Книгоиздательство «Скорпион». М., 1910

непонятной и не интересующей его стране, но старающегося в меру своих сил служить ей за конкретный интерес.

Схематизация герменевтического эллипса

Принятие археомодерна в качестве базовой модели интерпертации особенностей ментальности русского общества последних веков подводит нас вплотную к проблеме корректной дешифровки того, чем на самом деле являлись попытки русских мыслителей XIX века построить «русскую философию». Графическое изображение герменевтического эллипса русского археморерна подводит нас вплотную к основной проблематике нашего исследования. Рассмотрим следующую схему.

На ней мы видим несколько фигур. Собственно эллипс обозначает русский археомодерн, представляющимся при поверхностном анализе чем-то цельным и единым, но на самом деле организованным вокруг двух довольно далеко друг от друга отстоящих (и, самое главное, имеющих разную качественную природу) фокусов.

Структура полюса

Фокус B (схема 1) есть фокус модерна. Весь секрет в том, что он принадлежит другому реально существующему, действительному герменевтическому кругу – кругу западноевропейской философии. То есть дискурс модернизации в русском обществе является провинциальным и глухим воспроизводством западноевропейской культуры, истории и, соответственно, философии. При этом сам по себе фокус B (схема 1) имеет свое ядро и свою периферию. В ядре находятся европейцы, поселившиеся (постоянно или временно) в России и сохраняющие органическую связь с герменевтическим кругом западной культуры.

В первую очередь, это либо русские цари и царицы, породнившиеся с европейскими домами, либо сами этнические иностранцы. Естественно, что они появлялись на российском престоле не в гордом одиночестве, а везли с собой из Европы целую армию родственников, любовников и любовниц, фрейлин, шутов, докторов и гигантский обслуживающий императорских особ персонал, автоматически попадавший на высший этаж власти. Все они были носителями западноевропейского начала, что сказывалось и в том случае, если сами они были православными или принимали православие в России. В XVIII-XIX веках от русского православия осталась лишь форма, а содержание было в корне извращено различными западно-христианскими влияниями (католиче-

скими, протестантскими, мистическими, масонскими и т.д.) как изнутри нообрядческого духовенства[1], так и со стороны светской знати.

Иностранцами были заложены основы российской академической науки – в первую очередь, в рамках петровской Академии Наук, чей проект был полностью реализован при Екатерине I. Среди них выделяется целая плеяда ученых-иностранцев: медики Л.Л.Блюментрост, И.Д.Шумахер, историки Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, физики Д. и Н. Бернулли, У.Т.Эпинус, математик Л. Эйлер, естествоиспытатель И.Г. Гмелин, академический функционер И.А.Тауберг, филолог Г.З.Байер, рисовальщик и искусствовед Я.Штелин и т.д. К этому следует добавить и иностранцев, завербовавшихся на русскую службу в поисках чинов и наград. Все вместе они и создавали содержание полюса В (схема 1), являясь истинными носителями модерна, хотя бы и периферийного, колониально-«конквистадорского».

Вокруг этого ядра в виде концентрических малых эллипсов группируется собственно русская среда тех, кто захвачен процессом европеизации и модернизации. Это представители русского боярства и особенно дворянства, стремящиеся по чисто практическим соображениям стяжать благосклонность их Императорских величеств и готовые ради этого жертвовать старыми традициями и устоями. Это и новая плеяда собственно русских ученых (подчас по происхождению разночинцев – таких, как М.В.Ломоносов, – но быстро поднимающихся в элиту), которые перенимают у иностранцев отдельные аспекты их мышления, образуя основу российского интеллектуального класса. То есть вокруг полюса В (схема 1) мало-помалу складываются концентрические фигуры, русского общества, в первую очередь, аристократического.

При этом, чем дальше они удаляются от собственно иностранного ядра, тем больше в них стирается строгость структуры зарадноевропейского мышления, размываемая притягивающими влияниями второго фокуса (А) (схема 1), который представляет собой полюс архаики. Размывание западноевропейского ядра особенно заметно в русских разночинцах второй половины XIX века, близких к народным массам, хотя и не только в них, как показывает случай русских консерваторов начала того же века – А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, М. Л. Магницкого, Ф. В. Ростопчина, А. С. Стурдзы, С. С. Уварова, и славянофилов – А. С. Хо-

[1] Показательны петровских времен фигуры таких видных деятелей Русской Православной Церкви, как Феофан Прокопович (1681 — 1736) и Стефан Яворский (1658 — 1722), оба малоросса. Яростно полемизируя между собой, эти два церковных иерарха по сути перенесли на русскую почву европейские споры между протестантами и католиками: Прокопович защищал протестантские позиции, а Яворский – католико-иезуитские.

мякова, И. В. Киреевского, братьев К. С. и И. С. Аксаковых, или А. С. Пушкина, заинтересовавшегося народной культурой «сверху», с позиции аристократии.

Складывающиеся вокруг полюса В (схема 1) круги, постепенно расширяясь, меняют форму, превращаясь в эллипсы по мере того, как русское Начало, фокус А, оказывает на них все большее влияние. Рассмотрим теперь подробнее сам этот фокус.

Фокус архаики

Фокус А (схема 1) отмечает архаическое начало в герменевтическом эллипсе. Оно-то и может рассматриваться как потенциальный центр того гипотетического герменевтического круга (не эллипса!), который можно было бы назвать «русской философией», возможности которой посвящена данная работа. Мы наметили этот круг пунктиром (схема 1), чтобы подчеркнуть его гипотетический характер. Как такового его нет. Но может ли он быть, мы и попытаемся выяснить в ходе нашего исследования с опорой на философию Мартина Хайдеггера. Пока же нам важно, что в реальной структуре русского общества этот фокус находится в подчиненном положении и сооответствует широким массам, народу, тому, что можно назвать архаическим началом русского общества. С учетом этого иерархического соподчинения следует расположить герменевтический эллипс русского археомодерна вертикально.

Финальный герменевтический эллипс складывается из расширения процесса модернизации и европеизации, постепенно включающего в себя все более широкие слои русских людей. Полюс А (схема 2) – фокус архаики – представляет собой своего рода «посторонний аттрактор», влияние которого видоизменяет общую структуру социума и его логоса и искажает его пропорции, имитирующие (по замыслу модернизаторов) герменевтический круг западноевропейской культуры, науки и философии. Особенно отчетливо это можно наблюдать в XIX веке по мере распространения проекта «народного Просвещения», когда под влияние западнического по своим основным параметрам образования попадают большие сегменты простого русского народа.

Археомодерн в социологической структуре русского общества[1]

Археомодерн и псевдоморфоз

«Псевдоморфоз» – этот термин ввел Освальд Шпенглер в книге «Закат Европы»[2], где этот заимствованный из минералогии образ означает вмешательство в естественный процесс кристаллизации минералов некоторых спонтанных и внешних по отношению к этому процессу явлений, в частности, извержения вулкана. Кварцевая и гранитная структуры горной породы складываются постепенно, в течение очень долгого времени, но если неожиданно происходит извержение вулкана, логика кристаллообразования нарушается. Экстраординарные внешние факторы заставляют кристалл развиваться иначе, чем обычно, и там, где должны были бы образовываться прямые связи, возникают искривления, искажения и деформация. Это и есть псевдоморфоз. Свободное развитие кристаллической решетки приводит к образованию кристалла. Псевдоморфоз случается в тот момент, когда естественное развитие кристалла нарушается внешним воздействием, замедляющим или искажающим этот процесс.

Псевдоморфоз как явление по аналогии с областью минералогии применяется Шпенглером и к обществу. Соответственно, он означает ситуацию, когда естественное развитие общества нарушается внезапным вторжением чужеродных элементов, искажающих его внутреннюю структуру, процессы становления, развития и естественных циклов.

Псевдоморфоз Шпенглера является прямым синонимом того, что мы называем «археомодерном». Любопытно, что Шпенглер в «Закате Европы», приводя пример социального псевдоморфоза, говорил именно о петровской России. Наверное, можно было бы ограничиться понятием «псевдоморфоз», которое, кстати, в переводе с греческого означает «ложная форма» («μορφη» – «форма», «ψευδος» – «ложный»). Но, с другой стороны, это понятие чисто отрицательное и не позволяет концептуально схватить рассматриваемое явление. Изучая явление псевдоморфоза в социуме, мы предполагаем логически последовательное развитие

[1] Раздел из книги Дугин А. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2011.
[2] Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

модели общества, но видим в какой-то момент, что из-за вмешательства постороннего фактора происходит сбой параметров, искривление траектории, нарушение развертывания циклов и т.д. При этом нам не известно, что и как произошло, мы просто фиксируем факт искажения социальных систем и прекращения их нормального функционирования.

Археомодерн описывает тот же процесс, тот же сбой, но в его глубинном измерении, с повышенным вниманием и к «архаической» составляющей, и к «модернистической». Археомодерн – это форма такой социальной дроби, в «числителе» которой стоит модерн, а в «знаменателе» архаика.

$$\frac{\textbf{Модерн}}{\textbf{Архаика}}$$

Схема Археомодерн

Телеология западноевропейской истории основана на важнейшем подразумевании того, что модерн вырастает прямо и непосредственно из логики всей истории Запада, то есть из западного премодерна. Он естественным образом вытекает из структуры западного общества и выражает собой те тенденции, которые составляли ранее сущность западной культуры. Путь к модерну шел через преодоление и изживание собственной европейской архаики, и между модерном и архаикой существовали строго антагонистические отношения. Модерн утверждался за счет архаики, по мере победы над ней, по ходу ее упразднения. В этом был смысл Запада: модерн утверждался вместо архаики, вытесняя и разрушая ее парадигмы, уничтожая ее. Рождение модерна можно уподобить рождению бабочки из кокона: чтобы бабочка родилась, гусеница (премодерн) должна умереть. Если гусеница не умрет, бабочка не родится.

В полноценном модерне нет места архаике.

Западное общество Нового времени в своем нормативном состоянии не является обществом археомодерна – это социологическая и историческая аксиома.

Сложности в понимании археомодерна

Итак, смысл западного общества состоит в том, что его модернизация проистекает из него самого, из его логики, из его внутренней структуры, и модерн, а также техника являются его судьбой.

А что же такое тогда археомодерн или псевдоморфоз?

Мы показали, чем является модерн для западного общества. Археомодерн как нечто качественно отличное может быть определен как общество, чьей судьбой модерн не является, но при этом в это общество внедряется, в нем присутствует, не изменяя и не упраздняя его архаические основания. В археомодерне модернизация не вытекает из логики становления самого общества, из его начал (αρχη), из его циклических закономерностей. Эта модернизация оказывается навязанной извне.

В том, как толкуют логику западноевропейской истории сами люди Запада, главным является утверждение о последовательности исторических периодов. Эта последовательность осмысляется телеологически как кульминация всего исторического процесса – как развитие основных, заложенных в истоках западного общества (Греция и Рим) предпосылок. Но другие общества развивались по своему пути, основывались на иных предпосылках и имеют совершенно иную периодизацию. Когда на эти иные основания, не ведущие напрямую и естественным образом к модернизации, накладывается влияние Запада, происходит явление псевдоморфоза.

Вся сложность в понимании археомодерна состоит в том, что западная цивилизация является чрезвычайно агрессивной в культурном, идеологическом, интеллектуальном и технологическом планах и излучает уверенность в том, что судьба Запада является судьбой для всего человечества, что другого исторического пути, кроме как пути к модерну, нет и не может быть, а все остальные (незападные) общества лишь застряли где-то на предыдущих этапах истории. Это излучение европейского универсализма настолько сильно и наше общество настолько давно находится под его влиянием, что нам трудно представить себе, что могло бы быть как-то иначе. Пока мы не отвлечемся от этого гипноза, мы не сможем всерьез приступить к изучению «русского общества» и его социологии. Ведь если судьба Запада универсальна и ее предстоит повторить всем остальным народам земли, то существует только одно общество – западное, и есть только одна социология – западная, а любые отклонения от Запада есть не нечто самостоятельное и самобытное, но лишь отставание, промедление, упрямство и варварство.

Чтобы понять феномен археомодерна, необходимо осознать, что претензия Запада на универсализм является волюнтаристским утверждением, опровергаемым научными наблюдениями за структурами незападных обществ, необоснованной претензией, пытающейся возвести фактор силового и технологического

превосходства (что неоспоримо) в статус историко-философского, морального и цивилизационного норматива.

Запад и его цивилизация во многих отношениях оказывается сильнее и эффективнее других. Но сила и эффективность далеко не во всех культурах являются высшими ценностями. Тут можно вспомнить высказывание святого благоверного князя Александра Невского: “Братья! Не в силе Бог, а в правде!” Запад стремится придать логике своего социального развития статус «всеобщей правды», но аргументирует это фактической силой и техническим могуществом. То, что другие цивилизации не делают культа из материального могущества и технического развития, то есть не идут в своей естественной логике развития в сторону модерна, вовсе не обязательно интерпретировать, как «отставание» и «регресс», как «нецивилизованность» и «объективное несовершенство». Это может быть и в большинстве случаев является вопросом сознательного выбора.

У незападных обществ иная судьба, иные ценности, иные ориентиры, иное время, иные цели. Все они согласуется с их собственной архаикой, с их началами, вытекает из этих начал и далее развивается по заложенным в этих началах принципиальным сценариям. Разные общества порождают разные ценности и движутся по исторической траектории не только с разной скоростью, но и подчас в разных направлениях. Но эту научную, основанную на множестве феноменологических констатаций и очевидностей истину признать сегодня чрезвычайно трудно в силу господства западноевропейского универсализма, представляющего собой форму настоящего «культурного расизма».

Поэтому, чтобы понять археомодерн, надо признать, что у разных начал (архаических структур) могут быть разные траектории исторического становления. В таком случае мы можем говорить не о стадиях развития общества (подразумевая под этим лишь западное общество) и не о единой для всех социологии, но о разных стадиях развития разных обществ, о наличии разных социологий, описывающих структуры этих обществ, исходя из критериев, присущих самим этим обществам и вытекающим из их собственных начал.

«Русская социология», или «социология русского общества», возможна только на основании допущения множественности цивилизаций, плюрализма человеческих культур, внутренней качественной многополярности мира. И только с этой позиции можно понять археомодерн как насильственное и неорганичное наложение на общество с одной глубинной структурой результатов развития совсем другого общества с другой структурой, как попытку навязать народу судьбу,

не являющуюся его собственной судьбой, не вытекающую из его оснований, не выражающую его историческую волю и не учитывающую его ценностные ориентации.

Герменевтический круг как метод

Здесь мы попадаем в замкнутый круг. Чтобы понять археомодерн, надо признать многообразие обществ и их относительное равенство, а в нашем случае – «социологию русского общества». Но вместе с тем, чтобы выстроить полноценную социологию русского общества, необходимо осмыслить корректно явление археомодерна, поскольку именно оно и определяет в последние столетия актуальное состояние нашего русского общества. Это является главной трудностью нашего курса. Чтобы пробиться к социологии русского общества, нам необходимо разблокировать археомодерн, но чтобы его разблокировать, необходимо оперировать с инструментарием структурной социологии. В принципе, в этом ничего непреодолимого нет. Здесь наиболее удобным будет метод герменевтического круга. Герменевтический круг, рассмотренный в философии Шлейермахера[1] и Дильтея[2], предполагает исследование любого объекта при постоянном перемещении внимания от того, что этот объект представляет сам по себе, к тому, частью чего он является. При этом вначале и часть, и целое выступают как нечто неопределенное, приобретая более строгие очертания по мере герменевтического кругового движения постигающего ума.

Социология русского общества является тем целым, которое должно объяснить нам структуру археомодерна и тем самым подвергнуть его размыкающему анализу. Но наличие археомодерна не позволяет схватить это целое как оно есть, постоянно уводя от главного. Поэтому нам остается постоянно сопоставлять одно не до конца проясненное явление с другим, тоже не до конца проясненным. На этом пути мы постепенно придем к искомой цели.

Колониальный археомодерн

Археомодернистическими обществами являются общества, в которых структуры модерна (философские, культурные, социальные, политические, экономические,

[1] *Schleiermacher F.* Philosophische Sittenlehre. Berlin: Kirchmann, 1870.
[2] *Дильтей В.* Собрание сочинений. Герменевтика и теория литературы. Т. IV. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

технологические), являются навязанными извне и не вытекают напрямую из фундаментальных ценностных оснований самих этих обществ.

Существует две принципиально различные версии археомодерна – колониальная и оборонная.

Колониальная версия археомодернистских обществ складывалась через историю колонизации державами Европы неевропейских обществ. История Американского континента, подавляющего большинства стран Азии и Африки имеет более или менее долгие периоды европейской колонизации. Колониальная эпоха Европы совпадает с Новым временем и является социальной тенденцией общества модерна. Это обстоятельство часто упускается из виду. Колониальная политика – это отнюдь не дань Средневековью и традиционному обществу. Конечно, Средневековье знало и Крестовые походы, и захваты соседних стран, и освоение новых территорий, населенных неевропейскими народами. Но все эти процессы не имели глобального характера: почти повсюду европейцы сталкивались с сопоставимыми по техническому оснащению силами и территориальные завоевания проходили с переменным успехом; равно как и в других частях света.

Все изменилось, начиная с XVI века, с эпохи великих географических открытий и начала технического переоснащения европейских держав. По сути, это было первым аккордом Нового времени. Европа вступила в зону модернизации и не преминула тут же продемонстрировать всем остальным народам ее преимущества. Этой демонстрацией стал захват территорий, на которых издавна жили люди, где существовали разнообразные общества и культуры, где в течение тысячи лет процветали религии, искусства, складывались философские и этические системы, развивались обряды и обычаи. Все это было приравнено Европой к «варварству» и «пустому месту», к «белым пятнам на глобусе», которые следовало «включить в состав цивилизованного мира» – то есть завоевать, покорить и начать нещадно эксплуатировать.

Жертвой европейского колониализма становились как древние цивилизации – Китай, Индия, Персия – так и архаические общества Азии, Африки и Латинской Америки. Все они были приравнены к «дикарям» и на этом основании присоединены к европейским метрополиям – Лондону, Амстердаму, Мадриду, Лиссабону, Парижу. Из колоний европейцы вычерпывали все интересующие их ресурсы, не особенно заботясь о судьбе местного населения. Лишь обслуживающий персонал и «коллаборационисты» местного происхож-

дения включались на тех или иных основаниях в программу «модернизации», получали начатки европейского образования, осваивали европейские технологии.

В тот же период мы сталкиваемся с феноменом рабства на расовой основе. Христианство, распространившееся в Европе с начала I тысячелетия, постепенно привело к отказу от рабства, против которого оно не возражало напрямую, но которое не слишком сочеталось с христианской этикой. Каким бы тяжелым ни было положение европейских сервов в Средневековье, они имели определенные права. И вот, после тысячелетия без рабства Европа именно в Новое время, на заре модернизации обращается к этой социальной практике. При этом рабство оправдывается мнимой «дикостью» и «неразвитостью» автохтонных народов Африки и их цветом кожи. Рабство эпохи модерна привело к вывозу в Америку миллионов людей, насильно оторванных от своей земли, культуры, семей, от своих обществ. В Древности рабами становились воины побежденного племени или народа. Расчетливое Новое время поставило этот процесс на рациональную основу, и живой товар стал добываться по иному принципу: охота за живым товаром стала прекрасно организованным масштабным производством.

Так складывались колонии, в которых постепенно развивался археомодерн. Носителями модерна становились представители колониальной администрации, «белые», сами европейцы, а также частично примыкавшие к ним аборигены, усваивавшие манеры «белого человека», его стиль и социальные установки. Большинство же населения оставалось верным архаическим устоям, традициям и обычаям, то есть продолжали жить в условиях предшествующих культур. Ни колонизаторы, ни порабощенные массы не ставили перед собой цели согласовать между собой обе эти социологические парадигмы, и именно эта рассогласованность, асимметрия, какофония порождали псевдоморфоз (археомодерн).

Типы колониальных обществ

Среди колониальных обществ археомодерна можно выделить, в свою очередь, три разновидности:

- древние развитые цивилизации, оказавшиеся под властью европейцев (Китай, Индия);
- архаические общества аграрного и охотничьего профиля, которые подчас разрезались формально установленными колониальными границами в составе но-

вообразованных колониальных территориальных единиц (колониальные страны Тихоокеанской зоны, Африки);

- смешанные общества, возникавшие искусственно на слабо населенных территориях, местное население которых уничтожалось и подавлялось, а новые поселенцы (включая импортированных рабов) создавали новые социальные модели (США, Канада, все страны Центральной и Южной Америк, Австралия).

Археомодерн в этих трех случаях был разного толка. В первом случае древние и высокодифференцированные общества сохраняли свои структуры неизменными, лишь поверхностно адаптируясь к культуре завоевателей. Во втором архаические племена часто дробились, исчезали совсем и лишь фрагментарно втягивались в процессы европеизации. В третьем возникали новые общества, в которых расовая стратификация дублировалась социальной иерархией. В Южной и Центральной Америке местное население – индейцы – составило средний промежуточный пласт между белыми и африканскими рабами, а в Северной Америке было уничтожено почти полностью, а остатки согнаны в резервации.

Во всех случаях мы имеем дело с колониальной версией археомодерна, которая сохранилась и в процессе деколонизации, когда остатки колониальной элиты смешались с местными европеизированными слоями.

Единственным исключением в истории колониальных держав являются США и Канада, где за счет почти поголовного истребления индейцев и сознательной практики расселения чернокожих рабов в отрыве от их этнических сообществ, общество модерна создавалось европейцами с нуля, с чистого листа, в лабораторных условиях. Именно по этой причине Северная Америка представляет собой авангард современного западного общества и является высшим моментом его исторического выражения.

Оборонный археомодерн

Другую версию археомодерна мы имеем в том случае, когда традиционные незападные (неевропейские) общества поверхностно и на уровне правящих элит перенимали определенные моменты общества западного не через фактическую колонизацию, а добровольно, в целях защиты от реальной или потенциальной агрессии со стороны стремительно модернизирующегося Запада. Можно назвать эту модернизацию «оборонной», а общества археомодерна, получившиеся в результате этих процессов, «оборонным археомодерном».

Окончательная версия этих процессов в целом по структуре совпадала с колониальным археомодерном, с одним только отличием – общества оборонного археомодерна сохраняли суверенитет и независимость по отношению к Западу, что, собственно, здесь и было целью. Все остальное – кроме свободы – было классическим псевдоморфозом: рассогласование европеизированной культуры элит и архаической культуры масс, отчуждение от собственных исторических начал, появление «колониального» класса, искажение и блокировка процессов естественного развития, прерывание органических циклов. С социологической точки зрения результат был вполне сопоставим с колонизацией.

Русский археомодерн как продукт оборонной модернизации

В XVIII-XIX веках такими обществами оборонного археомодерна были Османская и Российская Империи. Причем Российская Империя и ее элиты были более европеизированы, чем турки, хотя нельзя преуменьшать и усилия в этом направлении османских султанов последних двух веков существования Порты.

Благодаря этим уточнениям мы получили важный вывод. Русский археомодерн есть продукт оборонной модернизации. Эта модернизация была нам навязана не через прямую колонизацию, а через угрозу колонизации, как единственное средство избежать этой колонизации. Причем если учесть данные нашей истории XVIII –XX веков, политические элиты, запускавшие процессы модернизации, неизменно добивались поставленной цели, и суверенитет России как державы сохранялся перед лицом довольно агрессивных европейских держав (здесь можно вспомнить и походы Наполеона, и Крымскую войну, и Первую мировую и Великую Отечественную войны, и конфликты с азиатскими державами, в которые Россия вступала не без влияния Европы).

Русский археомодерн представляет собой особую разновидность археомодерна. Русские европеизированные элиты, например, не полностью отказываются от Православия, но трансформируют его в западнохристианском духе. В эпоху Петра это воплощалось в фигурах двух крупных церковных деятелей – Феофана Прокоповича, тяготевшего к протестантизму, и Стефана Яворского, находившегося под влиянием иезуитов-католиков.

Петр привлекает к себе новую аристократию, обновляет сословие дворян на меритократической основе, поднимает престиж третьего сословия (купцов и ремесленников), но сохраняет абсолютистскую власть самодержавия.

Екатерина II зачитывается европейскими просветителями, но проводит при

этом достаточно реакционную политику, делит Польшу, укрепляет Российскую державу.

Коммунисты начинают как проповедники прогресса, мирового братства и интернационализма, но заканчивают созданием гигантской евразийской державы, противопоставленной Западу, сохранившей, несмотря ни на что, определенные черты традиционного общества под советской оболочкой.

И все же археомодерн является фундаментальной чертой русского общества и российского общества в последние века, и поэтому мы должны снова и снова вдумываться в сущность этого явления.

Двусмысленность

Теперь мы можем рассмотреть еще несколько отличий общества модерна от общества археомодерна.

Общество археомодерна не усердствует в переводе архаики в модерн, оно делает что-то в этом отношении, но всегда обратимым образом. В западноевропейском обществе мы, напротив, видим четкий и жесткий вектор избавления от собственной архаики. Модерн глушит собственную архаику, он ее изматывает, избывает, преодолевает, по-гегелевски «снимает». В западноевропейском обществе архаическое начало снято, преодолено, его нет. А в обществе археомодерна оно, конечно, есть. Но не на поверхности, а под поверхностью. Оно есть за фасадом.

Если западноевропейское общество честно (даже в своих колониальных претензиях на универсализм), то археомодернистическое общество всегда лукаво, оно всегда лжет. Если переход от архаики к модерну – это своеобразная истина (западного общества), то существование общества археомодерна покоится на лжи. Основа лжи – это двусмысленность. Это утверждение, что нечто есть там, где его нет, а там, где ничего нет, нечто есть.

В этом состоит сама структура археомодерна. Когда модерн и архаика существуют не в порядке последовательности, по модели дизъюнкции – «или то – или другое», но по модели конъюнкции «и то, и другое одновременно», то каждый социальный момент в обществе археомодерна двоится, приобретает возможность двойственного (двусмысленного) истолкования.

Например, власть. В обществе археомодерна она всегда может быть интерпретирована двояко. На уровне модерна (фасад) – это корпоративная, классовая или сословная модель, выборная или династическая, но всегда строго определенная рациональными параметрами правовая конструкция. А с архаической точки

зрения та же самая власть будет интерпретироваться по модели «метафоры отца». Власть в архаическом контексте – это продолжение семейной модели, основанной на полном всемогуществе отца по отношению к остальным членам семьи (патернализм), но вместе с тем на отношениях любви и взаимоподдержки. В основе семьи лежит не право, но обычай, любовь, справедливость, правда.

При ближайшем рассмотрении власть в археомодернистическом обществе, формально организованная как демократический парламент, может оказаться на деле чем-то совсем иным – авторитаризмом, тоталитаризмом, феодализмом и т.д. Здесь могут быть такие феномены, как парламент при полном отсутствии демократии — например, парламент без партий или партии без парламента.

В конце XIX века в русском археомодернистском обществе были политические партии, но не было парламента. В 1905 году была созвана Первая Государственная Дума. При этом женщины, студенты, люди моложе 25 лет, некоторые этнические меньшинства вообще были лишены избирательного права, а один голос землевладельца приравнивался к трем голосам горожан, пятнадцати голосам крестьян и сорока пяти голосам рабочих. При этом, когда избрали не тех, кто устраивал бы царя, Николай Второй выборы отменил и правила выборов поменял: набрали новых депутатов, с которыми власти было легче справиться.

В 1993 году Президент России Борис Ельцин – в духе «кровавого воскресенья» – расстрелял демократический парламент, оперативно провел новую Конституцию и собрал новую Думу, существенно ограниченную в правах.

Все эти несоответствия формальной стороны дела реальному содержанию политических, культурных и социальных процессов архаика не замечает.

В наше время также существует парламент, но практически нет полноценных партий (не считая КПРФ). И снова наше археомодернистское общество на это большого внимания не обращает: с точки зрения модерна фасад есть, то есть демократическая система есть, а демократии нет. В рамках модерна существует строгая логика: либо демократия есть, либо ее нет, либо А, либо не А. Демократия и есть грань, где кончается одно и начинается другое.

В обществе археомодерна А и не А сосуществуют. В нем критерии размыты, перепутаны, все находится не там, где должно было бы находиться в соответствии с формальной логикой, с нормативами модерна.

Но археомодерн подрывает не только модерн, но и саму архаику. Архаическая основа имеет свою структуру; демократия – по крайней мере, современная западная либеральная демократия – к этой структуре не относится, но существуют иные

властные и политические архетипы, органически связанные с корневыми установками «русского общества». Однако и эти установки археомодерном блокированы, подделаны и превращены в нечто неопределенное. Нет ясности не только в отношении модерна и его моделей, но и в отношении архаики и содержащихся в ней смыслов и ценностей.

Археомодерн как ложь о самом себе

Общество археомодерна лжет о самом себе. Поскольку оно построено на лжи и выступает как ложь, оно скрывает то, что оно есть археомодерн. Этого термина никогда ранее не существовало, так он сообщает истину о лжи и называет ложь «ложью». Но свойство лжи – лгать. Соответственно, общество археомодерна никогда откровенно не признает, что оно есть археомодерн.

Оно, например, возразит:

«У нас демократия и мы продолжаем демократизироваться. Где вы нашли архаику? Наше общество построено рационально, у нас избранный президент, у нас соблюдаются сроки полномочий власти, у нас есть свобода партий, свобода прессы, свобода собраний – у нас все есть. Мы – модерн, а если у нас чего-то и нет, это связано с тем, что мы немножко отстали и догоняем Запад. Ведь Россия — европейская страна, и у нас общая с Европой, Западом судьба».

Так говорит общество археомодерна по поводу себя самого и тем самым лжет. Никакого реального содержания в европейском смысле в такой демократии нет.

Но лгут и сторонники архаической интерпретации современной России. Они заявляют:

«Мы сохраняем идентичность нашего народа. Суверенитет прочен как никогда. «Православие, Самодержавие, Народность» были и остаются нашими лозунгами под разными формами. Наш Президент – тот же царь, и служа ему лично, мы служим Помазаннику Божьему. Современные чиновники – это аристократия, новое дворянство». И в этом тоже ложь, так как все это не ценности, но подделки, в которые никто не верит и которые технически служат механизмом контроля за обществом.

Лжет модерн, говоря, что он модерн. Лжет и архаика, утверждая, что она – архаика.

Люди в нашей стране поменяли в XX веке три типа взаимоисключающих идеологий. Сначала все были православными христианами, монархистами, ходили в церковно-приходские школы. Затем довольно быстро отреклись от этого, повзры-

вали церкви, поверили в Маркса и в Дарвина, и те же самые люди самым ревностным образом начали исповедовать марксизм-ленинизм. С перестройкой они мгновенно превратились в новых демократов, а когда и демократическое опьянение закончилось с приходом Путина, они на глазах превращаются в русских православных патриотов, вступают в дворянские собрания, посещают храмы и покупают родословные.

Как такое возможно? Это абсолютно невозможно в обществе, где модернизация является судьбой. И это совершенно естественно и нормально в обществе археомодерна. Обратите внимание – нормально. Потому что это общество основано на лжи, где ложь является главным и фундаментальным содержанием всего процесса.

При этом понятие «лжи» мы используем не в смысле морального осуждения системы, а в смысле законов логики. Когда говорится, что могут одновременно существовать и А и не А, и А является не А, это ложь с точки зрения классической логики. Это утверждение называется ложным утверждением. Именно в этом смысле все утверждения археомодерна являются ложными, потому что они не исключают друг друга, в них не работает ни закон тождества, ни принцип отрицания, ни закон исключенного третьего. С законом достаточного основания еще хуже – сколько дать достаточно, а сколько маловато, решается по ходу дела и вполне субъективно.

В археомодерне модерн не добивает архаику

Мы видели, что судьбой Запада стал радикальный переход от архаики к модерну. Он произошел последовательно, по линии дизъюнкции – «или – или». Либо архаика, либо модерн. И это есть истина модерна. Когда западноевропейский человек обнаруживает в своем мире архаику, он говорит: «Вот, мы наткнулись на недобитый фрагмент архаического, это явление, этот комплекс, эта установка представляют собой пережиток и предрассудок».

Сейчас, например, в Австралии стоит вопрос об отказе австралийского социума от подчинения английской королеве. Это подчинение вообще ничего не значит ни для австралийцев, ни для англичан. Это пережиток архаики. И рано или поздно Австралия объявит себя Республикой, независимой от английской королевы, от которой она по факту и так совершенно не зависима уже сегодня. Но остаточные, безобидные и полностью утратившие энергию элементы архаики, оставленные по инерции, четко фиксируются, осмысляются и сохраняются лишь для того, чтобы было, что преодолевать.

В обществе археомодерна архаика не преодолевается, но наоборот нещадно эксплуатируется. Все процессы модернизации, по сути дела, направлены на то, чтобы заблокировать архаический настрой и оставить его там, где он есть, в сфере бессознательного; чтобы не выпустить архаическую структуру, не дать ей возможности выпростаться в нечто самостоятельное. Но вместе с тем для совершения определенных рывков эта же архаическая энергия изредка мобилизуется и прагматически используется политической властью для решения отдельных технических задач, а после такой мобилизации с трудом надолго загоняется вновь в глубокий погреб.

В обществе археомодерна модернистское начало тоже всерьез борется с архаикой, но так, чтобы никогда не победить ее. То ли оно этого не может сделать, то ли не хочет – это открытый вопрос. По крайней мере, борясь с архаикой, археомодерн никогда не добивает ее до конца. А в какой-то момент, когда, казалось бы, его победа близка, модерн, вдруг ослабевает и переходит на сторону архаики, начинается новый цикл и все заново. Модерн атакует архаику, не дает ей возможности подняться, но никогда ее не добивает.

В археомодерне архаика не восстает на модерн

Теперь посмотрим на археомодерн со стороны архаики. Стратегия архаического начала в отношении модерна заключается в том, что архаика не бросает ему прямого вызова, но переплетается с ним, и даже создает видимость, что верно ему служит. Это служение очень сомнительно, так как покорность и податливость требованиям модерна сопровождается полным и нарочитым игнорированием его внутренней логики, отзывами внимания, интереса и доверию к самой системе социальных, культурных и политических установок, которые модерн стремится внедрить. В этом, кстати, заключается столь присущая русскому обществу ирония.

Если модерн находится в оппозиции архаике, не уничтожая ее полностью, то архаика выступает в данном случае не как противоположный полюс по отношению к модерну, а как странная модель его эвфемизации. Модерн делает вид, что воюет с архаикой. В настоящем модерне так оно и есть, а в археомодерне – это всего лишь имитация. Но и архаика имитирует полную покорность и податливость, но на самом деле это мнимая покорность и мнимая податливость: стрелы модерна внутрь архаики не проникают, отскакивая от ее полного, но ироничного в своей сути соглашательства.

Архаика – например, в религиозных ризах предреволюционного Православия после захвата власти большевиками – говорит:

«Ничего страшного, теперь будет коммунизм, наверное, так и нужно. Теперь без Бога будем жить. Видимо, Богу так угодно. Будем без царя жить, видимо, Сталину так угодно. Будем сами все решать, видимо компартии так угодно. Мы теперь сознательные, и знаем, что жизнь появилась из бактерий и вначале была обезьяна, а не Адам и Евва – раз процессорам так угодно».

Всему говорится только «да!», ничему не говорится «нет!» Но что это означает на практике? Что все всем безразлично, что главное не в этом, и что архаика просто отмахивается от любых однозначных решений, отказывается отзываться по-настоящему на слова и утверждения, ускользает от любой определенности.

Наверное, в этом есть какой-то высший смысл.

Однажды в 90-е годы я оказался на вилле одного авторитетного русского бизнесмена. Он построил себе настоящий европейский средневековый замок, с рыцарскими доспехами по стенам, с парком «Мерседесов», с охраной в черных очках. Но тут же во дворе за крепостными стенами и рвами сидели его родственники: бабушки в ситцевых платьях семечки лузгали, веснушчатые дети ползали прямо среди двора, разве что не на балалайке играли. Настоящий археомодернистический замок. Даже крупный бизнес наш выдержан в археомодернистическом стиле – деньги, присвоенные в ходе приватизации, чтобы ездить в Европу и на Багамы, сочетаются с вполне семейными, старыми русскими традициями.

Само словосочетание «новые русские» несет в себе определенную иронию. Это и есть синоним археомодерна – «новые русские». Вероятно, сам термин воспринят нашим обществом именно потому, что «новое» означает нечто нерусское, западное, европейское, а в сочетании с «русским» это приобретает комический эффект.

В целом же, архаика в археомодерне занимает по отношению к модерну очень сложную позицию. В отличие от исламского фундаментализма, который бросает вызов модерну, архаика в археомодерне избирает иную тактику – она пропитывает его, проникает в него, прорастает сквозь модерн, как трава сквозь асфальт и в определенном смысле поддерживает модерн, хотя и превращает его содержание в абсурд и бессмысленность.

Как можно оценить археомодерн с социологической точки зрения? Распознавая археомодерн как археомодерн, то есть распознавая это общество как общество лжи, мы утверждаем социологическую истину. Мы не просто осуждаем это обще-

ство, мы утверждаем истину и, соответственно, создаем научный потенциал для того, чтобы корректно изучать явления, протекающие в таком обществе.

Мы не говорим ему «нет». Мы не ограничиваемся утверждением различий общества археомодерна и общества модерна. Мы не осуждаем, но стараемся понять. И распознав общество археомодерна как общество археомодерна, мы тем самым осуществляем важнейшую социологическую операцию – проникаем вглубь социальной структуры, которая всем своим существованием призвана скрывать саму себя, дезинформируя наблюдателей относительно своей собственной природы.

Само археомодернистическое общество никогда себя археомодернистическим обществом не признает, потому что это означает истину. Но это первое прегрешение против основного закона, который управляет этим обществом – закона лжи. Описав это общество как археомодернистическое, мы приоткрываем ему глаза на самого себя. И в тот момент, когда общество признает себя археомодернистическим, оно перестанет связывать свою собственную «квазисудьбу» с дальнейшей ложью. Как только мы сможем привнести в общество археомодерна осознание того, что речь идет об археомодерне и, покажем структурно, как работают и как устроены механизмы археомодерна, мы разрушим его чары, поставив перед обществом впервые не кривое зеркало.

Некривое зеркало – это недопустимая вещь в топике археомодерна, и оно может помочь наметить практический путь по ее трансформации. Но для того, чтобы это зеркало было не кривым, а прямым и полноценным, недостаточно назвать археомодерн «археомодерном», а наше общество признать археомодернистическим. Это только подготовительная работа, первый штрих, методологический набросок. Для того, чтобы создать настоящее зеркало, то есть корректно описать структуру российского общества как общества археомодернистического, необходимо детально изучить все его аспекты. Не просто назвать, а именно изучить и показать, в каких случаях, что и как действует, как устроены его структуры, какова его природа, как соотносятся между собой оба уровня социальной дроби и дроби человеческой.

Эмиграция не всегда выход

Возможно ли в нашем нынешнем обществе ультрарадикальное западничество, действительная интеграция в западноевропейский контекст?

Практически нет.

Когда люди начинают становиться на этот путь, они иногда бегут от археомодерна на Запад. Но самое парадоксальное состоит в том, что при этом они снова – причем еще глубже – впадают в тот же археомодерн. Они полагают, что на Западе «уютнее жить», что там разнообразнее продукты питания, развлечения, больше возможностей, ярче неоновые лампочки по ночам, больше внимания к индивидууму, меньше вмешательства государства в его частную жизнь – то есть они бегут по довольно свинским соображениям, ища место, где проще, удобнее, уютнее, спокойнее. Не по убежденности, не из-за Гераклита, не из-за Фомы Аквинского они туда уезжают, как, в общем-то, мог бы уехать Чаадаев и уехал поэт-русофоб Печерин. А бегут в теплое место, то есть по тем же самым животным, простейшим, архаическим мотивациям, от которых они якобы бегут. Они бегут туда, но несут в самих себе археомодерн, архаику в полном объеме.

Так Россию не модернизируешь. Сбежишь и все, толку никакого не будет.

И потом, смотрите, сколько у нас диссидентов вернулось. Они сбежали отсюда на Запад – писатели Юрий Мамлеев, Эдуард Лимонов, философы Александр Зиновьев, Татьяна Горичева, художник Владимир Котляров. Они поехали за комфортом, по-простому, совершенно по-русски, и поняли, что в тяжелейшей машине западноевропейского духа от Гераклита до Хайдеггера им вообще не оставлено никакого места, просто ничего. (Кем был, например, Лимонов на Западе? – Гастарбайтер, лимитчик из Харькова, архаик). Естественно, их всех оттуда через определенное время вынесло, и они вернулись, к своим, где все понятнее.

Бесконечно малое меньшинство и отступничество реформаторов

Есть еще вариант: приступить к новому витку модернизации самой России, стать в ней проводником Запада. Наши реформаторы 90-х годов XX века претендовали на такую миссию. В какой-то момент, казалось, что бывшие комсомольцы, действительно, в одночасье поменяли веру и превратились в истовых ревнителей модерна, фанатиков западноевропейской судьбы. Но скоро обнаружилось, что таковых среди них подавляющее меньшинство, а большинство – простые жулики. Они приватизировали все, что плохо (и не так уж и плохо) лежало, и, довольные, успокоились в своем архаизме, не испытывая никаких угрызений совести и будучи озабоченными только одним – сохранением краденого и уходом от исторической ответственности перед лицом ограбленного народа и разоренного государства.

Настоящих убежденных западников среди них толком и не оказалось. Их

по пальцам можно перечесть. В основном же, это пройдохи и проходимцы, которые спокойно принимают археомодерн таким, как он есть, и просто хотят принадлежать к «элите», существующей под вывеской «модерна», а не к нижней страте, у которой на лбу запечатлено – «архаика».

Тип убежденных русских западников составляет, наверное, один процент даже среди элиты. Получается, что социальной тенденции для того, чтобы разрушить археомодернистический тупик сверху, со стороны модерна, в нашем обществе и нашей истории мы почти не находим. Может быть, Валерия Новодворская? Почему-то в России наиболее рациональные вещи говорит женщина, выглядящая так, как будто она только что сбежала из психиатрической клиники.

Основной тезис Новодворской сводится к тому, что, для того чтобы в России утвердить по-настоящему западноевропейский логос, необходимо полностью уничтожить местный архаический мифос (возможно, вместе с массой местного населения). Мифу надо дать бой. И при этом и миф, и модерн должны оказаться на одном и том же уровне, быть внятно и четко противопоставлены друг другу.

Представим себе картину: с одной стороны западники (не археомодернистические, а настоящие – их наберется человек сто во всей России) под предводительством бесстрашной Новодворской, а с другой – все остальное население. Но даже если большинство просто повернется к западникам спиной и начнет плясать или копошиться, они, эти архаические миллионы, массой своей раздавят западников и даже этого не заметят, потому что столкнутся несопоставимые величины – гигантские толпы архаиков при микроскопическом количестве настоящих модернистов.

Зато археомодернистов у нас достаточно – тех, которые, когда надо, делают вид, что они модернисты, а когда не надо – что они архаики. Когда надо, они готовы сделать любой вид, какой потребуется.

Поэтому общество в целом и пребывает в состоянии замкнутого устойчивого археомодерна. И поток археомодернистской лжи становится, если угодно, суррогатом нашей социальной судьбы. И если на западноевропейском полюсе судьбой является переход от архаики к модерну, то эквивалентом этой судьбы в археомодерне является ложь – как главный двигатель псевдоморфического застоя.

Теоретически можно преодолеть археомодерн по пути радикального западничества. Но на практике для этого нужна либо фанатичная идеология (как у большевиков), либо тираническая воля диктатора, не останавливающаяся ни перед какими издержками (как у Петра). Если такие факторы или аналогичные им по

силе и волевому потенциалу отсутствуют, то о преодолении археомодерна через интеграцию в модерн, то есть через модернизацию, можно забыть.

Преодоление археомодерна через архаику

Есть не менее трудный способ размыкания археомодерна – через сосредоточение внимания на архаике. По сути, это означает встать на путь изучения «русского общества» как трансисторической структуры. Если бы нам удалось достоверно обосновать социологию русского общества, мы бы обрели тем самым важнейший концептуальный теоретический и практический инструмент для такого преодоления археомодерна.

Здесь главная задача состоит в переводе русской архаики в русский логос, в выращивании собственного логоса на основании собственной архаики. Это значит осмыслить русскую судьбу, отталкиваясь от знаменателя социологической дроби. Ведь было же что-то в западноевропейской судьбе, что она столь мощно двинулась к модерну, сделав модерн своим «телосом», и это «что-то» содержалось уже в европейской архаике.

Корни происхождения западноевропейского рационализма исследует Мартин Хайдеггер. Он утверждает, что западный рационализм в своем стремлении преодолеть все иррациональное забыл об изучении своих предрациональных корней. И именно эти корни Хайдеггер исследует у досократиков. Связь с Началом европейской культуры ясно ощущали Гегель и Ницше. У Хайдеггера это становится центром его творчества. В самой западноевропейской архаике следует распознать телеологическую ориентацию стрелы исторического времени, истоки судьбы западноевропейского бытия. Эта судьба возникла не в модерне; в модерне она состоялась. И для того, чтобы она привела к модерну, что-то влекущее ее «к» (латив – как падеж направления к чему-то в лингвистике) должно было присутствовать в самом начале, в движении «от» (элатив – как падеж направления от чего-то в лингвистике).

Здесь нам как исследователям русского общества потребуется сделать сложный фундаментальный жест: окунуться, нырнуть в стихию архаического, погрузиться в его самые глубокие пласты и понять, не лежит ли в нашей автономной русской архаике начало той судьбы, которая повлечет нас к какой-то пока еще не ясной цели, к русскому «телосу»? Может быть, и не лежит. Может быть, на самом деле никакого исторического пути, кроме как сохранения, самосохранения уклоняющейся от любой истории, недоуменной конструкции археомодерна у нас и нет.

Мы этого не знаем. Дело в том, что, как ни странно это может показаться, такой социологической, философской, политологической, культурологической задачи никогда раньше не ставилось.

Вернее, она ставилась, но никогда в тех строгих и внятных формах, как того требовала серьезность и масштабность проблемы.

Вопросительный археомодерн

Почему мы говорим об этой проблеме сегодня? Потому что исторический момент чрезвычайно благоприятствует постановке вопроса об археомодерне. С одной стороны, археомодерн сегодня процветает. Россия XXI века – это, безусловно, археомодерн. В то же время эта констатация сегодня не наталкивается изначально на ту или иную форму тоталитарной или авторитарной идеологии, готовой резко прервать любое вопрошание и отделаться от назревающего вопроса скоропалительными и невразумительными ответами, подкрепленными репрессивными мерами или угрозами.

Конечно, либерализм и западничество по инерции 1990-х годов навязываются нам усиленно и настырно, но власть при этом сама не уверена в том, что во всем поступает правильно и что в этом же направлении следует продолжать двигаться и в дальнейшем. Сегодня в России сложился несколько вопросительный археомодерн, не уверенный сам в себе и своей состоятельности. Он не готов еще быть поставлен под вопрос и стремится внушить населению, что «все идет по продуманному плану», но, совершенно очевидно, что сам в этот «план» не верит. У археомодерна не может быть плана, может быть только путаница или карта лабиринта, не имеющего выхода.

Однако и двигаться в сторону радикального западничества дальше и проводить полноценную модернизацию политические элиты явно не готовы. Поэтому для спокойного и взвешенного анализа проблемы археомодерна сложно представить более благоприятную ситуацию. Конечно, позиции сторонников русского Начала после стольких веков давления и гонений сегодня плачевны и слабы – особенно с интеллектуальной точки зрения. Но, учитывая важность затрагиваемой темы, можно рассчитывать, что духовные ресурсы в народе отыщутся.

Западническая модернизация неприемлема. Археомодерн не уверен в том, что у него есть достаточные основания для существования. Остается только посмотреть в ту сторону, в которую последние триста лет политические и научные

элиты старались не смотреть, а если и смотрели, то мельком и с отвращением – в сторону русского народа в его корневых архаических установках.

Может быть, область русского мифа и темна, но только оттуда может появиться русский логос. Перспектива разрешения археомодерна – выход в русский логос, прорыв в русскую истину, вступление в русскую судьбу. Этот проект пока остается открытым и неопределенным, поскольку здесь нет ничего полностью готового, что мы могли бы взять как план и надежную карту. Все приходится делать заново, собирать по крупицам и выстраивать замысловатую мозаику, чтобы получить доступ к глубинам бытия нашего общества, к его структуре.

Свет простых людей

Поиск русского логоса означает предложение нашему современному российскому обществу построить свою социально-политическую модель, свое самосознание, свою культуру, свои цивилизационные параметры в согласии с собственной архаической структурой. Сегодня, впрочем, она находится отнюдь не в лучшем виде. Последние века она живет в конфронтации с археомодерном и, конечно, понесла серьезные потери, обезображена и хаотизирована.

Когда мы спускаемся сейчас в глубины русского народа, мы видим, с одной стороны, свет простых людей. Стоит отъехать от Москвы километров на сто, и вы увидите, что в людях появляется свет. Выходит продавщица из-за прилавка. У нее свет в глазах, она живет русской жизнью. Это определяется безошибочно, надо просто немного обратить внимание на лица людей и выражение их глаз.

Но одновременно этот свет сопряжен с фундаментальным, глубинным и серьезным всеобщим мраком. Потому что архаика, скрывая свой свет, обросла таким слоем защитной тьмы, что до света не так просто докопаться.

Нигилизм археомодерна

Проблематика русского логоса не тождественна проблематике русского модерна.

Почему нельзя поставить на место русского логоса (всегда предполагаемого, всегда стоящего под вопросом) условное понятие русского модерна? Потому, что вполне возможно, что в архаических пластах русского народа «телос» и судьба будут сформулированы иначе. Может быть, мы укрывались так долго от модернизации, так глубоко входили в общество лжи для того, чтобы передать через эту ложь очень тонкую и выстраданную истину о том, что модерн – это не наша судьба.

Когда мы начинаем пристально изучать археомодерн, распознанный как то, что он есть, а не то, чем хочет казаться, тем больше сам он – сквозь свою нелепость, болезненность, лживость, паталогичность, идиотизм и двусмысленность – сообщает нам знания о своей природе, о своем устройстве, а, следовательно, и о подлинном смысле и о содержании «числителя» и «знаменателя». «Числитель» нас не очень интересует, это вопрос западноевропейской культуры и философии, а вот «знаменатель» интересует чрезвычайно. Исследуя археомодерн корректными методами, мы можем все яснее выявлять параметры «русской структуры», которая оказывается ответственной за многие парадоксы, сбои и выверты археомодерна, за его неадекватность, гротеск и ироничность.

В археомодерне, через археомодерн, сквозь него русское общество упорно и последовательно саботирует западноевропейскую судьбу, осмеивая или превращая в пародию и безобразие любые процессы модернизации. Не потому, что мы ее не понимаем, а потому, что мы ее не принимаем. А если ее нам навязывают жестко, то «русская структура» отвечает нигилизмом – прямым или завуалированным.

Археомодерн – это именно нигилизм, поскольку его двусмысленность, разрушающая стройность и цельность европейских понятий, теорий, технологий, институций, перетолковывающая любое утверждение в духе абсурдистских «коанов», где мирно наличествуют два и более взаимоисключающих утверждений, приводит нечто к ничто, обнуляет смыслы, отменяет рассудок и порядок, ниспровергает вертикаль и дает волю тотальной горизонтали. Когда есть двойная идентичность, то нет никакой идентичности.

Поэтому можно сказать, что философская основа археомодерна – это нигилизм. Неслучайно это латинское слово вошло в обиход в конце XIX века после тургеневского Базарова из «Отцов и детей»[1]. На Тургенева, на русских вообще при использовании термина «нигилизм» ссылаются подхватившие его западноевропейские социологи и политологи. В первую очередь, это, конечно, Ницше, который положил тезис о нигилизме западноевропейской цивилизации в основу своей философии. Ницше также ставил под вопрос и сам европейский модерн, но не так, как это могло быть сделано в рамках археомодерна.

Русский логос дает о себе знать

Но обратимся вновь к архаике. Если внимательно всмотреться в общество лжи, в

[1] *Тургенев И. С.* Отцы и дети. М.: Наука, 2008.

общество археомодерна, то при определенной концентрации внимания на его структуре, можно в нем увидеть или, по крайней мере, заподозрить нечто конструктивное и созидательное. Нигилистический саботаж западной судьбы в таком случае представляется сознательно и рационально принятым решением. Вполне можно допустить, что отвержение западной судьбы связано с убежденностью, что эта судьба является «неправильной», «не той», не нашей, не русской судьбой. И здесь явно слышен голос собственно русской архаики, которая, вступая в диалог с породившей модерн западной архаикой, понимает, что и результат этой судьбы, и путь, и начало движения к этой судьбе с эпохи досократиков и первых греческих философов уже содержали в себе нечто радикально неприемлемое или не соответствующее глубинным структурам этой архаики[1]. И в таком случае археомодерн как явление, признанное нами взвешенно, созидательно, без приукрашиваний и моральных оценок, окажется той конструктивной социологической и философской моделью, которая будет содержать в себе основу для выявления русского логоса.

Надо взвесить следующие моменты.

Решимость западноевропейской архаической структуры следовать по пути к модерну есть не случайность, но фундаментальное движение самого бытия (как это трактует Хайдеггер), резонанс самых абсолютных инстанций, которые только можно себе представить. Природа западноевропейского логоса, таким образом, укоренена в бытии и соотносится с ним.

Русский археомодерн отказывается от солидарности с этим западноевропейским путем, отказывается от модерна как телоса истории, от самой этой истории. В конце концов, он отказывается и от самого этого логоса.

Пока за отказ, воплощенный в археомодерне, ответственна русская структура или русская архаика, мы видим в этом проявление чистого нигилизма. Этот нигилизм, однако, оправдывает археомодерн как форму отказа от логоса.

Но! Русская архаика отказывается именно от логоса, то есть вступает с ним – именно с ним – в определенные отношения (пусть и чисто отрицательные). Но отношения с логосом не могут быть внелогичными. Если мы допустим, что русской архаикой (русской структурой) движет не просто чистое отрицание, а отрицание именно западноевропейского логоса, то мы сможем схватить то, что является смыслом такого отрицания, то есть приблизиться к русскому логосу как таковому.

Пройдем этот виток герменевтического круга еще раз.

[1] Подробно об этом см. *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер. Возможность русской философии. М.: Академический проект, 2011.

На первый взгляд может показаться, что археомодерн – это результат непонимания архаичным русским обществом содержания и ориентации западного модерна.

Глядя чуть глубже, мы опознаем в этом непонимании нежелание понимать.

Еще глубже: за нежеланием понимать мы видим волю к отрицанию западного логоса.

И, наконец, за этой волей к отрицанию начинает проглядывать собственный русский логос, который, оказывается, скрывается за всем этим сложнейшим нагромождением сбивающих с толку, парадоксальных философских и социологических пластов.

Пережить Запад

Может быть, на протяжении последних нескольких столетий мы, русские, просто ждали, пока туча пройдет стороной, пока западноевропейская цивилизация благополучно закончится. А этот конец явно близок, так как состояние, к которому эта цивилизация сейчас приходит – где воцаряется модерн и уже делается первый шаг за его пределы, к постмодерну и к тотальному на сей раз европейскому нигилизму – иначе как бездной, кошмаром и адом не назовешь. Может быть, просто мы, русские, «валяли дурака» все это время. Наше общество постоянно лгало, прикидывалось не тем, чем является, чтобы адский поезд пронесся мимо нас и отправился в «ничто»?

Вот здесь-то мы и должны, по идее, вылезти из нашего укрытия. Но если мы вылезаем из укрытия, мы обязаны что-то предъявить. Не просто факт нашего наличия и радость от того, что нам повезло и мы оказались не полностью захвачены нигилизмом. Мы должны предъявить серьезные основания, почему мы просидели две с половиной тысячи лет в тайной яме, пока европейцы методично шли путями своего логоса? Что мы там делали и для чего? Какой смысл в том, что мы спаслись?

Хорошо, Запад погиб, и он действительно гибнет, но он действовал осознанно, продуманно, героически в этой драме цивилизационного самоубийства, в этом пути к «Закату Европы».

Достоевский в «Бесах» карикатурно изображал Тургенева в виде персонажа, который говорил, что если западноевропейская цивилизация рухнет, то шума будет как при падении Вавилонской башни – вся земля задрожит. А если Россия рухнет,

это ничего, говорит, все само собой рассосется, как в болоте[1]. Рассосется, а потом и назад поднимется.

И, действительно, он прав. Мы вроде бы не раз уничтожались, а как ни в чем не бывало, наличествуем. Мы даже толком до сих пор не поняли, что произошло в 1917-ом и в 1991-ом. Чувствуем себя почти нормально, «хорошо сидим».

И вот вылезем мы в тот момент, когда на Западе все закончится… Если, правда, Запад нас с собой не унесет, что тоже нельзя исключить, потому что модерн в какой-то степени есть и у нас: договора есть, торговые соглашения о взаимных поставках и прочее есть, а модерн ко всему этому относится очень серьезно. Это у нас договор почти ничего не значит: все, что угодно можно подписать, но все в конечном итоге решается на «стрелке», по факту и по понятиям. Можно любой контракт заключить, стороны он ни к чему не обязывает. Но в случае Запада мы имеем дело с людьми, для которых написанное слово, печать, долги, обязательства («вы должны нам столько-то тонн», а у нас, может быть, и нет этих тонн или мы давно продали эти тонны китайцам), имеют значение. И поэтому вопрос: пронесет или не пронесет нас, если Запад уничтожится раньше, чем мы вылезем из нашего укрытия – остается открытым.

Но даже если нам удастся пережить Запад, осмысленным наше историческое существование станет только в том случае, если мы сможем предъявить русский логос, если мы сможем исследовать архаическую составляющую нашего археомодерна, продолжив то, что начали славянофилы, религиозные философы, поэты «Серебряного века», евразийцы – все, кто пытался рассмотреть социологическую проблематику модерна с точки зрения русской архаики.

Археомодерн в его чистоте и наглядности

Сейчас самое время для такой постановки вопроса, потому что коммунистическая идеология исчезла, и наше общество представляет собой чистый археомодерн, который говорит о себе полную нелепицу. И раз ничего умного о себе наше общество сказать не может, оно шутит. Феномен засилья юмористов – особенно несмешных – это способ говорить все, что попало, без всякой ответственности. До какого-то момента Жириновский брал на себя в Думе функцию «потока сознания», а сейчас

[1] *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. Т. 7. С. 348.

уже целая армия юмористов несет полную ахинею на всех каналах и постепенно подменяет ею политическое самосознание народа.

Наше российское общество сегодня – это археомодерн, открытый более чем когда бы то ни было. И поэтому это шанс.

Раньше обычно мы говорили: «Мы – «православные», мы – «русские», мы – «монархисты», мы – «коммунисты», мы – «демократы». А сейчас мы говорим: «Мы – вообще не пойми что», «мы – «чистое недоразумение». И у нас все двоится: то ли один президент, то ли два. Все распадается на пустые смысловые блоки, которые взаимозаменяемы. Сейчас мы не знаем даже толком, кто нами правит – то ли тот, то ли этот, то ли оба вместе. То ли тот, но делает вид, что этот. То ли этот, но делает вид, что тот. То ли вообще никто. То ли кто-то третий и откуда-то оттуда…

Правит идея неясности. Как у пьяных, начинает в глазах двоиться. Это пьяное время – тоже социологическое явление археомодерна, когда нет фиксации, и вещь расплывается до полного слияния с другой вещью, которая должна, казалось бы, находиться от нее на приличном расстоянии. Смещение всех дистанций и всех пропорций – это наша сегодняшняя «идеология».

Когда спрашиваешь, есть ли у нас идеология, все говорят, что есть. Но какая – все затрудняются ответить. Можно сказать, что нет. Оба ответа абсолютно правильные. И, в общем, никто не осудит ни за тот, ни за другой ответ, разве что люди при ответе будут слишком агрессивно размахивать руками, утверждая или доказывая одно или другое.

Сегодня мы должны признать, что археомодерн, в каком-то смысле, вошел в свой фокус. Сегодняшнее русское общество – это неприкрытый археомодерн. Последнее, что у него осталось – это то, что он привычно лжет о своей лжи, но делает это все менее и менее успешно.

Конечно, он не хочет называться «археомодерном», потому что, если его так назвать, это будет истина. Но с другой стороны, огромный плюс состоит в том, что он не называет себя никак иначе. Наше общество не называет себя вообще никак и, таким образом оно обнаруживается как археомодерн и, по сути дела, само приоткрывает плотную завесу лжи о самом себе, позволяя сказать о нем правду. Как только мы говорим об обществе правду, мы снимаем ложь о лжи и видим просто ложь, ложь одного порядка. Дальше нам остается сделать только один шаг – и мы прикоснемся к истине.

Коррекция постмодерна. Конец Запада

Мы уже отмечали, что модерн является «телосом» западноевропейской судьбы, причем, этот «телос» достигнут, и сейчас история Запада переходит в следующую фазу – в фазу постистории. История на Западе закончилась, полностью свершилась и завершилась – весь путь пройден. Что дальше? На это у Запада нет ответа, просто констатация: постистория, конец истории, рециклирование истории. Постмодерн – вот следующий этап.

Но в условиях постмодерна поддерживать контроль над архаикой совсем непросто, потому что постмодерн – это расслабленность, дезориентированность, утрата энергии, распыление дискурса, конец больших нарративов. Постмодерн – это Квентин Тарантино, но именем Квентина Тарантино едва ли можно полноценно править миром, всей совокупностью многообразных и сложных обществ, погруженных – по сравнению с Западом – в глубокую архаику.

Если бы наши прозападные либеральные элиты внимательнее присмотрелись к тому, в каком сегодня состоянии находится Запад, я думаю, они бы ужаснулись, поскольку им тут же стало бы ясно, что Запад далее своим модерном их подпитывать не будет. Запад с модерном закончил и поставил точку в этом периоде.

Концептуальный аппарат для разработки социологии русского общества

Хайдеггер говорил, что Запад в XX веке «укладывается ко сну» и вот-вот зажмурит глаза, и возможно, мы вообще больше его не увидим. Останется одно гигантское пустое место. Но это тоже автоматически не обеспечивает нам позитивного сценария.

И тем не менее ситуация крайне благоприятная для того, чтобы изучать русскую социологию, культуру российского общества, нашу цивилизацию и идентичность свободно и без иллюзий. Самое время выработать и применить для их исследования соответствующий концептуальный аппарат. Может быть, на нас не будут уже действовать славянофильские мифы о «братстве всех славян» или тютчевские фантазии о взятии Константинополя. Может быть, после обретения знаний о философии языка, структурализме, феноменологии, экзистенциализме мы критически отнесемся к построениям русской религиозной философии. Может быть, мы найдем наивными надежды плеяды русских поэтов «Серебряного века». Может быть, мы существенно подкорректируем взгляды евразийцев

1920-х – 30-х годов и разовьем их геополитические и этносоциологические воззрения.

В то же время сегодня у нас в руках огромный инструментарий критического переосмысления модерна в XX веке, который может быть использован в нашем анализе. Этого инструментария не было ни у евразийцев, ни у славянофилов, ни у представителей возрождения русской религиозной философии, ни у поэтов «Серебряного века». А эти вещи подчас чрезвычайно полезны. Но то, что было сделано для нас целыми поколениями русских людей, мыслителей, художников, творцов, найдет достойное место в будущем русском логосе.

Итак, российское общество сегодня представляет собой археомодерн в чистом виде. Ситуация такова, что исследования археомодерна в лоб, напрямую сейчас не только возможны, но и, пожалуй, являются единственным способом получить достоверные социологические и философские знания о нашем обществе, о нашем историческом моменте.

Изучение русской архаики и русского археомодерна с перспективой выхода на русский логос требует от нас определенного инструментария. Он будет, разумеется, коррелироваться с западноевропейским социологическим инструментарием, но в контексте понимания различий западной судьбы и нашей судьбы (судьбы под вопросом) мы будем по ходу дела вырабатывать новые подходы, вводить новые понятия и категории, изобретать соответствующие трудному предмету исследования конструкции.

Надо всегда помнить, что в археомодерне мы имеем дело с ускользающим объектом исследования: ты хочешь закрыть окно, а оно, наоборот, открывается; хочешь ввести данные в компьютер, а у тебя пропадает даже то, что там было; находишь нечто надежное и твердое, но оно тут же распадается в прах; сталкиваешься с бесплотной химерой, а она оказывается из гранита.

Для того, чтобы корректно описать археомодерн, для того, чтобы погрузиться в структуру архаики как наиболее значимого, наиболее содержательного компонента археомодерна, необходимо адаптировать авангардный социологический аппарат, анализировавший проблематику современного западноевропейского общества к исследованию русского общества с использованием широких новаторских технологий, вырабатываемых по ходу самого исследования.

Партизанские отряды русской архаики

Заметим, что для выстраивания социологии русского общества русская архаика

или русское бессознательное, русские сновидения содержательнее, важнее и шире, чем русские политические институты. Русские политические институты – это карикатурная калька западноевропейских политических институтов. Исследуя их, мы можем видеть, насколько они уродливы, и что все они функционируют не так, как на Западе. Но это критическая сторона вопроса, она мало что дает. Нам же надо понять, почему происходят фундаментальные изменения содержания демократии при переходе от Запада к российскому обществу? Что на это влияет? Нам надо не просто объявить, что нечто не работает, но объяснить, почему не работает. Вот этот вопрос заставляет нас обратиться к содержательной структуре архаики, которая является не просто помехой, но сознательным, организованным, последовательным, партизанским, низовым сопротивлением русской души по отношению к попыткам включить ее в западноевропейскую судьбу. И это партизанское движение имеет свою структуру, свою логику, свои штабы, свои цели и задачи, свои каналы получения информации и свои методы саботажа.

С чего мы начинали рассмотрение археомодерна? Вначале мы его «разоблачили», показали, какое это безобразие. Теперь мы видим его с другой стороны. Мы видим, что археомодерн – это результат тайной, подпольной деятельности архаического начала, которое методически и последовательно саботирует включение российского социума в западноевропейскую судьбу. Значит, это нечто иное, чем просто помехи или просто болото. Это невидимое, но последовательное, упорное, волевое и определенным образом структурированное сопротивление. Наша задача – понять это сопротивление, осмыслить его и эти партизанские отряды постепенно перевести в статус регулярных армий. Регулярных русских армий. То есть нам надо выпустить архаику наверх – вместе с тем, что она имеет сказать о нашей судьбе – и придать ей статус социальной реальности, а не просто недоразумения.

Сейчас архаика подает о себе сигналы через недоразумения, открывается, обнаруживает себя через помехи и сбой. Если мы проберемся на уровень глубже, мы увидим, что этот сбой имеет свою логику и свою системность. Это архаический русский (ир)рационализм, и он существует, есть, и он как раз и должен быть с помощью разнообразных социологических методов выведен на поверхность для того, чтобы в конце концов мы получили представление о русском логосе. Это задача максимум, задача поколения – поставить вопрос о русском логосе и, соответственно, о русском социуме.

Что такое русский социум? Когда обычно мы используем выражение «русское общество», мы имеем в виду подвид общества как такового. А что такое «общество

как таковое»? Это западноевропейское общество, осмысленное как универсальное самим Западом и навязанное в качестве такового всем остальным. Но в эту универсальность верят только люди Запада: ведь археомодернистические модели обществ, как мы показали на примере русского археомодерна, не видят в этом своей судьбы, и лишь имитируют эту универсальность, точнее, признание этой универсальности. Поэтому о русском обществе (если оно не является западноевропейским) можно для начала сказать, что его как такового и нет, а на его месте есть археомодернистическое нечто, что, теоретически, может стать русским обществом, то есть открыться как русская структура с ее внутренними законами. Но может и не открыться, продолжая пребывать в таком же пассивно саботирующем западноевропейскую судьбу состоянии.

Изучая российское общество, можем ли мы говорить о том, что мы имеем дело с некой цельной социальной системой, законы которой можно изучать? Нет, конечно. Изучать корректно мы можем археомодерн. А русский социум или русское общество мы можем, если угодно, предсказывать, прогностически описывать или даже конституировать – а в конечном итоге создавать, планировать, прогнозировать и как бы извлекать из возможного, из «будущего». Русское общество как объект принадлежит возможному русскому будущему – но только в том случае, если состоится явление из недр русской архаики русского логоса.

Поэтому несколько странно и звучит название нашего исследования – «Социология русского общества». Мы изучаем объект, которого еще нет, который только может быть, который, вероятно, будет, но это в какой-то степени зависит от тех социологов новой волны, кто будет корректно изучать археомодерн и извлекать из своего анализа верные, обоснованные и по-настоящему научные выводы.

Археомодерн и русское «коллективное бессознательное»[1]

1. *Методологические замечания: топика Юнга*

Юнг и «Оно»

Карлу Густаву Юнгу принадлежит честь открытия «коллективного бессознательного». Он обнаружил эту инстанцию, осмысляя фундаментальность инстанции «подсознания», которое было, в свою очередь, открыто его учителем, основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом.

Фрейд в ходе своих психологических и психиатрических исследований пришел к революционным выводам: человеческая психика определяется не слоями сознания, где доминируют рациональные представления, но именно подсознанием, темной, скрытой инстанцией, где пребывают иррациональные силы. Эти иррациональные силы настолько могущественны, что часто полностью подчинают себе человеческий рассудок, что проявляется в психических заболеваниях. Но и у здоровых людей можно различить действия этих сил, с которыми сознание, втайне от самого себя, ведет нескончаемый диалог.

Фрейд назвал эту инстанцию «Оно» (на немецком Es, на латыни Id). «Оно» действует в человеке снизу, из глубин внутренней тьмы. Над этой тьмой подвешено индивидуальное «я», которое основано на принципах логической рациональности и часто конфликтует с «Оно». Над «я» располагается сфера «сверх-я», то есть социальных нормативных представлений общества о том, как должна быть организована рациональность (по Э.Дюркгейму, это «коллективное сознание»).

По Фрейду, «Оно» (Es, Id) состоит из двух фундаментальных начал – Эрос и Танатос, влечения и смерти. Влечение, желание, либидо Фрейд считает принципом активности, движения, жизни. Танатос – влечение к смерти, неподвижности, покою, есть прямо противопложный импульс. Игра этих двух начал предопределяет диалектику бессознательного, и влияет в дальнейшем на структуры сознания и рассудка. Чем слабее «я» и «рассудок», тем очевиднее проступает эта диалектика подсознания.

[1] Лекция из серии «Археомодерн», почитанная 11 мая 2008 года.

Юнг видоизменил модель Фрейда. Введя вместо подсознания, которое Фрейд рассматривал как индивидулаьную инстанцию, «коллективное бессознательное», он постулировал наличие трансперсональной реальности, в которой сосредоточены архетипы, чья номенклатура существенно превышает дихотомию Эрос/Танатос у Фрейда.

Юнг описывает слои сознания. Самым глубоким является «коллективное бессознательное», далее идет «индивидуальное подсознание», далее несколько энопсихических слоев (инвазии, аффекты, субъективные компоненты функций и память), а над ними «эго», обращенное вовне в форме «персоны».

В структуре «эго» Юнг выделяет 4 главных свойства: разум, интуицию, чувства и ощущения. Они составляют крест сознательного «я», который сопряжен с более глубокими пластами психики – вплоть до «коллективного бессознательного». Таким образом, «Оно» у Юнга приобретает более объемное, глубокое и трансперсональное измерение.

Колебания Юнга относительно границ коллективного бессознательного (национально ли оно или универсально)

В разные периоды Юнг по-разному интерпретировал масштаб и формат «коллективного бессознательного». С одной стороны, следуя за германским антропологом А.Бастианом, считавшим, что у всех людей есть одинаковый набор «элементарных мыслей» (Elementargedanken), Юнг настаивал на единстве «коллективного бессознательного» у всех народов. Чтобы проверить эту гипотезу, он изучал в США сновидения негров, интерпретируя их в духе подтверждения своих универсалистских гипотез. Вместе с тем многие замечания и тексты Юнга, особенно написанные им в 30-е годы, поволяют предположить, что он отдавал себе отчет в том, что у разных этносов «коллективное бессознательное» устроено различным образом. Так, известны его оценки «немецкого коллективного бессознательного», одержимого фигурой Вотана и сконцентрированно выраженного, по Юнгу, в фигуре Адольфа Гитлера. Различные комментарии Юнг делал относительно «коллективного бессознательного» и других этносов.

Можно предположить, что в «коллективном бессознательном», в свою очередь, есть слои. Самый глубинный пласт действительно является универсальным и восходит к единству человеческого архетипа. Но над ним надстроены более поверхностные «этажи», структура которых может различаться у разных этносов, обществ и культур.

Содержание коллективного бессознательного: архетипы

Коллективное бессознательное по Юнгу состоит из архетипов, «великих снов». Они присущи человеческой душе, как инстинкты присущи животному. Они передаются как своего рода психический код.

Чаще всего они проявляются во сне, особенно в глубоком сне. Но при определенных обстотельствах с ними можно столкнуться и в иных обстоятельствах.

Содержание мифов, легенд, религий, культуры, поэзии, видений, психических заболеваний повествует о географии и топологии коллективного бессознательного, обнаруживает его архетипы.

Архетипы находятся между собой в диалектических отношениях, сходятся, расходятся, переплетаются, оппонируют. Насыщенность коллективного бессознательного различными архетипами составляет богатое поле символов и мифов.

Психология глубин и традиционализм

Отношение традиционалистов к Юнгу было однозначно негативным. Они считали, что приписывание символов, мифов и архетипов к области «бессознательного» принижает их духовную природу, которая, согласно традиционалистам, является не под-сознательной, но сверх-сознательной.

С точки зрения философов-традиционалистов, архетипы - это духовные сущности, относящиеся к сверх-психической сфере. А в «коллективном бессознательном» пребывают лишь психические отражения, «психические останки», residui. Особое возмущение вызывал у них юнгианский концепт «нуминозности» (заимствованный Юнгом у Р.Отто). «Нуминозность» для традиционалистов есть свойство сверх-человеческого начала. Поместив «бога» и «божественность» в сферу имманетную человеческой психике, Юнг, по их мнению, совершает акт «сатанизма» и упраздняет трансцендентное измерение.

Если внимательно присмотреться к Юнгу, то мы увидим, что эта критика все же представляет собой натяжку. Развивая линию Р.Отто, Юнг уточняет, что он говорит не о «Боге», но об опыте Божественного, который по определению (как и любой опыт) является имманентным человеку. Такая поправка снимает остроту критики.

Интерес к «коллективному бессознательному» рождается из тематизации археомодерна

По мере развертывания темы археомодерна возникла потребность четче описать знаменатель «человеческой дроби», поэтому-то мы и говорим сегодня о Юнге.

Археомодерн представляет собой герменевтическую формулу, где в числителе керигма, а в знаменателе – структура.

Структура может быть описана в юнгианской терминологии. Структура и есть «коллективное бессознательное», «Оно» (Es, Id).

Здесь можно предложить особый взгляд на проблему «идентичности». Темин «идентичность» образован от латинского identitas, а оно, в свою очередь, от «id» – «то», «то же самое». «Идентичность» – «тождество». Наличие значения «то» почеркивает, что «идентифицируя» себя, человек указывает на «то» (на «другое», а не на «это»). Только в том случае, если есть другое, нечто может быть «идентифицировано» через операцию указания на это «другое». Это есть это только через указание на то. «Я», чтобы быть определенным и выраженным, должно отождествить себя чем-то «другим». Когда мы говорим «я русский», «я мужчина», «я профессор», мы отождествляем себя с русскостью, мужественностью, научным статусом, которые существуют вне нас и независимо от нас. Даже когда мы представляемся: «Я – Ваня», при всей индивидуальности мы ссылаемся на некое свойство, которое непременно присуще иным «я». Идентификация «я есть я» будет пустой с точки зрения смысла. Автореферентность исключает осмысленность.

С точки зрения психоаналитического понимания идентичности, это будет отождествление себя с «бессознательным», с Es, Id. Мы есть наша иррациональность как другое. И она определяет нас больше, чем наша рациональность.

Еще одно отождествление в цепочке синонимов структуры: в знаменателе можно расположить Dasein. Структура в дроби человеческой может быть определена как Dasein.

Но в цикле лекций о Хайдеггере (четвертая лекция) мы вывели тождество русского народа и дазайна2. Dasein тождественен не всякому народу, но точно русскому. Dasein у европейского человека расположен ближе к индивидууму. Можно предположить, что европейский Dasein есть дальняя (от «эго») граница личного бессознательного. Поэтому на Западе фрейдизм преобладает над юнгианством. Фрейдо-марксизм есть, а юнго-марксизма нет. Юнго-марксизм – это ближе к нам.

Selbst и другие

Еще одно важное замечание. У Юнга дана любопытная картина того, что мы называем субъектом. По Юнгу, следует различать личность (персону), «эго» (ich), индивидуацию, душу (проекцию бессознательного в обратной к анатомическому полу индивидуума фигуре anima/animus), тень (пограничную сферу хаотических импульсов, отбрасываемых и вытесняемых сознанием), субъекта как рационально-философскую гипотезу «эго» и самое главное – Selbst. Selbst – фундаментальная категория. Это soi, self. Отличие Soi от moi, «дживатмана» от «Атмана», высшего «я» от низшего – основа традиционалистской антропологии3.

По Юнгу, Selbst охватывает всю максимальную полноту того, что мы называем человеком – от коллективного бессознательного как основы до «эго» включая дубли, отклонения, тени, anima/animus и т.д.

Основной процесс, который протекает внутри Selbst – это индивидуация – переведение содержания коллективного бессознательного в сферу сознания и «эго». Индивидуация – это освоение, ассимиляция содержания коллективного бессознательного и его архетипов, сознательное столкновение с ним.

Жизнь человека – это ничто иное, как непрерывный процесс удачной (или чаще всего неудачной) индивидуации. Нормативности нет. У каждого индивидуация проходит по-разному, но чаще всего оканчивается провалом. Только великие пророки, святые, мистики, поэты, художники и мыслители способны по-настоящему придать коллективному бессознательному внятную и связную форму.

Selbst у Хайдеггера схож типологически с моделью Юнга, а также с топикой традиционаизма). У Хайдеггера речь идет о Selbst аутентичного Dasein'а, как о прямой противоположности das Mann'у, как «я» неаутентичного Dasein'а3. Хайдеггер трактует выражение Selbst аутентичного Dasein'а как «способность вот-бытия быть», что должно привести в плане экстатического будущего к Ereignis'у.3

У Юнга сходный процесс описан не онтологически, а психологически и называется индивидуацией.

Не пугайтесь – здесь нет пока еще никакого рационального либерального индивидуума. Индивидуация – это только процесс, причем открытый: индивидуация есть, а индивидуума нет.

Индивидуация как терапия

Вернемся к дроби человеческой. Индивидуация есть выведение числителя из знаменателя, то есть построение такого «эго», которое коренилось бы в коллективном

бессознательном, гармонично поднимаясь из него вверх к создаваемому им сами свету.

Но не это ли самое мы назвали главной задачей русского народа на пути к преодолению археомодерна? Не это ли мы определили как содержание Erignis'а и перспективу будущей Консервативной Революции? И случайно ли мы применительно к археомодерну заговорили о болезни и необходимости лечения?

«Умом Россию не понять». Это диагноз. Либо не тот ум, либо не та страна. Мы считаем, что не тот ум, что ум – больной, что проблема в «эго», а не в всполохах неутишимого коллективного бессознательного.

Поэтому мы ставим археомодерну диагноз: неадекватное функционирование сознания, не справляющегося с освоением архетипов, то есть сбой в процессе индивидуации.

И приступаем к лечению. Для этого нам и понадобился Юнг, всю жизнь имевший дело с клинической практикой наблюдения и лечения душевнобольных.

Основные виды сбоев индивидуации (диагностика заболеваний)

Психиатры разделяют все типы психических расстройств на две основные категории, имеющие множество оттенков и нюансов: это неврозы и психозы.

Для Фрейда «при неврозе Я, находясь в зависимости от реальности, подавляет часть Оно (часть влечений), в то время как то же самое Я при психозе частично отказывается в угоду Оно от реальности. Таким образом, для невроза решающим является перевес влияния реальности, для психоза же – перевес Оно.»

Юнг объясняет их этимологию и структуру так: невроз – это неспособность эго справиться с импульсами, идущими из бессознательного (личного и коллективного), но при развитом и сильном «эго». Можно сказать, что при неврозе «эго» ополчается на бессознательное и всячески ему противодействует, воюет с ним, отказывается с ним считаться. В крайних случаях из этого развивается паранойя, болезнь слишком автономизированного «эго». В смысле вектора репрессивности, атаки "эго" на бесознательное, паранойя и невроз схожи. «Я» устанавливает тотальную власть над «Оно», но тем самым, незаметно для себя, становится слепым инструментом в руках «Оно», которое теряется из виду и прорывается с обратной стороны, начиная действовать сквозь «я», обессивно делая вид, что его не существует. Самая удачная хитрость дьявола – заставить поверить, будто его не существует.

Психоз это тоже сбой в индивидуации, но имеющий иную структуру – не слиш-

ком сильное «эго» (как в нервозе и паранойе), но слишком слабое «эго». При психозе (шизофрении) бессознательное затопляет «эго», делает его беспомощным. Хаотическое (на первый взгляд) содержание под-эготического уровня начинает захлестывать человека. «Оно» становится намного важнее, чем «я». Человек в таком случае глупеет, становится неадекватным, бредит и опускается. Он встает на сторону бессознательного и солидаризуется с ним в разрушении «эго». Из этого развиваются различные типы шизофрений. Психозы более серьезное заболевание, так как лечить их приходится без опоры на «эго» пациента, которое и является объектом нападения бессознательного. Крайним выражением психозов и шизофрений является кататонический ступор, когда парализуется даже способность к физико-моторной деятельности, и человек не справляется с простейшими физическими движениями и жестами.

Невроз и психоз в археомодерне

Применяя пару невроз/психоз к археомодерну можно сказать: невроз – это типичное заболевание числителя, рассудка, керигмы, в политике элиты. А психоз – это патология знаменателя, то есть масс, народа, структуры.

Керигма (ум) в археомодерне имеет западное происхождение, и неслучайно Фрейд утверждает, что западный человек построил культуру, основанную на неврозе. «Эго» борется с бессознательным.

Ж.Делез и Ф.Гваттари в другом контексте определяют западную культуру как «параноидальную». Паранойя это эксцессивная и патологическая фиксация на «эго», жестоко третирующем бессознательное (Es). Западный человек – параноик.

Психоз (особенно все виды шизофрении) логически должен быть свойством незападных культур. В том числе и русской. Русские склонны к тому, чтобы становиться на сторону бессознательного в большинстве случаев, мы страдаем общенародной склонностью к шизофреническим расстройствам.

2. *Диагностика археомодерна*

Психоаналитическая интерпретация археомодерна

Учитывая все, что было сказано выше, становится понятно, как лечить археомодерн. Можно обобщить психиатрическую картину археомодерна как болезни.

Россией несколько веков к ряду управляет невротическая и иногда параноидальная прослойка (элита), ополчившаяся на коллективное бессознательное, подавляющая и насилующая его, но не способная с ним совладать окончательно. Это

не возможно даже теоретически, так как невроз, упорствуя в самом себе, не может излечиться – он только усугубляется. Паранойя еще более показательна: те режимы, которые пытались максимально искоренить русскость, приводили к тому, что ее влияние только возрастало. «Оно» по определению не поддается прямолинейной атаке.

Невротическая элита есть носительница «ума», который «не понимает Россию».

В знаменателе лежит психотическая масса шизоидного типа, управляемая бессознательным, но не способная подняться на уровень сознательного «эго». Процесс индивидуации у русских постоянно терпит крах. Массы при этом успешно саботируют любое рациональное начинание элиты, перетолковывая это на свой архетипический сновиденческий лад.

Идеология Петра резко отличалась от идеологии Московского периода. Но массы и Петра перетолковывали как «священного властелина», подобно тому светскую вольтерианку Екатерину II буддисты восприняли как «белую Тару». В XIX веке массы почти все общество «перетолковали назад», в архаическом ключе, как будто не было продвинутого XVIII века. В XX веке в архаическом ключе перетолковали коммунизм. Теперь на свой русско-шизофренический лад перетолковывают либеральную демократию.

Разлад элит и масс, конфликт двух диагнозов (паранойя и шизофрения), их перманентная системная оппозиция внутри одной и той же социополитической и социокультурной формй и создают археомодерн.

В такой ситуации конфликта несовместимых диагнозов разертывается русская история последних веков: болен числитель, но болен и знаменатель, и больны они по-разному.

Дробь человеческая на Западе. Невротическое целое

А как чувствует себя «дробь человеческая» на Западе? Там разрыв между элитами и массами меньше. Массы в целом солидарны с невротическим курсом элит, общество равномерно невротично и болеет или лечится совместно. Конечно, зазор есть и там. Иррациональность структуры так или иначе конфликтует с рациональностью керигмы (о чем писал П.Рикер в «Конфликте интерпретаций»). Но этот разлад внутри западного общества – ничто по сравнению с тем, что имеет место в обществе русском. На Западе коллективный рассудок решает проблемы своего собственного бессознательного, а это бессознательное ищет выражения в своем

собственном рассудке. Диалог сложен и противоречив, диалектичен. Но это два полюса одной системы. Западное бессознательное полемизирует с западным же сознанием. Вместе они ориентированы в общем невротическом ключе, составляют целое, ориентированное в едином направлении.

Западная культура отличается чрезвычайно развитым «числителем». Керигма настолько сильна, что не боится проникать в самые толщи «Оно», освещая своим светом самые тайные и темные уголки подсознания.

Конечно, в определенных случаях экзальтация рассудка приводит к паранойе, но эта паранойя нападает на собственную тень. Более всего это свойственно немцам, доводящим рационализм до абсурда.

Юнг выделял Германию как страну с коллективным психическим расстройством, сильным коллективным бессознательным и искореженной индивидуацией. Но Германия и ее психическое расстройство – ничто в сравнении с археомодерном России. В России в последние века русское бессознательное конфликтует с совершено чуждой ему нерусской рациональностью.

Архаические общества: гармония бессознательного

Чисто архаические общества также можно было бы рассмотреть как антитезу России, но только с другой стороны. Социальная структура и культура в них несут на себе прямое воздействие коллективного бессознательного, в самом истоке блокирующее развитие автономного «эго». Рациональность архаических обществ полностью подчинена влиянию архетипов бессознательного. Социальные, культурные и политические институты, обряды, ритуалы, обычаи прямо выражают психический ландшафт «Оно».

В этом случае гармонизация между числителем и знаменателем достигается за счет силы и мощи знаменателя. Это тоже порождает солидарное общество, где элиты и массы разделяют общие, на сей раз типологически шизофренические установки.

И снова это не похоже на Россию, где сильное подсознательное взнуздано также сильным, но резко конфликтующим с ним чуждым сознанием.

Различие между архаикой и Традицией

Тут можно вспомнить, что Рене Генон недолюбливал архаику и считал ее «деградировавшей формой Традиции». Сейчас это замечание к месту. По Генону, «нормальным» обществом является такое, где сакральное воплощается в керигму. И

хотя он говорит не о бессознательном, но о сверхсознательном, о небесных «шрути», архетипах, по вектору мы угадываем, что для него чрезвычайно важно было воплощение архетипов в рациональной теологии.

Иначе говоря, Традиция – это не архаика, Традиция – это перманентная Консервативная Революция, где сакральное пребывает не просто в виде психотических residui, но проникает на уровень керигмы, где получает осознанное и прозрачное выражение.

Для Генона есть плохая и хорошая рациальность. Хорошая рациональность подчинена сверхрассудочным архетипам. Плохая же претендует на автономность. Архаика есть проекция сверхрассудочных архетипов над субрациональный уровень психики.

Традиционное общество, в отличие от архаического, есть общество интеллектуальное, наделенное сакральной рациональностью. Архаическое же рациональностью обделено. К слову, Генон считал это не первичной стадией в развитии общества, но продуктом позднейшей деградации. Для него вначале идет традиционное общество, а только потом архаическое, а не наоборот.

Излечение археомодерна и традиционализм

Традиционализм образом есть терапевтическая практика, примененная к народу. К нашему конкретному народу и его несчастной болезни.

Традиционализм предполагает восстановление нормативных пропорций. Сакральность берется как высший горизонт интеллектуальной интуиции, то есть как сверх-рациональное начало. В соответствии с ним приводится рассудок. В этом случае психические отражения сверхрассудочных идей, размещающиеся в коллективном бессознательном, перестают выступать как источник постоянных психических, социальных, культурных и политических расстройств.

Происходит гармонизация трех слоев: сверхрационального, рационального и субрационального (психического).

В этом состоит полный сценарий излечения.

3. *Русские слои*

Православный пласт

Из каких слоев состоит русская структура?

Очевидно, что в ней существует православно-христианский пласт. Это самый поверхностный из уровней. Он был вышиблен из керигматического состояния (то есть из числителя сравнительно недавно) всего несколько веков, а окончательно только в советское 70-летие. Это, конечно, не чистое коллективное бессознательное, это «бывшая керигма», оказавшаяся в зоне «Оно» только в силу исторических обстоятельств.

Природа православного богословия, безусловно, является сверхразумной и представляет собой сакральную рациональность. В период X-XVII веков эта форма рациональности, по сути, доминировала в русском обществе, предопределив рациональность как таковую. С XVII началась ее маргинализация и постепенный переход в сферу подразумевания. С 1917 года эти процессы пошли в ускоренном темпе. В конце XX века и начале XXI наметились первые признаки обратного процесса: подъема православия из народных глубин на уровень богословского осмысления и керигмы.

При этом в бессознательном сохранились именно те аспекты этой православной керигмы, которые глубже всего укоренились в других следующих более глубоких пластах бессознательного.

Два «православия»

Два слова о трансформациях русского православия с XV века. После падения Византии русское самосознание искало новой керигматической идентификации. Мы были частью византийско-православной эйкумены. Эйкумена кончилась (и политически, и церковно – уния). Теперь мы стали русским целым. Возникает специфическое московское религиозно-политическое самосознание – Третий Рим. Это своего рода русский «сионизм», осознание богоизбранности русских.

Вторая версия – греко-православная, настаивающая и после унии, и падения Царьграда (!) – на том, что Россия всего лишь часть православного мира под эгидой фанарских Константинопольских патриархов. Она тоже «патриотическая» и «державная», но более западническая. Через нее шли влияния не только греков, но и католиков, и униатов.

С конца XV до конца XVII веков преобладала русско-«сионистская» московская линия. После Никона и особенно собора 1666-1667 годов верх взяла греко-западная.

С конца XVII века русско-московский «сионизм», Третий Рим уходит в массы,

в «знаменатель», в бессознательное. И пребывает там. Последними рациональными носителями его остаются старообрядцы (единственно психически здоровые русские люди – это староверы). В XIX веке эта линия пытается перетолковать в своем ключе светский монархизм и реакцию (славянофилы, Достоевский, русское возрождение, культура). Накануне 1917 года она проникает в интеллигенцию, чающую русской Консервативной Революции и Ereignis'а. – Софиологи, Клюев, скифство, Мережковский, Блок и т.д.

В 20-е годы эта линия снова уходит в подполье и перетолковывает коммунизм и сталинизм в национал-большевистском ключе.

В бессознательном живет именно такое православие. Это психотическое коренное толкование христианства в народном ключе.

Греко-западное толкование остается на уровне керигмы в белой эмиграции и РПЦЗ (Мейендорф, Шмеман, поздний Г.Флоровский. Это грекофильский невроз. Такое постсоветское православие опознается по невротизму его носителей. До психотических глубин оно не достигает.

Монархизм и целостность

Русское коллективное бессознательное монархично. Оно пронизано ощущением примордиальной целостности, неразделенности. Русские люди не разделены и грезят о едином теле. Это общее тело и есть соборность. В Церкви мы молимся о совокуплении всех, о собрании.

Русский не отличим от другого русского в коллективном бессознательном: так говорит Selbst, говорит о себе самом. И бессознательное проецирует эту интуицию наверх – в область «числителя». Так появляется фигура священного Царя. Не историческая монархия прививает привычку к себе, но потребность телесного совокупления всех со всеми в пространстве великой и единой русскости вызывает к жизни образ, архетип царя.

В византийской модели православия это прекрасно выражено в симфонии властей. Русское легко ассимилирует это.

Русская любовь

Другой аспект целостности – русская любовь.

Вначале перестройки русское коллективное бессознательное сказало из телевизора устами какой-то целомудренной советской девушки: «В СССР секса нет». Секс – это расщепление, разделение. Невротик наслаждается этим расщеплением

и мучается им. У русского человека этого разделения, русского секса, нет. Наше бессознательное – это океан психотической любви, где все сливается со всем, все расстворено во всем. Это проявляется как в браке, так и во всех остальных сторонах русского бытия. Для русского все брак, все совокупление, все единение. И плодом этого непрерывного соития всего со всем является русский мир, русский народ, порождающий, неустанно творящий русскую вселенную.

Христианство как религия любви и церковность, как вселенскость отчасти совпадает с этим пластом бессознательного, и одно питает другое.

Государство-семья

Архаические аспекты русского (московского) православия уходят гораздо глубже, чем в XV век и даже принятие христианства в X веке. Они связаны с глубинными архетипами бессознательного и коренятся в древнейших моделях семейного патриархата в качестве керигмы на верхних слоях структуры в сочетании с матриархальным слоем, находящимся ниже. Этот матриархально-архаический и патриархально-рассудочный семейный тип переносится на весь народ, на Русь, на русских.

Важно: семейное здесь не осознается как преодоленное родовым, потом племенным, потом социальным. Бессознательное игнорирует исторические трансформации общества – не всегда, конечно, но тогда, когда эти трансформации идут «криво» и поверхностно и не задевают сути народа. А у нас это так. Русские патриархальны потому, что они не вложились, в отличие от европейцев, в глубокое переживание процесса социального разделения – вплоть до классового. Это разделение было в «числителе», в «знаменателе» мы жили и живем семьей. Государство и народ для русского бессознательного – это семья.

Точно также и о власти (отец-президент), о любви, о единстве.

Этот московско-православный пласт так устойчив именно потому, что он строго соответствует более общей географии русского коллективного бессознательного.

Дохристианская религия: иранский дуализм

Дохристианские религиозные представления также сохранились в бессознательном. О них говорить, однако, достоверно трудно.

На русские легенды, сказки, предания, фольклорные сюжеты оказал большое влияние арийско-иранский дуализм, возможно скифо-сарматского происхождения,

а может быть, и напрямую иранского. Причем эти сюжеты являются общими и для восточных славян, и финно-угров.

С опорой на инстинкт религиоведа можно выделить в массе русских архаических мифов и сказок останки дохристианского керигматического пласта.

Показательно, что само слово «бог» взято нами из персидского языка, а это говорит о многом. В выражении «бел-горюч камень алатырь» вероятно также калька с иранского: «алатырь» означает там строго «бел» и «горюч». Слово «хорошо» – от «хварено» и т.д. Старорусские слова «щур» и «чур», означавшие «духа», «предка», происходят от иранского «ахура». Как «асуры» стали демонами в индуизме, а иранцев были светлыми «богами», так и «чур» стал у нас «чортом».

Явно широко было распространено богумильство и дуальные мифы. Световая мистика, образ узкого моста, жар-птица, конек-горбунок, золотая рыбка и многие другие сказочные и фольклорные сюжеты однозначно указывают на дуалистический иранский контекст. Иранской по типу является история происхождения «нечистой силы» – бывшие ангелы попадали с небес вслед за сатаной и стали духами того места, куда приземлились: домовыми, лешими, банниками, водяными и т.д.

Более полное исследование древнеиранской и скифо-сарматской мифологии может дать ключи к русскому бессознательному.

Духи

Духи, домовые, лешие, упыри, русалки и птицы-естрафили – это, возможно, отголоски еще более древнего, скорее всего доиранского мировоззрения, чья керигматическая надстройка стрелась, видимо, к середине I тысячелетия, если не раньше. Но многие представления это оказалось чрезвычайно живучими в народном сознании. Чтобы выделить их и корректно проинтерпретировать, необходимо разработать полноценный структурный аппарат, в котором наряду с историческими и этнографическими данными учитывались бы и психологические моменты, фиксируемые в бессознательных пластах современных русских[1].

Вероятно, сказки о «дохтурах» (святителе Николе и т.д.), которые уже упоминались и которые воспроизводят шаманские обряжы исцеления, имеют древнейшие корни. Стоит упомянуть также сюжеты о сотворении первых зверей, об утке и голой собаке, которой «сатана подарил шубу».

[1] Чрезвычайно релевантны работы выдающихся отечественных филологов-структуралистов и лингвистов Вяч. В. Иванова и В.Н.Топорова.

Важно также корректно расшифровать предписание смотреть из-под оглобли, чтобы увидеть лешего; перекидывать топоры над скотом, чтоб сохранить его от падения; оглядываться, смотря назад межу своих ног, спускаясь в погреб, чтобы рассмотреть домового («хозяина»); опахивать на голых бабах деревни, чтобы прекратить эпидемии и неурожаи и т.д.

Гиперборейский слой

Последним самым глубоким слоем русского бессознательного является гиперборейский сон[1]. Это сон арктического календаря, в котором развертываются сюжеты рунического графического толка.

Вероятно, гиперборейский сон является по-настоящему универсальным и не составляет уникальной особенности только русского народа. Это общий сон, чья структура совпадает с примордиальной Традицией.

На уровне этого сновидения мы можем найти ключ ко всем остальным народам и бессознательным, так как этот код является абсолютным. Современные лингвисты называют это mother langague или «борейский» язык, предшествовавший падению Вавилонской башне. Здесь можно найти точки соприкосновения с «элементарными мыслями» Бастиана и убежденностью в универсальности «колективного бессознательного» Юнга.

[1] *Дугин А.* Знаки великого норда. М.:Вече, 2008.

Консервативная Революция и борьба с археомодерном

Пространство Консервативной Революции

Где существует концептуальное философское пространство для альтернативного обращения с археомодерном? Для его лечения? Если мы, в отличие от сторонников партии status quo, то есть от большинства, считаем, что археомодерн - это болезнь, если мы считаем, что археомодерн можно излечить, не убивая его носителя, то есть без экзорцизма структур, то у нас остается очень маленькое политико-идеологическое и метафизическое пространство, где только и можно задаться вопросом, что и как можно сделать в этой ситуации? Это пространство имеет название “Консервативная Революция”. Это еще одно особое явление, я много об этом писал, мы об этом много раз говорили в рамках “Нового Университета”. Сейчас я имею в виду Консервативную Революцию не как политическую идеологию или политическую философию, но исключительно как то место, занимая которое и с опорой на которое можно взяться за излечение археомодерна в сторону структуры.

Здесь, безусловно, чрезвычайно важно понять, кто будет выступать в качестве субъекта, ставящего перед собой такую задачу. Дело в том, что больной сам себя излечить не может. Человек, находящийся в состоянии археомодерна, принципиально не способен излечиться сам по себе и выйти за его пределы. Это порочный круг, потому что структура здесь будет блокироваться керигмой, а керигма – структурой, перевес невозможен ни туда, ни туда, и даже осознать причину болезни и сам факт ее наличия внутри status quo принципиально невозможно.

О том, что археомодерн – это болезнь, нам говорит особая инстанция, не принадлежащая к археомодерну. Чрезвычайно важно выяснить метафизическую природу этой точки. Эта точка не может быть субъектом в классическом понимании субъекта в рамках модерна. Но она не может быть и структурой, это нечто “еще”, нечто третье, чего в археомодерне нет.

Врач, враль и вор

Здесь возникает метафизическая концепция врача. Слово “врач” очень древнее, и оно напоминает слова “враль” и “вор“. Когда мы говорим “врач”, в археомодерне это понятие мгновенно распадается на “враль” и “вор”, потому что врач – это тот,

кто врет для того, чтобы своровать, ставя диагнозы (неправильные), зарабатывая себя на жизнь, продавая сверхдорогие лекарства. Врачи археомодерна – это обязательно врачи-убийцы. Под тем, что мы, консервативные революционеры, называем "местом врача", в археомодерне зарезервирована фигура "враля" и "вора". Это отдел идеологии, который, собственно, и должен заниматься поиском возможной терапии, но это место плотно занято врущими ворами.

Есть не врущие воры, просто воры – это силовики со стороны структуры. А есть врущие воры – это уже другое крыло, другая башня. Собственно говоря, между ними идет фундаментальная битва за то, где больше и как схватить, но все это делается под эгидой врачевания. А корень-то один у слов "воровать", "врать" и "врачевать", еще "ворожба", "ворожить" – похожий. Сам корень "вр" ("ур") очень древний, священный и обозначает все вместе, как любое сакральное полисемическое понятие. У нас из этого древнего корня два значения (вранье и воровство) в большой политике активированы, а врачевание служит им прикрытием. Но это не модернистское воровство и вранье, но археомодернистские, потому что это патриотическая форма воровства и искренняя форма вранья (т.е. не совсем обман других, это еще фундаментальный обман себя, потому что в археомодерне все обманывает само себя и обкрадывает само себя; фигуры "другого" в археомодерне нет, поскольку способность различия притуплена, сбита.)

Структура в археомодерне не способна спасти сама себя

Итак, если археомодерн и его различные издания не способны сами себя вылечить, то должно быть что-то иное, но мы уже, по-моему, перебрали все, что можно. О постмодерне говорить нечего – его задача уничтожить даже недоделанный модерн, он сам модерн ведет к искажению и окончательному выпариванию остатков структуры. И архаика нас не спасет – в археомодерне она пленена, и если бы она могла себя освободить сама, она бы давно это сделала, а раз она этого не делает, раз уже лет триста подчиняется наброшенной сетке внешней агрессивной модернистской керигмы, значит с ней что-то не то. Тот факт, что эта архаика не сбрасывает модерн сама по себе, означает, что она и в самой себе несколько испорчена, далека от стройной структуры полноценного традиционного общества.

Индусский археомодерн современной Индии гораздо более устойчив с точки зрения структуры. Там 1% процент модерна и 99% архаики, нормально существующей сквозь модерн. Но по мере модернизации индусской политической элиты, все больше и больше это заболевание ширится, но пока это еще в приемле-

мых и некритических пропорциях. Однако и такая мощная и массивная архаика не может сбросить колониальное покрывало модерна.

В русском археомодерне модерна гораздо больше, он намного более ядовитый, и намного более покорежил наши национальные архетипы. Наше бессознательное фундаментально искалечено модерном, потому что одно дело верить в идолов, другое дело – в Христа, третье – в паровые машины, а четвертое – в шоппинг, в турецкий курорт, в гламур и Ксению Собчак. Согласитесь, вера в гламур и в Бориса Моисеева – это почти приговор нашей архаике. Вера в Путина – это еще куда ни шло, но вера в Медведева и его четыре “и“... Это ключевой момент, именно здесь археомодерн доходит до своей критической фазы, где сама архаика проявляет себя самым чудовищным образом, с тыла.

Консервативно-революционный субъект рождается в ходе модернизации

Сама архаика не способна себя спасти. Так где же точка врача? Понятно, что в мейнстриме ее нет, понятно, что в широком запросе масс ее нет (потому что запроса на это нет). Тут мы должны обратиться к аналогичной ситуации в европейском опыте. Когда и при каких обстоятельствах возникла Консервативная Революция в Германии? Она возникла тогда, когда бурно модернизирующееся германское общество, которое было самым архаичным из европейских, вдруг начинает осознавать процесс модернизации как возможность выбора – рационального волевого выбора. Самое внимание обратите на эту формулу, из нее вытекает, что Консервативная революция – это не архаика!

Это не всплеск архаики. Все, что является всплеском архаики, это археомодерн, и наличие архаики нас ни в какое традиционное общество, и тем более ни в какую Консервативную Революцию не приводит. Всплеск архаики в рамках археомодерна фундаментально купирован при любых обстоятельствах наличием этой болезненной конструкции. А Консервативная Революция возникает тогда, когда появляется движение в сторону реальной модернизации, когда появляется разумный и волевой субъект. Но это субъект, появившись, рассматривает эту модернизацию не как судьбу, а как вызов. И тогда он только и может поставить под сомнение оправданность керигмы модерна. Консервативно-революционный субъект ставит под сомнение модерн и делает сознательный и волевой выбор в сторону структуры.

Это рассудок, который сознательно и волевым образом становится в психоаналитической модели на сторону сновидений. Пример такого выбора: Карл Густав Юнг. Фрейд, который стоял на стороне керигмы против структуры для того, чтобы

ее извести, создает методологию работы со структурой. И вдруг появляется его ученик, модернист и психоаналитик Юнг, который говорит: “А не встать ли мне на сторону архетипов, не признать ли за ними онтологические свойства?” То есть, не пересмотреть ли эту критику иррефлексивного внутри субъекта в пользу иррефлексивного?

Это сходная черта очень многих консервативных революционеров: их глубокое увлечение керигмой, модернизмом, юность, проходящая в самых революционных радикальных кружках, занятие революционной прогрессистской философией. Этим они и отличаются принципиально от остальных консерваторов. Консерваторы всегда выступают за сохранение: будь то сохранение архаических структур или того же археомодерна. Консерваторы не фиксируют внимания на субъектной рационально-волевой сфере, они либо до нее не доходят, действуя по инерции, либо сразу проскальзывают в тот момент, где существует выбор, и становятся на сторону модернистов, как это сделал Чаадаев.

В пространстве своеобразно понятой модернизации, рационализации, отрыва от корней, перехода к субъекту, к волевой сфере, на границе между керигмой и структурой, находится возможность Консервативной Революции. Консервативная Революция никогда не может быть простой данью инерции. Когда мы говорим: “Ну, мы – русские, мы люди, у нас работают архетипы“ – это будет археомодерн. Это похоже и на постмодерн, и на Консервативную Революцию, но это не постмодерн и не Консервативная Революция, это археомодерн. Настоящая Консервативная Революция – это дело субъекта, это сознательный и волевой выбор, обдуманное и неинерциальное обращение к структуре как к ценности.

Это воинствующий структурализм, структурализм с пулеметом наперевес. Не случайно одним из основателей структурализма был князь Николай Сергеевич Трубецкой, которого на Западе знают все представители структуралистского и постструктуралистского направления как фонолога и крупнейшего структурного лингвиста, но никто не знает, что он применял эти модели к политической философии евразийства.

Консервативная Революция – это выбор субъектного начала, то есть той особой инстанции, которая проходит модернизацию, замечает археомодерн, осознает его как болезнь, но принимает решение, что помимо двух напрашивающихся возможностей работы с археомодерном – сохранением status quo и экзорцизмом структуры – есть и третий путь. Это путь славянофилов и евразийцев. Ведь не случайно именно из их среды родилось понятие “революционный консерватизм”. Его вывел

Самарин, потом уже Томас Манн его взял, а у Томаса Манна его заимствовали наши ортодоксальные учителя и авторитеты, как Артур Мюллер Ван ден Брук, Эрнст Юнгер, Освальд Шпенглер, Карл Шмитт и другие.

Революционный потенциал консерватизма

Здесь возникает самое интересное. Консервативно-революционный путь требует субъекта, и соответственно, рационального волевого выбора, то есть того, на что принципиально археомодерн не способен. Требует ясного, резкого и отчетливого понимания конфликтности архаики и модерна, а так же полное осознание и даже ощущение болезненности их суперпозиционного существования в рамках единой общей модели, той модели, которую я описал. Поскольку всякая политическая философия вначале философия, а потом уже политическая практика, то, безусловно, корректно сформулированные посылки и постулаты консервативно-революционной методологии как могучей терапии русского археомодерна сами по себе не могут существовать в качестве простой лаборатории мысли, но и не могут сразу воплотиться в политическое движение. Желание разделять эти вещи (“давайте заниматься политикой и не будем лезть в философию” или наоборот, “давайте изучать философию, а политика грязное дело”) абсолютно порочно. Мы должны в сотый или даже в тысячный раз начинать с того, чтобы политическое и философское сопрягалось, пересекалось, и из этого сочетания политического и философского должно, наконец, родиться то, что станет русской Консервативной Революцией.

Это место врача, о котором мы говорили, надо вначале отбить, утвердить и отвоевать – это самое первое действие. Таким образом, надо осознать археомодерн как болезнь, встать к нему в фундаментальную оппозицию, встать на сторону архаики в археомодерне, действую во имя традиционного общества, но при этом надо быть не менее, а то и более рассудочно-волевым модернистом, настоящим и полноценным субъектом, так как в противном случае эта ситуация никогда не разрешится, и болото археомодерна поглотит все начинания. В этом и состоит революционный потенциал консерватизма, необходимый нам для отвоевания конкретной позиции, для реальной политико-философской терапии нашего русского общества и всего мира.

Прежде всего, нам необходимо нащупать то место, где модерн будет ясен как парадигма, и архаика будет ясна как парадигма. Иными словами, мы должны быть достаточно современными, чтобы понять и современность, и архаику. Об этом я

говорил в лекции “Енох омраченный“ и в книге “Постфилософия”. А развернутое описание модерна и традиционного общества как двух противоположных парадигм я описал в книге “Философия традиционализма”. “Кризис современного мира”, “Восток и Запад”, “Царство количество и знаки времени” Генона и “Восстание против современного мира”, “Оседлать тигра” Эволы для этого незаменимы.

Мы должны живое и мертвое, рассудочное и безрассудное, структуру и керигму строго развести по разные стороны. А для этого мы должны их понимать, фиксировать в нашем субъекте и рефлексивное, и иррефлексивное начала. То есть мы должны по-кантиански четко отрефлексировать работу и устройство чистого разума, а затем, следуя за философами подозрения, помыслить и отрефлексировать структуры, чтобы встать на их сторону, твердо зная, что это за сторона и как она устроена.

Мы, впрочем, слишком забегаем вперед, говоря о том, чтобы встать на сторону структуры. Давайте все последовательно:

- вначале мы понимаем, что археомодерн есть болезнь,
- потом мы понимаем, что она не может быть излечена в пользу модернизации,
- далее, освоив тем не менее определенный уровень модернизации, став субъектом, мы делаем выбор в пользу структуры, и
- встав на сторону структуры, предпринимаем ряд шагов, которые воплощаются в интеллектуальном, а параллельно в социальном, политическом, и в конечном итоге, конкретном политическом действии.

La chose vile

Практические рекомендации консервативному революционеру.

Во-первых, консервативные революционеры должны отказаться от упрощенного понимания проблематики Традиции и современности, все гораздо сложнее. Для начала нам необходимо осознать, что в центре сознания консервативного революционера главным объектом стоит археомодерн. Археомодерн – это то, с чем мы, русские, имеем дело вовне и внутри; это то, что мы лечим, но не только в других, но и в себе, но лечим как “другие мы”. Тот, кто будет лечить – это не тот, кто есть сейчас, не тот, кто ест.

Тематизация археомодерна, помимо прочего, является главной политической задачей нашей власти, не зависимо от того, будут они его сохранять или нет, вос-

принимают ли они его как здоровье, или ощущают интуитивно, что это ненормально. Разговор о модернизации, или не о модернизации, о консерватизме, и о любой политике сейчас в нашем обществе, когда рассеяны дымовые завесы предшествующих политических этапов, становится в центре внимания. Любой дискурс нашей власти и нашей политики (и о нашей власти и нашей политике), о нашем прошлом, настоящем и будущем должен и проходит отныне в пространстве мысли об археомодерне, как бы мы к этому не относились и с какой бы позиции не заходили. В археомодерне мы обнаруживаем самое главное. Это главный предмет, то, что в алхимии называется la chose vile, некая “отвратительная грязная вещь”, которая, тем не менее, является первоматерией Великого Делания и хранит в себе возможность преображения в золото.

Археомодерн и есть главный объект, другого нет. С ним мы отныне обречены иметь дело, его мы должны подвергать терапии, выносить на свет и одновременно очищать с помощью методик Консервативной Революции.

Глупость – наше оружие

У консервативного революционера должно быть три стратегии в зависимости от того, к кому он обращается.

Первая стратегия, если он видит перед собой археомодерниста, у которого очень сильная структура и очень слабая (на грани исчезновения) керигма. В этом случае мы имеем дело с русским (евразийским) кадром. Если керигмы настолько мало, что и Бог бы с ней, то в таком надо поддерживать и всячески раздувать архаическое начало. Не надо ему говорить ничего умного, ему надо говорить все очень глупое и очень весомое.

Чистое архаическое начало в археомодерне, там, где керигма и не валялась, а есть одна структура (человек не бредит – и не бродит по ночам по крышам – в таком случае, а просто мирно спит), мы должны ее всячески укреплять. Более того, там, где существуют попытки модернизировать наших людей, отучить их быть такими глупыми, мы должны противиться этому и говорить: “Нет, стоп, глупость – наше оружие”. Это на самом деле оружие консервативного революционера, так модернистская керигма называет “глупостью” бессознательное русского человека, которое вполне полноценно, но просто задавлено, не может концы с концами связать и поэтому оно болеет. Но оно-то ценнее всего.

Вот тут-то открывается тактическая возможность поддержки нами археомодернистов перед лицом модернистов). Но мы должны доводить эту поддержку до

абсурда, прославлять архаическое не только в Путине, но и в фарфоровом Медведеве. Можно предложить канонизировать его прямо сейчас, за будущие его заслуги перед Родиной. Да и так у него много заслуг уже – национальные проекты осуществлял, и вообще он достойный человек, и много еще достойного сделает. И Зубков достойный человек, там практически все достойные люди, голосовать можно даже не за одного, а за двоих, за троих, двумя, тремя руками. Таким образом, наша поддержка укрепит структуры сновидений нашего общества. В данном случае, чем глупее, тем лучше, если речь идет о русском человеке, настоящем русском, у которого нет помыслов вообще, который невинен в этом отношении, ведь когда помыслы возникают, с ними приходит соблазн.

КР-модернизация

Когда мы обращаемся к тем русским людям, у которых осталась структура и уже есть каригма, и эта керигма начинает работать, то мы прибегаем к иной стратегии. В этом случае мы имеем дело с субъектом, который рефлексирует свою рефлексию, и он для нас чрезвычайно ценен. Встретив такого, мы должны отложить в сторону политико-философское юродство и перейти к форме общения номер два. Правда, такого субъекта в чистом виде практически не бывает, кроме как в либеральных кругах (но не в “нелиберальных”) кругах. В русской среде таких людей почти нет, разве что среди математиков.

Но в любом случае, при встрече с другими людьми, наделенными признаками субъектности, или в своем кругу для консервативных революционеров жизненно необходимо провести операцию по фундаментальной модернизации собственного сознания. Консервативные революционеры должны быть людьми современными, тщательно осмыслить западноевропейскую философию и потом – с помощью инструментов этой великолепной и идеальной западноевропейской философии – скрупулезно провести ревизию собственной структуры, русских сновидений, вычленив из всего этого самобытного русского субъекта, русскую рациональность, которой как таковой еще нет, но которая может и должна быть. Иными словами, главная задача консервативных революционеров – самомодернизация и модернизация себе подобных, модернизация в том самом фундаментальном парадигмальном смысле, о котором я говорил. Речь идет о том, что парадигма модерна должна быть осмыслена и освоена, то есть, консервативный революционер фундаментально отличается от археомодерниста тем, что он абсолютно свободно чувствует себя в керигме. В том числе и в керигме модерна.

Консервативно-революционный тип – это уникальный в русском контексте тип, почти не встречающийся в наше время тип умного русского. Такого русского никогда не было, потому обычно русский – это как раз глупый, а умный – это не русский. Умный русский – это парадокс. Причем, говоря “глупый” я не хочу обижать мой народ. “Глупый” – в хорошем смысле, в священном смысле, глупый – значит, священный, слишком священный для того, чтобы быть умным. Нам надо перестать быть слишком священными.

К русской керигме

Консервативным революционерам в рамках консервативно-революционного врачебного терапевтического пространства необходимо создать то, чего еще не было даже близко. Самая главная задача терапевтического метафизического действа – это создать русский субъект, того, кого нет. Выстроить такую керигму, которая будет расти из нашей структуры, не позаимствовать керигму откуда-то, а вырастить из себя. У нас есть некоторые наброски к такой керигме. Это, в первую очередь, богословие русского православия, особенно в его чистой старообрядческой форме.

Это пролегомены к русской керигме. Но обратите внимание, именно старообрядцы – носители русской керигмы в большей степени, чем новообрядцы, которые в большей степени являются продуктами как раз археомодерна. Староверы в определенном смысле сохранили и еще больше развили в гонениях и рациональное, и волевое начала, способность основывать свою жизнь и свои поступки на правилах и нормах, которые резко противоречили устоям окружающей среды. В борьбе со средой староверы ковали русского субъекта, русское самосознание и русскую волю. Но посмотрите: они-то и были основателями модернизации русского общества. На них-то и была основана настоящая национальная модернизация. Вспомните всем известные факты про русские мануфактуры и русскую промышленность, и даже про русское искусство, активно финансируемое старообрядческими купцами. Старообрядцы, свободно и без комплексов оперирующие со структурами, до сих пор на уровне сознания куда более современны, чем никониане. Но никониане более современны, чем обычные материалисты, атеисты и агностики, которые верят просто в какую-то дремучую чушь. Так церковный модернист Кураев, наш Бультман, говорит: “Только керигма в православном учении для нас приемлема, все остальное надо гнать поганой метлой оттуда, все мифы, все сакральное”. Но старообрядцы еще более модернистичны, чем Кураев, так возводят личное мнение и личную волю на вершину ценностей. Такого вообще рус-

ские не знали никогда. Для старообрядца мысль человека сопоставима с властью, они могут сказать “Пошел вон отсюда!” кому угодно – царю, чиновнику, патриарху могут сказать. И ведь сказали – и поплатились, но ведь до сих пор говорят и до сих пор платят.

Вот это и есть русский субъект, где решения сознания и воли инсталлируются как абсолютный императив в том археомодернистическом компоте, в котором мы живем. Старообрядчество, на мой взгляд, пример и образец для русских консервативных революционеров, хотя в нынешнем положении, это скорее памятник русскому субъекту, но не сам русский субъект. Возможно, карта и план по его поиску. Настоящими архаиками являются обычные люди, у которых в голове вообще ничего нет.

Таким образом, перед консервативными революционерами сегодня стоит совершенно новая задача: задача русской модернизации, которая была бы пресуществлением русской структуры в русскую керигму. И это не имеет никакого отношения к фетишистским заклинаниям о гламуре, технике, банальностям менеджмента или торговли. Под модернизацией археомодернисты понимают стиральную машину, в реальности модернизация – это исключительно философское явление. Тот, кто не способен к этому философскому действию, тот дисквалифицирован для проведения модернизации. Задача консервативных революционеров – это проведение национальной модернизации русского общества, сознательно, пронзительно, с открытыми глазами, глядя и на структуру, и на керигму, и на их конфликт, и на археомодерн, и на проект модернистов и на массы тяжелого архаического бессознательного. Представляете, какая гигантская работа предстоит нам?

Суд над археомодерном

Я к этому подводил с разных сторон, в несколько заходов, сейчас все линии сходятся в одну. Я думаю, что мы должны четко знать, с чем мы имеем дело. И не просто ожидать, когда наступит кризис археомодерна. Археомодерн тематизирован отныне, и значит, что он уже подвергнут кризису. Кризис – это как раз разделение, по-гречески это суд. Суд над археомодерном – вот наша задача

Мы должны сказать, что то, что мы сейчас имеем – это нехорошо, это очень и очень плохо, и более того, дальнейшее поддержание status quo чудовищно, поскольку лишь блокирует настоящее выздоровление. Когда мы вопреки очевидности говорим, что “этот человек здоров”, а он болен, мы лишаем его последнего шанса на реальное излечение. Когда мы говорим, что этот врун и вор - врач, мы лишаем

себя и других шансов на реальное выздоровление. Надо сказать, что вор это вор. Мы не должны обязательно впадать в историку, если вор. Ну, вор – вот и то молодец, это тоже очень русская черта, архаическая. Да ты, наверное, не только воруешь, но еще и бредишь? Что ж совсем хорошо, наш человек! Мы тебя не обижаем, сиди на своем месте, хочешь – выше посадим, только не надо вороватый бред выдавать за врачевание. И тем более делать вранье и воровство занятием консервативных революционеров. Нельзя обманывать самих себя. Вранья и воровства и без нас предостаточно, нам необходимо сосредоточиться на врачевании.

Археомодерн и подержание status quo – это самая отрицательная политико-философская программа, которая может быть. Чистые модернисты и либералы, которые вытягивают половину из этого противоестественного сочетания, как Чаадаев, славянофилам чрезвычайно помогают. Они либералы, и они нам очень нужны. Они молодцы, так как показывают сущность того, с чем мы имеем дело. Но таких почти нет, большинство модернистов являются квазимодернистами, по сути дела, другим изданием все того же археомодерна.

Диалог с Соросом

Я много раз рассказывал, как я был на конференции Сороса, когда собралось триста грантополучателей поговорить об открытом обществе. Все говорили: “Как хорошо, Поппер, Джордж Сорос, дайте денег”. “Прекрасная книга Поппера, а так же Хайека, дайте, Джордж Сорос, денег” – говорил другой. Потом вышел один журналист и сказал: “Джордж Сорос, я не читал Поппера, дайте денег просто... денег”. Кажется, Поппера знали из собравшихся только политолог Максим Соколов, похожий на “бородатую женщину”, но по его спокойному лицу было видно, что деньги от Сороса он уже получил, и Марк Масарский, бывший философ, с головой бросившийся в спекуляции и кооперативное движение (вначале он все приобрел, потом все потерял, теперь он во всем раскаивается, и просит, чтобы его снова называли “философом”).

Я вышел тогда к трибуне и на английском – до этого все говорили на русском, Соросу переводили, он практически спал, предугадывая следующего и следующего, и следующего оратора, у него из уха выпадал наушник (было организовано все чудовищно, совершенно не по-миллиардерски – и здесь стырили) – сказал: “Сорос, уезжайте вон отсюда, вы – свинья, нам не нужно ваше “открытое общество”, открытое общество и политическая антропология, на котором оно основано, не совместимы с ценностями нашего народа”. Сорос вскочил, проснулся, ожил,

подошел к микрофону и сказал: “Это первый человек, который здесь из вас читал Поппера, первый, который тут же меня послал, если бы вы его прочли, вы бы меня тоже, может быть, послали. А вы сволочи, а не либералы... Деньги, да деньги. Деньги – это ничто, Поппер – все”. Зал: “Да-да-да, именно так, ваше сиятельство, но только дайте, все же, денег”. После этого он стал гранты давать уже на все подряд, на полные безобразия, лишь бы что-то люди делали. Он устал настаивать, что если есть субъект – будет модернизация, а если будет “дядя Сорос, дайте денег” – не будет модернизации.

Таким образом, 90% русских модернистов – это архаики, а настоящими модернистами должны быть мы, консервативные революционеры, вот мы-то и должны знать западноевропейскую философию, как ее знали великолепно и славянофилы, и евразийцы.

Атака модерна со стороны постмодерна

Как мы должны обращаться с модернистами? Если мы модернисты, действительно, убежденные и настоящие, правильные, то у нас есть для них в запасе еще одна стратегия. В этом случае наш модернизм должен быть активным и опережающим. В данном случае я очень рекомендую не только проводить модернизацию своего сознания и своего быта, но и исследовать постмодерн. Это просто, если действительно по-настоящему захотеть понять модерн, тогда будет понятен и постмодерн.

Если оставаться на уровне археомодерна, то постмодерн будет тайной за семью печатями. Но мы, консервативные революционеры, вполне можем освоить постмодерн и на этом языке говорить с модернистами, чтобы они заткнулись навсегда. Не просто пересказывая им какие-то обрывочные русские сны, надо которыми они будут только привычно глумиться, но освоив Делеза и Бодрийяра, зайти к ним с тыла, из будущего. Вам будут что-то лепетать о позитивизме из Конта, а мы им сразу – Барта. Таким образом, вопрос будет закончен.

Постмодерн в наших условиях может быть замечательным изящным оружием консервативного революционера, потому что у нас нет никакого постмодернизма, и не может быть его носителей. Он не опасен, это совершенно безвредная вещь потому, то, что мы называем постмодернизмом в России – это позиция Юкста, это археомодернистический бред о постмодерне, это не постмодерн. В России его просто быть не может, потому что нет модерна. Поэтому модернизация консервативных революционеров одновременно должна захватывать и постмодерн.

Мало стать ретромодернистами (освоим сейчас Канта, потом Конта, Гегеля и будем разговаривать). Это нужно сделать, без этого не будет субъекта, не будет рационально-волевой инстанции. Но этого не достаточно, надо освоить и постмодерн, и более того, никто кроме нас в России постмодерн в философском смысле не освоит, потому что именно Консервативная Революция своей энергией и движет нас в модерн, и за его пределы, в чистом виде. Акт Консервативной Революции возможен лишь как волевой и рассудочный выбор между керигмой и структурой. Делая выбор в пользу структуры, мы утверждаем самую высшую форму керигматического начала, высшее действие рассудка – сознательно пожертвовать собой. Но такая жертва возможна только тогда, когда этот рассудок есть.

Археомодерн же “жертвует рассудком”, когда его нет. Не велика жертва – отдать то, что тебе не принадлежит, то, чего у тебя нет. Но когда ты понимаешь волшебную силу разума, не псевдо-понимаешь, не (не)понимаешь (в одно слово), а когда ты на самом деле почти телесно знаешь, как функционирует такое удивительно явление, как разум, согласиться отдать эту чудесную и драгоценную вещь темной чудовищной хлюпающее структуре, работе сновидений, которой у последней пьяни намного больше нас, –вот это действительно жест, это действительно выбор, это действительно действие, которое незамедлительно повлечет изменения в самой структуре мира – и конечно, во властных инстанциях, потому что власть есть не что иное, как воплощенная форма знания. Не случайно книга Фуко называлась “Воля к истине”, как “Воля к власти“ Ницше. По сути дела, знание и власть – это вещи в измерении субъекта тождественные.

Русский субъект

Русский субъект, поставленный как задача и цель на горизонте Консервативной Революции, это не тот западноевропейский субъект, о котором мы говорим, это другой субъект. Мы о нем не можем сказать ничего более определенного, поскольку это то, чего пока нет. Русский субъект должен отличаться свойствами субъекта (как мы его понимаем в модерне), но одновременно, он должен быть и чем-то иным... Русский субъект – это совершенно особое эсхатологическое явление. Чтобы приступить к нему, к самой мысли о нем, предварительно необходимо жестко понять, что русского субъекта раньше никогда не было. “Русское” было, субъект был, а русского субъекта не было и нет. Поиск этого субъекта, его институционализация через философско-политический процесс – самое главное. Русский субъект – вот ключ.

Археомодерн вечно срывал собой любое приближение к этой теме. Он ставил на этом пути непреодолимые преграды. Нерусский субъект был, а русского субъекта мы никогда не дотягивали. Во всем виноват археомодерн, он блокировал этот процесс. Мы должны покончить с ним, уничтожить его, сломить эту болезненную, отвратительную модель отношения керигмы со структурой.

Евразийство как политическая философия: дробь человеческая

Теперь о значении политической философии евразийства.

Я читал на эту тему в ЛГУ на философском факультете лекцию студентам, которые были более открыты и внимательны, чем преподаватели, которые, наоборот, бредили, а студенты, напротив, не бредили, просто чесались, просто сидели. Когда я им хотел проиллюстрировать, что такое политическая философия евразийства, то привел им такую картинку. Человеческая дробь в точности соответствует паре – структура и керигма.

Есть царистская политическая философия, где есть керигма (самодержавие, православие, народность) в числителе и есть русская – сновидческая – структура внизу, в знаменателе, которая по-своему все это воспринимает и перетолковывает. Есть другая дробь, политическая философия советизма. Она имеет ту же русскую структуру под собой, в знаменателе, который (еще в большей степени) перетолковывает эту новую керигму, теперь советскую. И то, и другое есть археомодерн, но с совершенно разными числителями.

Политическая философия евразийства заключается в том, чтобы понять, что в этих дробях общего и привести их к общему знаменателю. А знаменатель у них и так общий; это – русская структура; она проникает сквозь разделительную черту и в советскую философию, и в царистскую. Но не царистская политическая философия является структурой, а что-то общее, что есть и в царизме и в советизме.

Евразийцы как структуралисты и политические акторы призывали именно к этому. Они говорили: "Давайте, найдем общий знаменатель; этот общий знаменатель находится в глубине, там же, где иррефлексивные принципы или архетипы коллективного бессознательного Юнга или импульсы Фрейда. Так давайте подвергнем их рефлексии, – говорили евразийцы, – давайте создадим политическую философию евразийства, на базе общего знаменателя, давайте спустимся глубже, чем другие, чтобы подняться выше, чем другие."

Почему нас и не понимают, когда мы обращаемся с нашим евразийским дискурсом. Мы предлагаем спуститься глубже, чтобы подняться выше. И то и другое

вызывает у плоских людей оторопь... Но сегодня я раскрыл карты... Нас всегда воспринимают за что-то другое. Мы всегда находимся ниже черты банального сознания, и выше черты интеллигентской рефлексии. Но в археомодерне все так перемешано, что этой черты-то уже нет, потому что часть модерна (и его керигмы) обвалилась ниже этой черты. Эта черта между керигмой и структурой – это и есть рацио. Вот эта дробь, рацио, ratio, рассудок, он и прогнил, он провалился.

Между керигмой и структурой функционируют свободные потоки, когда мы говорим: давайте возьмем русскую структуру в качестве общего знаменателя белой и красной модели (мы оперируем здесь примитивными категориями – это “высшая математика” для кошек). Мы призываем не к белой и не к красной керигме, мы призываем к русской структуре, к тому, что является общим по отношению к знаменателю. Но... этот знаменатель никогда не имел своей собственной керигмы, своего собственного числителя. В числители состояли какие-то чуждые керигмы. И уж совершенно точно, общий знаменатель не подходит к либеральной западной керигме.

Задача, которую поставили перед собой первые евразийцы и которую они начали решать, – это предать этому великому русскому немому язык, но не кукуйский, на котором он обычно говорит, а настоящий – евразийский, настоящий русский язык. Он будет странен, он тоже будет напоминать что-то сновиденческое, но от сновидения мы никуда не уйдем ни в Консервативной Революции, ни в археомодерне, ни в постмодерне. Однако эта работа сновидений должна быть упорядочена, открыта, она должна свободно и спокойно проникать в наш национальный рассудок и возвращаться назад в свои теневые сферы.

Вы знаете, какую энергию мы освободим, когда сделаем хотя бы один шаг в этом направлении? Первый шаг по-настоящему, в этой политико-философской евразийской практике? То, что вы не видите этой энергии, означает, что мы еще этого шага не сделали. Энергия пробуждающихся структур – это энергия, способная изменить ход мировой истории, все обрушить или наоборот, все создать с нуля. Только криво и косо затронув это, Советский Союз сумел создать грандиозные конструкции. И это еще находясь в болезни, в бреду: гигантские технические прорывы, огромные волевые импульсы, мобилизация масс, которые шли бесконечными потоками на фронт и стройки. Для этого была нужна энергия, гигантская энергия, но эта энергия тут же и дала о себе знать, как только русскую структуру чуть-чуть пошевелили.

Русский Ereignis

Задача, которая стоит перед Консервативной Революцией – это осуществить национальный взрыв. Рождение русского субъекта – это таинство, это то, чего в нашей истории не было. Сделать это, значит – сделать все.

Православная керигма нам, честно говоря, не очень помогает это сделать, потому что она говорит: привет, все закончено, теперь по нашим циклам вы все сгниете, археомодерн ли или постмодерн – это все царство антихриста. Абсолютно правильно говорит православная керигма, но, к сожалению, она лишает нас надежды осуществить то, о чем мы говорим. Тут я предлагаю, полностью сохранив православную керигму, и утвердив ее, обратиться все же к другим консервативно-революционным методологиям, в частности, к Хайдеггеру, к его учению об Ereignis или о Втором Начале (Zweite Anfang).

Я думаю, что фундаментально отождествив народ с хайдеггерианской категорией Dasein, мы открыли для себя возможность будущего, потому что по Хайдеггеру, время Dasein течет иначе, чем время рассудка. Время Dasein течет из будущего в прошлое. В горизонте будущего Dasein есть Sein, то есть собственно бытие. Мы сказали в одной из лекций о Хайдеггере, что у нас, русских, вместо европейского Dasein'а – народ. Таким образом, народ, в своем наиболее подлинном и аутентичном бытии живет в будущем. Хайдеггер называл это "онтологическим будущим", когда Dasein становится Sein, Er-Eignis, т.е. событием. Он воспринимал это событие как финальный выбор подлинного и верного после того, когда будет осмыслена цепочка заблуждений. Вся западная философия по Хайдеггеру – это накопление заблуждений, которые ведут к эсхатологической терапии. Когда заблуждения накопятся до последней высшей нигилистической модели ницшеанского толка, произойдет переворот, и не то, что бы все вернется на свои места, но Dasein выйдет к вечному и неотменимому измерению бытия.

Наша задача в таком случае осуществить русский Эрайгнис, то есть, сделать так, чтобы русский народ сбылся. Русский народ может и должен сбыться в акте появления русского субъекта. Русский народ не сбылся – пока не сбылся. И это промыслительно. Возможно, накопление ошибок и само явление археомодерна не является временным и случайным искажением нашей судьбы. Это не простуда, которую мы где-то подхватили. Это фундаментальная, фатальная, роковая болезнь, которая призвана очистить нас к высшему свершению.

Я думаю, что в этом консервативно-революционном действии и в тема-

тизации археомодерна в качестве основного объекта исследования лежит реальный путь к тому, что можно назвать русским Эрайгнисом.

Если мы хотя бы отдаленно догадываемся, о чем сейчас идет речь, памятуя о значении Политического и Государственного, о чем было сказано в той же лекции о Хайдеггере, которое заменяет русским полноценную философию (поэтому, когда мы говорим о керигме в России, мы обычно говорим о Государстве), мы понимаем, что речь не может идти просто о философском движении, о направлении мысли. Любое подлинное мышление, любой даже самый маленький шажок в духе, в этом направлении автоматически повлечет за собой фундаментальные потрясения социально-политического плана. И наоборот: главные социально-политические процессы актуальности – пусть даже по обратной логике, пусть даже с обратной теневой стороны – вот-вот соприкоснутся с теми философскими проблемами, которые мы обсуждаем.

То-то будет весело...

Излечение археомодерна как главная национальная задача

Если мы корректно провели диагностику археомодерна как заболевания, приняли за рабочую методику скорректированную традиционализмом модель юнгианского психоанализа, то мы вполне можем наметить пути излечения археомодерна. Правильно поставленный диагноз, как знают врачи, это уже половина дела.

В чем задача такой терапии?

Необходимо вывести содержание русского коллективного бессознательного на уровень керигмы, в «числитель». Это значит попытаться описать словами основные силовые линии этого коллективного бессознательного, облечь их в концептуальные формы, постепенно возведя в статус нормативного мировоззрения.

В ходе этого процесса будет происходит индивидуация народа, то есть его излечение от психоза и шизофрении (масс) и от невроза (элит). Излечиваясь, массы выдвинут из своей среды новую генерацию русских носителей здоровой консервативно-революционной традиционалистской и в пределе гиперборейской керигмы. Эта генерация должна стучаться в ворота власти. Пока у нас в знаменателе лишь шизофреники, никуда стучаться они не могут.

Невротики и параноики получат возможность вылечиться, а те, кто откажутся лечиться, обнаружат себя как больные. Те, кто стучатся снизу, и те, кто излечились сверху, создадут русскую коалицию. Они возьмут на себя функцию выздоравливающих врачей.

Они продолжат лечение элит и масс, начав с самих себя, как и положено любому врачу (medico cura te ipsum).

В какой-то момент археомодерн будет сломлен.

Этапы терапии

И наконец, можно описать последовательность шагов, которые следовало бы совершить в деле конкретной реализации проекта русского излечения от археомодерна:

- спуск в национальное бессознательное вплоть до глубинных пластов - без утраты сознания, то есть психоанализ русского народа;
- создание карты сновидений, атласа русских снов;
- катологизация слоев русской структуры и демаркация их границ;
- выстраивание рациональных керигматических моделей, отражающих и точно репрезентирующих бессознательные структуры;
- перманентные эксперименты над собой и над окружающими в целях проверки того, как действует та или иная керигматическая гипотеза на структуры, с коррекцией методики и языка;
- хирургическое устранение и изоляция наиболее болезнетворных очагов (элиты), активно препятствующих терапии;
- создание и институционализация русской науки, основанной на перманентной фильтрации от лица русского бессознательного заимствованных с запада рационально-керигматических моделей с их дезактивацией на границе проникновения в русское общество;
- пересмотр исторических, особенно гуманитарных знаний в отношении России с позиции русской психотерапии (славянофилы, Достоевский, Толстой, евразийцы, Серебрянный век, национал-большевизм), то есть выработка новой русской эпистемы;
- исследование критических в отношении Запада интеллектуальных авторов (в том числе и западных), включая самых маргинальных, и присваивание им статуса фигур общемирового значения;
- захват власти в России излечивающимся русским народом;
- наступление волшебного века.

Библиография

Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.
Адорно Т. Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000.
Аксаков И.С. Иван Аксаков в его письмах. М., 1888-1896.
Аксаков И.С. Сочинения в семи томах. М., 1886-1887.
Алексеев Н.Н. Русский народ и Государство. М.: Аграф, 2000.
Андреева Г.М. Программа конкретного социального исследования // Лекции по методике конкретных социальных исследований. М., 1972.
Андреева Г.М. Социальное познание: проблемы и перспективы: Избраные психол. труды. М.: Моск. психол.-соц ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1999.
Антология русской классической социологии: Тексты. /Сост. и коммент. Д.С.Клементьева, Л.Н.Панковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995
Анурин В.Ф. Основы социологических знаний. Н.Новгород: НКИ, 1998.
Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Мысль, 1975.
Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В 3 тт. Москва, 1984.
Афанасьев А.Н. Славянская мифология, М.-СПб., 2008.
Батай Ж. Проклятая доля. М.:Гнозис, Логос, 2003.
Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки. Ежегодник. М., 1991.
Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопр. фило-софии. 1993. № 3. С. 46-61.
Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и средневековья. М., 1965.
Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. М., 1986.
Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998.
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
Башляр Г. Вода и грезы. М., 1998.
Башляр Г. Грезы о воздухе. М.,1999.
Башляр Г. Новый рационализм. М.,1987.
Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Москва: Прогресс-Универс, 1995.
Бенуа А. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009.
Бенуа Ален де. Хайек: Закон джунглей.//Элементы № 5, М., 1994
Бергер П. Понимание современности // Социологические исследования. М., 1990. № 7.
Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ, 2003.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1992.
Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
Бердяев Н.А. Судьба России, М.: DirectMEDIA, 1990.
Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апологетика христианства. М., 1994.
Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Ин-

дрик, 2007.
Блок А.А. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1955.
Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 .
*Блок М.*Короли-чудотворцы, М. 1998.
Боас Ф. Ум первобытного человека. М., 1933.
Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: «Политиздат», 1990.
Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах. М.: «Экономика», 1989.
Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.
Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М, 2004.
Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. / Сб. переводов и рефератов. - Минск, 1996
Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // Элементы, №9, 1998.
Брентано Ф. Избранные работы. М., 1996
Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв.. В 3-х т. М.: Весь мир, 2007.
Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986.
Булгаков С. Н. «Апокалипсис Иоанна» (Опыт догматического истолкования). Париж, 1948.
Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм// Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РГХИ, 1997.
Булгаков С. Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994.
Булгаков С.Н. Друг Жениха (Io. 3, 28-30). О православном почитании Предтечи. Париж: Имка-Пресс, 1927.
Булгаков С.Н. Купина Неопалимая. Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж: Имка-Пресс, 1927.
Булгаков С.Н. Православие. Париж: 1965.
Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л.Фейербаха//Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1993.
Булгаков С.Н. Философия имени. М., 1997.
Бурдье П. Социология политики. - М., 1993
Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. М., 1999.
Бурлак А.С., Старостин С.А. Введение в сравнительное языкознание. Москва, 2001
Бурлак А.С., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. Москва: Academia, 2005
Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности. Горизонты и тупики феноменологической. М.: Наука, 1987.
Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М.: Логос, 2003.
Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003.
Вебер М. Аграрная история древнего мира. М.: Канон-пресс, 2001.
Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. Международный философский журнал. - М., 1992, №1
Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.
Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука", 1988.
Вернадский Г.В. Московское царство. В 2-х чч. Тверь- М.: «Леан»; «Аграф», 1997.
Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь-М.: «Леан»; «Аграф», 1996.
Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М.: «Леан»; «Аграф», 1997.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927.
Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Берлин, 1934.

Вернадский Г.В. Русская историография. М.: «Аграф», 1998.
Вернадский Г.В. Русская история. М.: «Аграф», 1997.
*Вернадский Г.В.*Россия в средние векаю Тверь-М.: «Леан»; «Аграф», 1997.
Вико Дж. Собрание сочинений. М., 1986.
Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. - СПб., 1908.
Витгенштейн Л. Философские работы: В 2ч. М.: Гнозис, 1994
Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. -Ярославль, 1960. Вып. IV.
Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М.Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.
Гваттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // ЛОГОС : Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1. Л., 1991.
Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 3 т. М. 1986.
Генон Р. Восток и Запад. М., 2005.
Генон Р. Духовное владычество и мирская власть // Волшебная Гора, 1997-1998 №-№ 67.
Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991.
Генон Р. Символы священной науки. М., 1997.
Генон Р. Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003.
Генон Р. Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика. М., 2004.
Гердер И.Г. Избранные сочинения. М. Л., 1959.
Герцен А.И. Былое и думы. М.: Правда, 1979.
Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев: жизнь и мышление. М.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908.
Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства. М.: Кн-во М. и С. Сабашниковых, 1918.
Гесиод. Теогония // Эллинские поэты. М., 1963.
Гидденс Э.Э. Постмодерн //Философия истории. М., 1995.
Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания, Тбилиси, 1991
Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства.
Головин Е. Серебряная рапсодия. М.: Эннеагон Пресс, 2008.
Голосенко И.А. Русская социология: Ее социокультурные предпосылки, меж-дис-циплинарные отношения, основные проб-лемы и направления // Из истории бур-жуазной социологи-ческой мысли в дореволюционной России / Редкол. Ю. В. Гридчин и др. М.: ИС АН СССР, 1986.
Голосенко И.А. Социологическая литература России второй половины начала XX века. Библиографический указатель. М.: Онега. 1995.
Голосенко И.А. Социология в дореволюционной России (науковедческие аспекты) // Филос. науки. 1988. № 1.
Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина. Русский период деятельности. Самара: Социол. центр <Социо>, 1992.
Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX - XX вв. М., 1995
Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX веков. М., 1991.
Голубинский Е. Е. История Русской Церкви в 2 т. М.: Общество любителей церковной истории, 2002.
Горюнов В.П. От цивилизации к постцивилизации: Постановка проблемы в свете теории соц. относительности // Человек и современный мир: методологические и методические вопросы. - СПб., 1977
Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Мартис, 1995.
Грановский Т.В., Станкевич А.В. Т.Н.Грановский и его переписка. СПб.: Тип. А. И. Мамонтова, 1897.
Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003.
Греймас А.Ж. Размышления об актантных моделях // Вестник Московского университета. -

Сер. 9. Филология, 1996, № 1.
Греймас А.-Ж. Структурная семантика, М., 2008.
Громыко М.М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII - XIX веков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII - начале XX в. Новосибирск, 1975.
Гумилев Л.Н. “Тайная” и “явная” истории монголов XII-XIII вв. //Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 2002.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
Гумилев Л.Н. О термине “этнос” //Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб, 1992
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.
Гуссерль Э. Идея феноменологии. М.: Гуманитарная академия, 2008.
Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998
Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПБ: Владимир Даль, 2004.
Гуссерль Э. Логические исследования. Пролегомены к чистой логике. СПб., 1909.
Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени: Собр. соч. Т. 1. М., 1994.
Гуссерль Э. Философия как строгая наука М.: Сагуна, 1994.
Давыдов А.А. Социология как мультпарадигмальная наука // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 85-87.
Давыдов Ю. Современность под знаком «пост»// Континент. - М., Париж. 1996. № 89
Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955
Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1885-89.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995.
Дебор Г. Общество Спектакля. М., 2000.
Декарт Р. Сочинения. М., Наука, 2006.
Делёз Ж. Логика смысла. М., Екатеринбург, 1998.
Делёз Ж. Ницше и философия. М., 2003.
Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1997.
Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. / Сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.
Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009.
Деррида Ж. Московские лекции. Свердловск, 1991.
Деррида Ж. Эссе об имени. М.- СПб:Алетейя, 1998
Джемаль Г.Д. Революция пророков. М., 2003.
Джемс У. Многообразие религиозного опыта. СПб, 1992.
Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. - М., 1997
Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2009.
Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб: Евразия, 2001.
Дюркгейм Э. Самоубийство: социолог. этюд. - СПб., 1998
Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: пер. с фр. М.: Канон, Реабилитация, 2006.
Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространств. — М., 2004.
Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространств. М., 2004.

Зеленогорский М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея. М., 1991.
Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. München, 1970
Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х томах. СПб, 2005.
Иванов В. В. К лингвистическому и культурно-антропологическому аспектам проблем антропогенеза. — Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
Иванов В. В. Категория времени в искусстве и культуре XX века. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
Иванов В. В. Клод Леви-Строс и структурная антропология. — «Природа». 1978, № 1.
Иванов В. В. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. — ИАН СССР. Серия языка и литературы. Т. 27, 1968, № 8.
Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
Иванов В. В., Лекомцев Ю. К. Проблемы структурной типологии. // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
Иванов В.В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // Народы Азии и Африки. М., 1969, №5
Иванов В.В. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (рец. на кн. Золотарев 1964).- Советская археология, 1968, № 4
Иванов В.В. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Semeiotike. Труды по знаковым системам. Т.4. Тарту, 1969.
Иванов Вяч. В. Бинарные структуры в семиотических системах. — «Системные исследования. Ежегодник. 1972». М., 1972.
Иларіон Схимонах На горах Кавказа. СПб., 1998.
Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.
Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М.: Изд-во МГУ, 1994.
Ильин И. А. Сочинения в 2-х т. Философия права, Нравственная философия, М.: Медиум, 1993
Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. /Отв. ред. Ю.Н.Давыдов. М.: Наука, 1979.
История первобытного общества. т.1, 2,3 М., 1988
История русской социологии (дооктябрьский период): Вып. 7. Саратов: Изд-во СГУ, 1994.
Каратаев. Н. К. Народническая экономическая литература. М., 1958
Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
Кастельс М. Россия в информационную эпоху / М.Кастельс, Э.Киселева // Мир России. - 2001. - N 1. - С.35-66
Кереньи К. Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни, М.: Ладомир, 2007.
Кереньи К. Элевсин. М.: Рефл-бук, 2000.
Керн К. Антропология святого Григория Паламы. Париж, 1950.
Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. М.: Ardis, 1983
Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. М., 1991.
Клюев Н.А. Сердце Единорога. СПб., 1999.
*Клюев Н.А.*Словесное древо: Проза. СПб., 2003.
Кожев А. Атеизм. М., Праксис, 2007.
Кожев А. Понятие власти. М., Праксис, 2006.
Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб.: Издательство СПбГУ, 2000.
Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
Кон Н. В погоне за тысячелетием. Лондон, 1972.
Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. - М., 1936

Конрад Н.И. Запад и Восток, М., 1966.
Конт О. Дух позитивной философии. - Ростов на Дону: Феникс., 2003.
Конт О. Позитивизм и наука. - М., 1975
Корбен Анри. Драматический элемент в гностических космогониях // «Волшебная Гора», №XIII, 2007.
Корбен Анри. Свет Славы и Святой Грааль. — М.: Волшебная Гора, 2006.
Корбен Анри. Световой человек в иранском суфизме // «Волшебная Гора», № VIII. — М.: 2002.
Корбен Анри. Социальные эманации// Ароматы и запахи в культуре. – М.: НЛО, 2003.
Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., Идея-Пресс, 2001.
Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967.
Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
Лебон Г. Психология народов и масс. М., Макет, 1995.
Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1980.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60-70-с годы XIX века. М., 1958.
Леви-Стросс К. Мифологики. Происхождение застольных обычаев. М.: Флюид, 2007.
Леви-Стросс К. Мифологики. Сырое и приготовленное.М., СПб, 1999.
Леви-Стросс К. Мифологики. Человек голый. М.: Флюид, 2007.
Леви-Стросс К. Мифологики. Человек голый. - М.: Флюид, 2007.
Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: АСТ, 1999.
Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2001.
Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.
Лейбниц Г. Сочинения в 4 т. М., 1982-1989.
Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия. Методология. Наука. М., 1972.
Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М., 1996.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.
Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. СПб.: Изд-во “Владимир Даль”, 2002.
Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. М.: Молодая гвардия, 1992.
Лесков Н. Повести. Рассказы. М.: Художественная литература, 1973.
Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - СПб., 1998
Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» // Иностранная литература. М., 1994, №1
Лоренц К. Агрессия. М.1994.
Лосев А.Ф Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968
Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: «Искусство», 1976.
*Лосев А.Ф.*Диалектика мифа. М., 1990.
Лосский В.Н. Боговидение. М.: Свято-Владимирское братство, 1995.
Лосский В.Н. Догматическое богословие. М., 1991.
Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
Лосский В.Н. По образу и подобию. М.:Свято-Владимирское братство,1995
Лосский В.Н. Спор о Софии. Париж: Братство св. Фотия, 1936.
Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сварог и К, 2000.
Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя - культура. Труды по знаковым системам. Тарту, 1973.
Лукач Д. Борьба гуманизма и варварства. Ташкент, 1943.

Лукач Д. К онтологии общественного бытия. М., 1991.
Луман Н. Общество общества. М., 2005
Малиновский Б. Магия, наука, религия // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М., 1998.
Манхейм К. Идеология и утопия // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
Марков Б..В., Шаронов В.В. Очерки социальной антропологии. СПб, 1995
*Маркова Е.И.*Родословие Николая Клюева. Петрозаводск, 2009.
Маркузе Г. Эрос и цивилизация. - Киев, 1995
Маршалл Т.Х. Социальный класс: предварительный анализ // Личность, культура, общество. – 2004
Масионис Д. Социология. - 9-е изд. - СПб.: Питер, 2004
Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное// Социо-логос. Вып.1. - М.: Прогресс, 1991.
Медушевский А.Н. История русской социологии: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1993.
Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика: Единство Империи и разделение христиан. Святой Григорий Палама и православная мистика. Византия и московская Русь. М., 2000.
Мейендорф И. Рим. Константинополь. Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2005.
Мелентьева Н.В. Общая теория восстания Герда Бергфлета // Элементы № 4, М., 1993
Мелентьева Н.В. Социалисты филадельфийского обряда// Элементы №8, М., 1997
Мелетинский Е. М. Клод Леви-Строс и структурная типология мифа. — ВФ. 1970, № 7.
Мелетинский Е. М. Мифологические теории XX века на Западе. - ВФ. 1971, №7.
Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.
Мелетинский Е. М. Структурная типология и фольклор. — Контекст-73. М., 1974.
Мережковский Д.С Мессия. Рождение богов. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000
Мережковский Д.С. Собрание сочинений в 4-х томах. М., Правда, 1990.
Мережковский Д.С. Тайна Трех. М.: Республика, 1999
Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996.
Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. — М., 1988
Миллс Ч. Р. Властвующая элита / Пер. с англ. - М.: Иностранная литература, 1959.
Милль Дж. С. О свободе. СПб, 1906.
Мир нашего завтра: антология соврем. классической прогностики / Ред. сост. и авт. предисл. И.В.Бестужев-Лада. - М.: Эксмо: Алгоритм, 2003
Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1911.
Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Пер. со шв. СПб: Изд-во <Нотабене>, 1992.
Морено, Дж. Психодрама. М., 2001.
Морено, Дж. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001.
Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии, М.: Восточная литература, РАН, 1996.
Мосс М. Социальные функции священного, Избр. Произведения, СПб., 2000.
Мулуд Н. Современный структурализм. М., 1973
Нарта М. Теория элит и политика. - М., 1978
Николова М. Основные философские проблемы французского структурализма. М., 1975.
Ницше Ф. Сочинения в 2 т. - М., 1996
Носович И. Всепьянейший собор, учрежденный Петром Великим // Русская старина. 1874. Год пятый. Декабрь.
Омельяновский М.Э. (ред.) Логика и методология науки. М., 1967.
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.

Отто Р. Священное. СПб.: АНО «Издательство СПбГУ», 2008.
Панарин А.С. Политология. - М., 2003
Панарин А.С. Философия политики. - М., 1996
Паунд Э. Путеводитель по культуре. – М., 2001
Печерин В.С. Замогильные записки./Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: Мемуары современников. М., 1989
Пильняк. Б. А. Собрание сочинений в 6 томах. М.: Терра, 2003
Платон. Собрание сочинений в 4-х т. М.: Мысль, 1994.
Платонов А. П. Чевенгур. М., 1989.
Платонов А.П. Котлован. М.: Дрофа, 2002.
Поппер К. Логика и рост научного знания. - М.,1998
Поппер К. Открытое общество и его враги. т. 1-2. - М., 1992
Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991, № 6
Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986;
Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., Лабиринт, 1999.
Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
Радин П. Трикстер.СПб., Евразия, 1999.
Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.
Рикер П. Человек как предмет философии// Вопросы философии. 1989. № 2.
Ритцер Д. Современные социологические теории: пер. с англ. - 5-е изд. - М. и др.: Питер, 2002.
Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Московская правда, 2001.
Розанов В. В. Мимолетное. М.: Республика, 1994.
Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. СПБ., 1901.
Розанов В.В. Литературные очерки. СПБ., 1899.
Розанов В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства. М.: Olma Media Group, 2003.
Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый. СПб.: Кристалл, 2001.
Розанов В.В. Религия и культура: сборник статей. Париж: YMCA-Press, 1979.
Русская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2006
Рэнд А. Концепция эгоизма. – М.: Макет, 1995
Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997
Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма (1840-1876). М., 1997.
Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Изд. Д. Самарина, 1880.
Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2004.
Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно- безмолвствующих. М.: Канон, 1995.
Семевский М. И. Шутки и потехи Петра Великого//Русская старина: Жизнь императоров и их фаворитов. М., 1992.
Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XVXVI вв.). М.: Индрик, 1998.
Соловьев В. Сочинения в 2-х тт. Т. 2, М., 1988.
Соловьев В.С. Догматическое развитие церкви: (в связи с вопросм о соединении церквей). Париж: Bibliothèque Slave de Paris, 1994.
Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996.
Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.:ТПО Фабула, 1991.
Соловьев В.С. Смысл любви. Избранные произведения, М., 1991.
Соловьев В.С. Спор о справедливости: Соч. М.; Харьков, 1999.
Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. М.: Художественная литература, 1994.
Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. – СПБ, 1908
Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии, М., 1994

Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда. – М.: Астрель, 2006.
Сорокин П.А. Система социологии. – М.: Астрель, 2008.
Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
Сорокин П.А. Социальная мобильность. – М., 2005.
Сорокин П.А. Социология революции. – М.: АСТ, 2008.
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., Комкнига, 2006**.**
Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952
Тан-Богораз В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этнографии. М., 1928
Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. - М.: Инфра-М, 2008
Тард Г. Происхождение семьи и собственности. – М., УРСС, 2007
Тард Г. Социальная логика. – М., 1996
Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
Тённис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.
Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческая деятельность: объяснение в социологии и социальной нау-ке // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и система. Альманах. Научный метод. М., 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 97-118.
Тихомиров Л. Монархическая Государственность. Мюнхен, 1923.
Ткачев П. Н. Избранные сочинения. М., 1935.
Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.
Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. - М.- СПб.,1985
Топоров В. Н. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) / Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 25. М., 1958.
Тоффлер О. Эра смещения власти // Философия истории: Антология. - М., 1994
Тощенко Ж.Т. Возможна ли новая парадигма социологического знания? // Социологические исследования., 1991. № 7. С. 17-24.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.
Тютчев Ф. И. Сочинения в 2-х тт. М.,1980.
Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2004.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. М., 1987
Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Традиция, 1997
Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.,1986.
Филиппов Л. И. Структурализм (Философские аспекты). — Буржуазная философия XX века. М., 1974.
Фихте И.Г. Избранные сочинения. М.,1916.
Флоренский П. Мнимости в геометрии. М.: Лазурь, 1991.
Флоренский П.А. Иконостас. - СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии, 2006.
Флоренский П.А. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1994.
Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990.
Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990.
Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. Париж, 1931.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж: YMCA-PRESS, 1983.
Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.
Флоровский Г.В. О почитании Софии Премудрости Божией в Византии и на Руси /Альфа и Омега. 1995. № 4.
Фрагменты ранних греческих философов, М., Наука, 1989.
Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
Франк С.Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию. Париж: YMCA Press, 1964.
Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика", 1997.

131

Франк С.Л. Русское мировоззрение. М.: Наука, 1996.
Франк С.Л. С нами Бог: три размышления. Париж: YMCA, 1964.
Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1989.
Фрейд З. Тотем и табу. М., 1923.
Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.
Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
Фромм Э. Психоанализ и культура. М., 1995.
Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история: Работы разных лет, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 1997.
Фроянов И.Я. Драма русской истории: На пути к Опричнине. М., 2007
Фрэзер Дж. Золотая Ветвь, М., 1980.
Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
Фуко Мишель. Что такое Просвещение // «Вопросы методологии», № 1–2, 1995.
Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996.
Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. М., 1991.
Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Киев, 1998.
Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
Фуко М. Рождении клиники. М., 1998.
Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
Хабермас Ю. Модерн - незавершенный проект // Вопросы философии. 1992 № 4
Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления М., Республика, 1993.
Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке - М., 2009
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переделка миропорядка.//Pro et Contra, - М., 1997.
Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Праксис, 2004
Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи– М., 2006
Хейзинга Й. Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.
Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.
Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: 1900-1914.
Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. СПб., Медиум, Ювента, 1997.
Чаадаев П.Я. Сочинения М., 1989.
Чаадаев П.Я. Философические письма. М.: Эксмо, 2006
Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1969
Чижевский А.Л. Теория гелиотараксии. М., 1980
Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
Шаронов В.В. (отв. ред.) Очерки социальной антропологии. СПб, 1994.
Шелер М. Ресентимент в структуре моралей, СПб.: Наука: Университетская книга, 1999.
Шеллинг В.Ф.И. Сочинения в 2 т. М., 1987.
Шереги Ф.Э. Социология политики: приклад. исслед. - М.: Центр соц. прогнозирования, 2003
Шестов Л.И. Афины и Иерусалим, Париж: YMCA Press, 1951.
Шестов Л.И. Религиозная философия Владимира Соловьева. Париж: YMCA-Press, 1964.
Шестов Л.И. Сочинения в 2-х томах. М.: Наука, 1993.
Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.
Шмеман А. Введение в богословие: Курс лекций по догматическому богословию. М.; Париж; 1993.
Шмеман А. Церковь, мир, миссия: Мысли о православии на Западе. М., 1996
Шмитт К. Диктатура от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой

борьбы. СПб., 2005.
Шмитт К. Политический романтизм. М., 2006;
Шмитт К. Новый номос земли.//Элементы № 3. М., 1993
Шмитт К. Планетарная напряженность между востоком и западом.// Элементы № 8/ М., 1997
Шмитт К. Политическая теология. - М., 2000
Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992 том1 № 1
Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций.// Социологическое обозрение т.2 №1 М., 2002
Шмитт К. «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса», М., 2006
Шпанн О. Философия истории. СПБ, 2005.
Шпенглер О. Закат Европы М., Мысль, 1993.
Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1927.
Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936.
Штомпка П. Много социологий для одного мира // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 13-23.
Штрайх С. В.С.Печерин за границей в 18331835/ Русское прошлое. Исторический сборник. Пг., 1923
Шуон Фритьоф. Очевидность и тайна. — М., 2007.
Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.
Эйзенштадт М. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1999
Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2005.
Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000.
Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
Элиаде М. Священное и мирское. М., 1995.
Элиаде М. Священные тексты народов мира. М., 1998.
Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. — М., 2002.
Элиаде М. Шаманизм. — Киев, 1998.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 2009.
Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998.
Юдин Ю.И. Русская бытовая сказка. М., Академия, 1998.
Юнг К. Г. Работы по психиатрии. Спб.: Академический проект, 2000.
Юнг К.Г. AION. Исследование феноменологии самости. М., 1997.
Юнг К.Г. Mysterium coniunctions. М.-К., 1997.
Юнг К.Г. Алхимия снов. СПб., 1997.
Юнг К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1997.
Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998.
Юнг К.Г. Божественный ребенок. М., 1997.
Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.
Юнг *К.Г.* Дух Меркурия. М., 1996.
Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.
Юнг К.Г. О современных мифах. М., 1994.
Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. Спб., 2002.
Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.
Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997.
Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.
Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995.
Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1996.
Якобсон Р. О. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии. // VII Междуна-

133

родный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. 5. М., 1970.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Библиография на иностранных языках

Agursky M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder: Westview, 1987.
Apocalypse Culture edited by Adam Parfrey. Los Angeles, 1988.
Babich B. From Phenomenology to Thought, Errancy, and Desire. Dordrecht: Springer, 1995.
Bachelard G. La Poétique de la reverie. P.: PUF, 1960.
Bachelard G. La Poétique de l'espace. P.: PUF, 1957.
Bachelard G. La Psychanalyse du feu. Paris: Gallimard, 1949.
Bachelard G. La Terre et les rêveries de la volonté : essai sur l'imagination de la matière. Paris: J. Corti, 1947.
Bachelard G. La Terre et les rêveries du repos : essai sur les images de l'intimité. Paris: J. Corti, 1948.
Bachelard G. L'Air et les songes : essai sur l'imagination du mouvement. Paris: J. Corti, 1943.
Bachelard G. L'Eau et les rêves : essai sur l'imagination de la matière. Paris: J. Corti, 1942.
Bachofen J.J. Mutterrecht und Urreligion. Leipzig: Kroner, 1927
Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. - N.Y., 1965
Bonaparte M. Chronos, Eros, Thanatos. Paris, 1952.
Braudel F. Le Temps du Monde. Paris: Armand Colin, 1979.
Brentano F. Die Lehre vom richtigen Urteil. Bern: Francke, 1956.
Brentano F. Versuch über die Erkenntnis. Leipzig: Meiner, 1925.
Brentano F. Vom sinnlichen und noetischen Bewußtsein. (Psychologie vom empirischen Standpukt, vol. 3). Leipzig: Meiner, 1928.
Brentano F. Wahrheit und Evidenz. Leipzig: Meiner, 1930.
Brito E. Heidegger et l'hymne du sacré. Leuven: Peeters Publishers, 1999.
Bultmann R. Kerygma und Mythos. Hamburg: Herbert Reich, 1948-55.
Caillos R. Le mythe et l'homme. Paris: Gallimard, 1938.
Caputo J. D. Demythologising Heidegger. Bloomington: Indiana University Press, 1993.
Caputo J. D. The Weakness of God: A Theology of the Event. Bloomington: Indiana Unversity Press, 2006.
Caputo, J. D. God, the Gift and Postmodernism. Bloomington: Indiana University Press, 1999.
Casanova M. A. Pensiero in transizione: Heidegger e l'"altro inizio" della filosofia // Giornale di metafisica. 2009, vol. 31, №1, pp. 43-70
Corbin H. Corps spirituel et Terre céleste: de L'Iran mazdéen à l'Iran shî'ite. P.: Buchet/Chastel, 1979.
Corbin H. Le paradoxe du monothéisme, P.: l'Herne, 1981.
Corbin H. L'homme de lumière dans le soufisme iranien. P.: Éditions Présence, 1971.
Corbin H. L'Imagination créatrice dans le soufisme d'Ibn'Arabî. P.: Flammarion, 1977.
Corbin H. Temps cyclique et gnose ismaélienne. P., 1982
Destutt de Tracy A. Elements d'ideologie: ideologie proprement dite. Paris, 1995
Donna Haraway A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century, 1985.
Dumezil G. Esquisses de mythologie : Apollon sonore - La Courtisane et les seigneurs colorés - L'Oubli de l'homme et l'honneur des dieux - Le Roman des jumeaux. Paris: Gallimard, 2003.
Dumezil G. Les Dieux des Indo-europeens, Paris: Presses universitaires de France. 1952.
Dumezil G. Loki. Paris: Flammarion, 1995.
Dumezil G. Mythe et épopée. I, II, III. Paris: Gallimard, 1995.
Dumont L. Essais sur l'individualisme. Paris: Seuil, 1991.
Dumont L. Homo Hierarchicus. Paris: Gallimard, 1979.
Durand G. Champs de l'imaginaire. Grenoble: ELLUG, 1996.

Durand G. L'Âme tigrée. Paris: Denoël, 1980.
Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris: Dunod, 1960.
Durand G. L'imaginaire. Essai sur les sciences et la philosophie de l'image. Paris: Hatier (Optiques), 1994.
Durand G. L'imagination symbolique. Paris: PUF, 1964.
Durand G. Sciences de l'homme et tradition. Le nouvel esprit anthropologique. Paris: Albin Michel, 1975.
Durand Yves. Une technique d'étude de l'imaginaire. Paris; L'Harmattan, 2005.
Durkheim E. Les formes e elementaries de la vie religieuse. P.: Alcan, 1912.
Franck G. Time: A social construction? // Zeit und Geschichte/Time and History, Beiträge der österreichischen Ludwig Wittgenstein Gesellschaft / Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society, Bd. /vol. XIII, hg. von / ed. by Friedrich Stadler & Michael Stöltzner. Kirchberg am Wechsel: Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft, 2005.
Gosden Ch. Social Being and Time. Oxford: Blackwell. 1994 .
Greisch J. The Eschatology of Being and the God of Time in Heidegger // International Journal of Philosophical Studies.1996. №4.
Guenon R Orient et Occident. Paris, 1976
Guenon R. Introduction generale a l'etude des doctrines hindoues. Paris, 1964
Gumplowicz L. Der Rassenkampf: Sociologische Untersuchungen. Innsbruck, 1883
Gurvitch Georges. The Spectrum of Social Time. Dordrecht: Reidel. 1964
Haar M. Heidegger et l'essence de l'homme. Grenoble, 1990.
Heidegger M. Brief über den Humanismus (1946). Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 1949.
Heidegger M. Der Begriff der Zeit (1924. Fr./M., 2004.
Heidegger M. Der Satz vom Grund (1955-1956). Fr./M., 1997.
Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Fr./M.: P. Trawny, 1998.
Heidegger M. Heraklit. 1. Der Anfang des abendländischen Denkens (Sommersemester 1943) 2. Logik. Heraklits Lehre vom Logos (Sommersemester 1944). Fr./M.: M. S. Frings, 1979.
Heidegger M. Holzwege. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 2003.
Heidegger M. Identität und Differenz (1955-1957). F.-W. von Herrmann, Fr./M., 2006. (GA 11).
Heidegger M. Parmenides (Wintersemester 1942/43. Fr./M., 1982.
Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.
Heidegger M. Seminar: Vom Wesen der Sprache. Die Metaphysik der Sprache und die Wesung des Wortes. Zu Herders Abhandlung "Über den Ursprung der Sprache". Fr./M., 1999.
Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. Oxford, 1993.
Hill J.D. Rethinking history and myth: indigenous South American perspectives on the past. Urbana and Chicago: University of Illinois Press. 1988.
Hughes D. O., Trautmann T.R. Time. Histories and Ethnologies. Ann Arbor: University of Michigan Press. 1995.
Husserl E. Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins. The Hague: M. Nijhoff, 1905
Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München & Zürich, 1949.
Jonker G. The Topography of Remembrance. The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. Leiden etc.: Brill. 1995
Karlsson H. E. It's about Time. The Concept of Time in Archaeology. Göteborg: Bricoleur Press, 2000.
Klages L. Der Geist als Widersacher der Seele. Berlin, 1929
Kristeva J. Revolutions in Poetic Language. NY: Columbia University Press, 1984
*Leenhardt M.*Do Kamo la personne et le mythe dans le monde melanesien. P.,1947.
Levine R., Wolff E. Social time: The heartbeat of culture // *Angeloni E.* (Ed.), Annual editions in anthropology 88/89. Guilford, CT: Dushkin, 1988.
Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris: Plon, 1958.
Levi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. La Haye-Paris: Mouton, 1968.

Levy-Strausse C. Anthropologie structurale deux. Paris: Plon, 1973.
Levy-Strausse C. La Pensée sauvage. Paris: Plon, 1962.
Levy-Strausse C. La Voie des masques. 2 vol. Paris: Plon, 1979.
Levy-Strausse C. Mythologiques, t. I : Le Cru et le cuit. Paris: Plon, 1964.
Levy-Strausse C. Mythologiques, t. II : Du miel aux cendres. Paris: Plon, 1967.
Levy-Strausse C. Mythologiques, t. III : L'Origine des manières de table Paris: Plon, 1968.
Levy-Strausse C. Mythologiques, t. IV : L'Homme nu. Paris: Plon, 1971.
Linton R. The study of man. New York-London: D. Appleton-Century Company Inc., 1936.
Maffesoli Michel. Apocalypse. Paris, 2009.
Maffesoli Michel. La Conquête du présent. Pour une sociologie de la vie quotidienne. Paris, 1979
Maffesoli Michel. La Dynamique sociale. La société conflictuelle . Thèse d'Etat, Lille, Service des publications des theses, 1981.
Maffesoli Michel. Le Temps des tribus, Paris,1988
Maffesoli Michel. L'Ombre de Dionysos, Paris, 1982
Marx W. Absolute Reflexion und Sprache. Frankfurt am Main, 1967.
Marx W. Das Spiel. Wirklichkeit und Methode. Freiburg, 1967.
Marx W. Ethos und Lebenswelt. Mitleidenkönnen als Mass. Hamburg, 1986.
Mattéi J.-F. L'Ordre du monde. Platon, Nietzsche, Heidegger. Paris, 1989.
Mead G. H. The Individual and the Social Self: Unpublished Essays. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
Mills C. Wright. Sociological Imagination. New York: Oxford University Press, 1959.
Mittag Achim. Zeitkonzepte in China. In: K.E.Müller and J.Rüsen (eds) Historische Sinnbildung. Problemstellungen, Zeitkonzepte, Wahrnehmungshorizonte, Darstellungsstrategien. Reinbek: Rowohlt. 1997.
Moore, W. E. Man, Time, and Society. New York: Wiley, 1963.
Newmann D. Sociology: Exploring the Architecture of Everyday Life Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press 2006
Nisbet R. History of the Idea of Progress. New York: Basic Books, 1980
Nisbet R. Social Change and History. New York: Oxford University Press, 1969
Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Francke, 1959.

Radin P. Monotheism among Primitive Peoples. London, 1924.
Radin P. Social Anthropology. New York, 1932.
Radin P. The World of Primitive Man. The Life of Science Library, no. 26. New York, 1953.
Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttg., 1882- 1891. Bd. 1-2. 2) Politische Geographic. Munch.- Lpz., 1897. 3) Raum und Zeit in Geographie und Geologie: Naturphilosophische Betrachtungen/ Hrsg. v. P. Barth. Lpz., 1907.
*Robertson R.*Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992.
Sallis J. Deconstruction and Philosophy. Chicago, 1987.
Sallis J. Delimitations Phenomenology and the End of Metaphysics. Bloomington, 1995.
Sartre J. P. L'Etre et le neant. Essai d'ontologie phenomenologique. Paris, 1943.
Schmitt Carl. Legalitat und Legitimitat. Munich, 1932.
Schutz Alfred. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien, 1932.
Schutz, A.. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press. 1967
Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1892.
Skinner B. Was ist Behaviorismus? Reinbek bei Hamburg: Rohwolt, 1978.
Sorokin P. A., Merton, R. K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis// American Journal of Sociology.1937. № 42.
Suzuki D.T. Zen Buddhism: Selected Writings of D.T. Suzuki. New York: Doubleday, 1956.
Thomas J. Time, Culture and Identity. An interpretive archaeology. London: Routledge. 1996

Turner Terence. Ethno-Ethnohistory: Myth and History in Native South American Representation of Contact with Western Society/*J.D.Hill* (ed.) Rethinking history and myth: indigenous South American perspectives on the past. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1988.
Vallega A. Heidegger and the issue of Space, Pennsylvanya: The Pennsylvania State University Press, 2003.
Vycinas V. Earth And Gods An Introduction To The Philosophy Of Martin Heidegger. New York: Springer, 1969.
Weber M. Rationalisierung und entzauberte Welt. Berlin, 1989
Whorf B. Language, thought and reality. Cambridge, MA: MIT Press. 1956.

Аннотация

Книга представляет собой сборник статей, лекций и фрагментов из монографий, объединенных темой археомодерна, особого понятия, вводимого автором как социологический, философский и политологический концепт. Археомодерн рассматривается как социальная аномалия, основанная на противоречиях между коллективным бессознательным и коллективным сознанием. Археомодерн чаще всего возникает в ходе экзогенной и насильственной модернизации. Автор предлагает способы и пути преодоления археомодерна в России, основанные на осознании глубинных психологических структур русского общества.

Abstract

The book represents the choice of articles, lectures and fragments of different book written by author united by the main topic - archeomodernity. This concept introduced by author in different works tries to get the essence of the morbid social structure based on the disharmonic associations of contradictory elements. The archeomodernity is present when the modernization of society has outer sources and don't correspon to the psychological roots of given society. The result is ugly acculturation and the pathology where the collective consciousness is in opposition to the collective unconsciousness. The author proposes his own method to cure this kind of social illness.

Монографии автора

Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М.: Арктогея, 1991.
Дугин А.Г. Гиперборейская теория, М.: Арктогея, 1993.
Дугин А.Г. Конспирология. М.: Арктогея, 1993, 2-е доп. изд., М., 2005.
Дугин А.Г. Консервативная Революция. М.: Арктогея, 1994.
Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.
Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1-е изд., 1996, 2-е изд., 1997, 3 изд. (дополненное) 1998, 4 изд. (дополненное), 2000.
Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести. М.: Арктогея, 1996.
Дугин А.Г. Тамплиеры Пролетариата. М.: Арктогея, 1997 .
Дугин А.Г. (под ред.) Конец Света (альманах по истории религий) М.:Арктогея, 1997.
Дугин А.Г. (под редакцией) Наш Путь. М.: Арктогея, 1998.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея, 1999.
Дугин А.Г. Русская Вещь. В 2 т. М.:Арктогея, т.1, т.2., 2001.
Дугин А.Г. Евразийский Путь. М.: Арктогея-Центр, 2002.
Дугин А.Г. (под редакцией) Евразийский Взгляд. М.: Арктогея-центр, 2002.

Дугин А.Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002.
Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. (под ред.) Основы Евразийства. М.: Евразийское движение, 2002.
Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея-центр, 2004.
Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.
Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.:Арктогея-Центр, 2004.
Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004.
Дугин А.Г. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское движение, 2007.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Знаки великого Норда. М.: Гардарика, 2008.
Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009.
Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.
Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.
Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологи. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.:Академический проект, 2011.
Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Социология геополитических процессов. М., 2011.
Дугин А.Г. Геополитика. М., 2011.
Дугин А.Г. Этносоциология. М., 2011.

Оглавление

Научное издание

Александр Гельевич Дугин

Археомодерн

Ответственный редактор *В.Туркот*
Художественный редактор *В.Дмитренко*
Технический редактор *А.Тарасов*
Корректор *С.Суркова*
Верстка *М.Багрицкий*

Подписано в печать 15.12.2010
Формат издания 152x229 Печать цифровая.
Усл печ. листов 5,5. Тираж 600 экз.
Заказ №